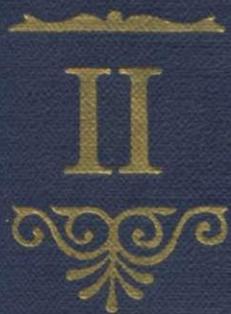

ИБ

Г. ФЕРРЕРО

И

Г. ФЕРРЕРО

ВЕЛИЧИЕ
И ПАДЕНИЕ
РИМА

GUGLIELMO FERRERO

GRANDEZZA
E DECADENZA
DI ROMA

Г. ФЕРРЕРО

ВЕЛИЧИЕ
И ПАДЕНИЕ
РИМА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"НАУКА"
1998

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

*Б. В. Ерохин, В. М. Камнев,
Б. Н. Комиссаров (заместитель председателя),
Г. Л. Курбатов, Е. В. Никитюк (секретарь),
Р. Г. Скрынников, Г. Л. Соболев,
С. Ю. Трохачев, Э. Д. Фролов (председатель)*

Ответственный редактор

Э. Д. Фролов

Редакторы издательства:

Т. П. Жукова, И. А. Богданова

Шмуцтитутулы подготовлены
Дмитрием Яковиным

Без объявления

ISBN 5-02-026758-9 (Т. III—V)

ISBN 5-02-026756-2 («Наука»)

© «Ювента», оформление, 1998

I

Положение Августа после гражданских войн

Иллюзии и стремления Италии.— Август и великая империя.— Видимое согласие между Августом и Италией.— Восточная политика и общественное мнение.— Восточная политика и идеи Августа.— Результаты первого недоразумения по вопросу о восточной политике.— Другие различия между взглядами Августа и общества.— Реформа нравов.— *Nec vitia nostra nec remedia pati possumus*.— Восстановление имперских финансов.— Новые источники и новые налоги.— Дело Августа.— Государственное счетоводство.— Новое правление в Риме.— Первое путешествие Августа: его предлоги и его основания.— *Praefectus urbi*.— Наместник Египта.— Первые затруднения в Египте.— Отъезд Августа.

Все вздохнули, наконец, свободно. Последние тучи бури рассеялись с горизонта; снова заблестало голубое небо, обещаая мир и радость. Со всеми ужасами революции: тиранией триумвиров, военной анархией, возрастающими налогами — было покончено. Сенат снова начал заседать регулярно; консулы, преторы, эдилы, квесторы опять принялись за свои прежние обязанности; снова провинциями стали управлять, сменяя друг друга, правители, назначаемые по выбору или жребию из консулов и преторов, срок назначения которых истекал. После стольких лет раздора, ненависти и резни Италия была, наконец, в согласии, по крайней мере в своем преклонении перед Августом и традициями древнего Рима.

Битва при Акции, поражение Антония, легенда о Клеопатре, завоевание Египта, восстановление республики, странные и почти невероятные события последних лет обратили общее внимание на отдаленные истоки национальной истории и самое начало великой империи. Все теперь бредили древностью, и древность какого-либо учреждения была достаточной причиной, чтобы признать его лучше настоящего. В политике сожалели о великой аристократии, управлявшей империей до войны с Персеем. Думали, что нравы, семья, армия, учреждения и люди ухудшились из века в век, и классических писателей: Ливия Андроника, Пакувия, Энния, Плавта и Теренция — предпочитали более яркой жизненности авторов, современных поколению Цезаря. Отвечая этому общему чувству, сенат в предшествовавшем году постановил восстановить сперва храмы в Риме, а затем уже и дороги в Италии, хотя последние были в очень плохом состоянии. Все думали, что если Рим достиг такого величия, то лишь потому, что, прежде чем сделаться мировым трактиром и публичным домом, он был святым городом, в котором бесчисленные, невидимые и вездесущие боги в течение

столетий наблюдали за телесным здоровьем и нравственными качествами, семейной чистотой и военной дисциплиной, за честностью частных лиц и общественным правосудием, за внутренним согласием и военными успехами. Разве чисто религиозные узы не связывали в течение столетий жену и мужа, сына и отца, патрона и клиента, солдата и генерала, гражданина и магистрата, магистрата и республику, и всех граждан друг с другом? Следовательно, необходимо восстановить былые нравы, семью и армию, и восстановится та благочестивая республика, которая завоевала мир, молясь и сражаясь. Труд, без сомнения, был огромен, но большинство считало его легким и успех его обеспеченным, в особенности теперь, когда Август с властью принцепса стоит во главе империи. Горячие поклонники по всей Италии приписывали ему всю заслугу настоящего положения дел и возлагали на него еще большие надежды в будущем. Разве не он проник в преступные и мрачные замыслы Антония и Клеопатры, когда они втайне готовили для Рима цепи самого позорного рабства? Разве не он заслужил признательность ветеранов, постепенно получавших обещанные им земли; муниципий, которым уплачивались значительные суммы за отчужденные домены; государственных кредиторов, которым, наконец, были уплачены так долго ожидавшиеся ими деньги? Разве не благодаря ему ремесла, искусства, торговля, земледелие, столь страдавшие от недостатка денег, ожили под благодатным дождем египетского золота и серебра? Не благодаря ли ему одному постепенно исчезли все воспоминания о гражданской войне? Общество не могло не доверить свое будущее человеку, который уже выполнил столько удивительных дел; и этот любимец судьбы, которого случай сделал победителем, стал предметом поклонения, равного которому не имел до того ни один человек в предшествующей римской истории. Никто не сомневался, что Август распространит по всей империи мир и благоденствие, восстановит религию в храмах и справедливость в судах, исправит нравы и отомстит за поражения, испытанные Крассом и Антонием в Парфии. Восхищение перед ним некоторых лиц доходило по временам до безумия. Один сенатор, как безумный, бегал по улицам Рима, убеждая всех встречных посвятить себя Августу по испанскому обычаю — иными словами, дать обещание не пережить его.¹

Модный
мистицизм

Успех Августа был полным, и легенда об этом успехе превозносила, преображала и обожествляла Августа, как она превозносит, преображает и обожествляет всех лиц и все народы, имевшие успех. Прежний триумvir, запятнанный кровью проскрибированных, неспособный генерал при Филиппах, трусливый адмирал при Скилле, презираемый племянник веллетрийского ростовщика, был теперь в глазах своих современников долгожданным спасителем, который должен был излечить все беды, от которых страдала Италия. Мистические неопределенные порывы к более счастливому и чистому веку и к общему обновлению подготовили во времена революции умы к принятию этой иллюзии и к увлечению ею. В самые мрачные годы гражданской войны гаруспики на основании темного этрусского учения объявили в Риме о начале десятого века и о том, что десять

¹ Dio, LIII, 20.

веков являются пределом жизни народа.¹ Сивиллины оракулы, собранные и популяризированные благочестивым Вергилием в его очень распространенной четвертой эклоге, возвещали о наступающем царстве Аполлона, сближая этрусское учение с древней италийской легендой о четвертом веке мира.² Посреди революционных гроз многие изучали пифагорейскую философию, и Варрон³ распространял в Риме учение о том, что души с Елисейских полей периодически возвращаются на землю.⁴ К одному учению примыкало другое, равным образом усвоенное Варроном, по которому через каждые четыреста сорок лет душа и тело снова соединяются и мир становится опять таким же, каким он был раньше.⁵ Уже тридцать лет жили тщетной надеждой на какое-нибудь счастливое и славное событие, которое разрешило бы все затруднения, и как раз потому, что представления об этом событии были неопределенны и несогласованны, все могли признать его в успехе Августа и убедить себя, что именно он есть то так долгожданное лицо, которое, как скоро скажет Вергилий, должно быть „condere aurea saecula“, т. е. реализовать все смутные надежды, владевшие тогда умами.

Один только человек во всей империи не верил в этот миф об Августе, не доверял ему и почти страшился — и это был сам Август. Пятьдесят лет историки беспрестанно повторяют, что Август потихоньку, с никогда не изменявшей ему энергией, всю свою жизнь работал над тем, чтобы, подобно Цезарю, сосредоточить всю власть в своих руках и облечь в старые республиканские формы, к которым привыкли современники, новую монархию, прочную опору которой он создавал втайне, незаметно ни для кого. Но эта легенда бессмысленна и пользуется так долго доверием только потому, что никто еще не изучил основательно дело и эпоху того, кого так неверно привыкли называть первым римским императором. Хотя трудно через двадцать столетий, зная последующие события, представить себе положение дел в том виде, в каком оно представлялось его современникам, и благодаря этому затруднению, правда, единственному, но зато непреодолимому для большинства историков, так плохо понимают Августа и его странное поведение. В действительности же вполне возможно понять, почему Август должен был страшиться необычайного положения, данного ему судьбой. Если энтузиасты часто позволяют ослепить себя легендой, которую успех создал вокруг них, и кончают тем, что, подобно всем, уверуют в нес, то этот умный эгоист, не имевший ни тщеславия, ни честолюбия, этот ипохондрик, боявшийся внезапных волнений, этот тридцатилетний человек, преждевременно состарившийся, этот осторожный счетчик, холодный и боязливый, не строил себе иллюзий. Он хорошо знал, что главным пунктом легенды, основой его величия, поводом к всеобщему оказываемому ему поклонению является огромное заблуждение; он знал, что общество наделяет его почестями, знаками уважения, конституционной и неконституционной властью

¹ Frag. Hist. Rom. (Peter), 254; Augustus, IV, 5.

² Servius, ad Virg. Eclog. IV, 4.

³ Augustin. De civitate Dei, VII, 6.

⁴ Вергилий усвоил его в Энеиде, VI, 724 сл. См.: Boissier. La religion romaine d'Auguste aux Antonius, I. Paris, 1892. 274 сл.

⁵ Augustin. De civitate Dei, XXII, 28.

лишь потому, что с наивным и непобедимым доверием ожидает от него чудес, которых он даже и не пытался произвести, ибо знал всю их невозможность.

Восточный вопрос Первым из этих чудес было завоевание Парфии. Это было величайшее затруднение, оставленное революцией Августу, как следствие глубоких перемен в порядке управления на Востоке. Битва при Акции устрасила Италию, неожиданно открыв даже наиболее поверхностным умам то, что предусмотрительные умы стали понимать сейчас же после битвы при Филиппах; было очевидно, что Италия слишком невыгодно расположена посреди варварских бедных и ненадежных провинций Запада, слишком раздираема ужасными гражданскими войнами, слишком бедна сама по себе, слишком мала и слишком мало населена для того, чтобы властвовать над восточной частью империи, столь возросшей в последние пятьдесят лет, сперва вследствие завоевания Понта Лукуллом, потом благодаря завоеванию Сирии Помпеем и, наконец, благодаря только что произведенному Августом завоеванию Египта. Беря себе Восток и оставляя Октавиану Запад, Антоний принудил Италию в течение десяти лет чахнуть в бездействии бессильной зрительницей своего быстрого политического и экономического упадка, в то время как сам он мог действовать на неизмеримом пространстве от Парфии до Египта и пытаться завоевать мир по пути, уже проложенному Александром. Антоний и Клеопатра, таким образом, сразу открыли Италии, что эта огромная восточная империя, завоеванная ею в течение двух столетий, могла быть очень легко отнята у нее в один день и что, даже не отделяясь, она своей протяженностью, своим географическим положением, своим богатством и своей древней цивилизацией грозит одержать верх над западной частью, более варварской и бедной, и над самой Италией, расположенной на границе империи, на пороге к варварской Европе. Легенда о желании Клеопатры завоевать Италию и властвовать на Капитолии была, в сущности, народным объяснением восточной опасности. Отсюда и произошел мощный взрыв национального чувства, после Акции низвергнувший в пропасть Антония и принудивший Августа путем завоевания Египта и разрушения царства Птолемеев отомстить за унижения, нанесенные Востоком Риму в гражданской войне. Отсюда также происходили постоянно распространявшиеся слухи о возможном перенесении столицы на восток, живое беспокойство римских патриотов по поводу этой опасности и предупреждение Горация, который в 3-й оде III книги заставляет Юнону в мифе о Трое символизировать борьбу между Римом и Востоком. Отсюда, наконец, произошла огромная популярность, которой пользовалась в этот момент мысль о мщении парфянам. Завоевания одного Египта было мало для римского патриотизма. Опьяненная народной легендой об Акции, изображавшей последнюю войну как великий триумф Рима, обманутая легендой об Августе, которому, по ее мнению, все, даже самые трудные, предприятия должны были удаваться, Италия после завоевания Египта хотела продолжать на Востоке свои репрессии и свое мщение; она мечтала о завоевании Парфии, которое должно было всецело восстановить римский престиж во всей Азии и дать громадную добычу и неизмеримые сокровища, необходимые для реорганизации финансов империи. Поэты постоянно возвещали об отправке легионов в дальние экспедиции,

даже для завоевания Индии, и в Италии таким путем развивался интерес к великому проекту Цезаря и Антония.¹

К несчастью, он явился слишком поздно, таково было, по крайней мере, мнение Августа. Август хорошо понимал, что укрепить колеблющееся римское владычество на Востоке необходимо, но не с помощью репрессий и театральных войн, которых желала Италия. Он знал тайну Акции; он знал, что мог выступить борцом за итальянский национализм только тогда, когда Антоний невероятными ошибками уже разрушил сам свое могущество; он знал, что в последней гражданской войне он одержал победу без боя. События, посреди которых он находился в последние годы, привели его поэтому к убеждению, которое одно только может объяснить внешнюю политику первых десяти лет его принципата, а именно, что Рим слишком истощен гражданскими войнами, чтобы даже при поддержке Италии и всех западных провинций продолжать на всем Востоке, от Понта до Египта, ту грубую и властную политику, при помощи которой он покорял друг за другом поодиночке большие и малые государства Востока. Рим состарился и оказался бы бессильным на Востоке против новой коалиции, подобной предпринятой Клеопатрой, если бы эта коалиция сумела избежать ошибок Антония.²

Что мог бы сделать Октавиан, если бы Антоний последовал совету Клеопатры и после основания новой империи, вместо того чтобы вести войну с Октавианом в Европе, ожидал бы, чтобы Рим атаковал его на Востоке для завоевания своих потерянных провинций? Восточная война с новой грозной империей была бы безнадежным предприятием. Риму пришлось, таким образом, признать свою слабость на Востоке, и, подобно всем слабеющим государствам и партиям, он ловко скрыл эту слабость под красивыми покрывалами великодушия и доброты, начиная с большей гуманностью обращаться с провинциями, управлять которыми он не мог более при помощи одной только силы.³ Организация Египта, которая, конечно, была придумана и предложена Августом и которая (хотя многие историки и не отдают себе в этом отчета) была настоящим революционным новшеством, введенным гражданскими войнами и окончательно санкционированным реставрацией 28—27 гг., была первой попыткой этой новой восточной политики. Впервые в истории Рима новое завоевание не было ни отдано под власть вассальной династии, ибо боялись увидеть появление новой Клеопатры, ни объявлено римской провинцией, ибо не были уверены в том, что Египет подчинится управлению

¹ См.: *Hor. Sat.*, I, II, 22; I, II, 49; I, XII, 53; I, XXIX, 4; III, II, 3; III, V, 4; III, VIII, 19; *Propert II*, VII, 13 (если принять поправку *Parthis... triumphis*); III, 1, 13 сл.; IV, 1, 15 сл.; IV, 4; V, III, 7. — Эти места доказывают нам, что в данную эпоху все были убеждены в намерении Августа предпринять большую экспедицию на отдаленный Восток, подобно Крассу, Цезарю и Антонию. Это подтверждается фактом, что, когда в конце года Август уехал в Испанию, думали, что он отправился сперва завоевать Британию, а затем и Парфию. Этому мнению Август был обязан большей частью своей популярности и, несмотря на все свое отвращение к такой попытке, не осмеливался опровергать распространявшиеся в народе по этому поводу слухи и позволял циркулировать им, ожидая, когда он будет в состоянии подготовить какое-нибудь дипломатическое соглашение.

² *Dio*, LIII, 20.

³ Путешествие Августа в Азию в 21—20 гг., о котором мы будем говорить в пятой и шестой главах, позволяет нам видеть, что такова была руководящая мысль всей восточной политики Октавиана.

проконсула. Законная монархия, с ее вековым авторитетом, с ее привычным сложным делом подкупа и репрессий, не имела успеха в поддержании порядка в течение последних пятидесяти лет; народные мятежи, дворцовые заговоры, гражданские войны не переставали волновать Египет. Как можно было думать, что незнатный сенатор, ежегодно переизбираемый в Риме, окажется способным управлять страной с тремя легионами, из которых одного едва было достаточно для поддержания порядка в Александрии? ¹

Римское правительство было слишком ненавистно и дискредитировано на Востоке, а особенно в Египте. Август, подражая политике Антония, задумал создать в Египте что-то вроде династического призрака, за которым мог бы скрываться представитель республиканского Рима. ² Он хотел управлять Египтом при помощи двуликого магистрата, как пытался это сделать уже Антоний: лицо магистрата, обращенное из Италии, должно было быть латинским и республиканским, обращенное же к Египту — восточным и монархическим. Август и назначенный им *praefectus Aegypti* условились играть эти две роли и исполнить эту двойную магистратуру: Август, бывший в Италии только первым гражданином республики, был в глазах египтян в течение десяти лет своего принципата наследником Птолемеев и новым царем Египта, живущим далеко от Александрии, потому что он был принужден управлять из Рима более обширной империей, и управляющим Египтом при помощи своего префекта; последний же был для египтян родом наместника, тогда как итальянцы могли видеть в нем древнего магистрата, которого Рим посылал управлять покоренными городами в первые столетия завоевания Италии. Человек, не осмелившийся даже объявить Египет римской провинцией, не мог осмелиться попытаться завоевать Парфию после двух крупных неудач Красса и Антония. Для завоевания Парфии нужно было нечто иное, чем прекрасные оды Горация; по расчетам Цезаря, нужны были по меньшей мере шестнадцать легионов и очень крупные суммы денег. Теперь, когда армия была сокращена до двадцати трех легионов, едва достаточных для обороны империи, было невозможно шестнадцать из них отправить в страну, из которой не вернулся Красс.

Конституционное положение Августа Таким образом, только как бы благодаря заразительному обману чувств Италия видела все свои мечтания олицетворенными в Августе. Согласие между нацией и первым магистратом республики было только кажущимся, и в основном вопросе восточной политики их разногласие было непримиримым. Италия толкала Августа на дорогу, проложенную Крассом и Антонием, а Август, напротив, хотел предоставить Парфию поэтам, предоставляя им возможность завоевывать ее на бумаге столько раз, сколько им было угодно. И одного этого разногласия достаточно для нас, чтобы смотреть на конституционную умеренность Августа совсем не как на «политическую комедию». Начиная с Красса завоевание Парфии было оправданием всех государственных переворотов, проектированных или реализованных. Цезарь надеялся им оправдать свою диктатуру, а Антоний — свой

¹ Strabo, XVII, 1, 12, (797).

² Тацит (Hist., I, 11) ясно говорит, что такова была цель необычайной организации Египта: *equites romani obtinent loco regum: ita visum expedire, provinciam aditu defficilem, annonae fecundam, superstitione ac lascivia discordem et mobilem, insciam legum, ignaram magistratum, domi retinere.* См.: Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides. Paris, 1904, vol. II, 351.

триумвират. Август, со своей стороны, не желавший идти на отдаленный Восток за трофеями, обещанными Цезарем и Антонием, предполагал, напротив, по необходимости и по благоразумию, а не по глупости и республиканской идеологии, конституционным путем отправлять свое консульство в Риме и проконсульства в своих трех провинциях; он скрывал, как только мог, это смешение двух властей, консульской и проконсульской, которое вместе с префектурой Египта было самым важным нововведением в реформах 28 и 27 гг. Поэтому тотчас же после 16 января он поспешил отказаться от всех новых почестей и постарался успокоить своих фанатичных поклонников;¹ он стремился всеми находившимися в его распоряжении средствами показать, что желает управлять вместе с сенатом;² он желал, наконец, привести к разумным размерам идею, что все сделано им и его могуществом, и убедить сограждан, что он не более чем сенатор и римский магистрат. Историки последних пятидесяти лет видят во всех этих его поступках только комедию. Должно однако думать, что Август, весьма вероятно, знал современный ему Рим и Италию не хуже современных профессоров истории. Он знал, стало быть, что имперское высокомерие и республиканская гордость были теми двумя чувствами, которые боролись в душе нации, и что можно, удовлетворяя одно, оскорбить другое, но что нельзя одновременно причинить насилие им обоим. Завоевание Парфии, быть может, могло разрушить республику без слишком большого риска, но Август не имел склонности к подобному приключению.

И если бы еще общество требовало от него лишь трофеев блестящей победы над Парфией! Но разногласия между Августом и Италией не ограничивались одним этим вопросом.

Общество не переставало требовать от него много другого, чего даже диктатура не могла бы дать республике. От него требовали внутреннего мира, порядка в Риме, спокойствия в Италии, совершенного функционирования новой конституции. Всем казалось естественным, чтобы поставленный во главе республики новый магистрат обуздал все революционные силы, в предшествующее столетие так ужасно терзавшие конституцию, принудил аристократию и всадническое сословие, вступивших во владение своими древними привилегиями, ревностно исполнять свои обязанности и заставил, наконец, правильно функционировать все конституционные органы: комиции, сенат, магистратуру, суды. Но у Августа не было никакого средства выполнить все это, и, что еще важнее, вообще нельзя было найти такого средства. В Риме и в Италии он мог пользоваться только консульской властью. Установленная в эпоху, когда все было проще, меньше, легче, эта власть была слишком слабой при настоящих обстоятельствах: она не располагала даже полицейской силой для поддержания порядка в низших, столь беспокойных классах столицы. Желая при отправлении консульских обязанностей строго держаться конституции, Август отослал из Рима преторианские когорты, которыми, в силу звания проконсула, он мог бы окружить себя, когда принял начальствование над армиями, и решил никогда не призывать солдат

Дальнейшие несогласия между общественным мнением и видами Августа

¹ Dio, LIII, 20.

² Ibid., 21.

в Рим, что, к несчастью, так часто делали во времена триумvirата. Таким образом, для поддержания порядка в Риме, космополитическом городе, полном подонков общества и разбойников, по привычке беспокойном и бунтующем, он мог рассчитывать только на свой престиж спасителя Рима, победителя Клеопатры и умиротворителя империи. Но если его задача в Риме была такой трудной, то что говорить об общественном мире, спокойствии государства и правильном функционировании конституции, которых все ожидали от него? Что можно сказать о другом очень давнем желании, о реформе нравов, которое конец гражданских войн снова оживил в умах всех классов? Требуемая уже более столетия всеми партиями, иногда действительно предпринимаемая или по принуждению, или по притворству, предлагаемая, откладываемая, снова предлагаемая, реформа нравов представлялась и теперь единственным радикальным средством против господствовавшего морального кризиса и необходимым дополнением к аристократической реставрации. Все понимали, что после восстановления республики было необходимо восстановить также сенатскую знать и всадническое сословие, которые могли бы употреблять свои богатства на пользу общества вместо того, чтобы расточать их в безумной роскоши или постыдных оргиях; которые подавали бы народу пример всех добродетелей, сохраняющих завоеванную оружием империю, т. е. многочадия, семейного духа, гражданского самоотвержения, военной доблести, строгих нравов, деятельности и твердости. Если для возрождения аристократии не явится крупная моральная реформа, то как может аристократия воспитать в своей среде офицеров и генералов, долженствовавших вести победоносные легионы в самое сердце Парфии? Каким образом будут в состоянии функционировать республиканские учреждения? Гораций уже указывал как на причину могущества Рима на святость супружеских нравов, так долго царствовавших в суровых фамилиях прошлого.¹ Он возвещал Италии, что победить парфян можно будет только тогда, когда молодежь будет подчинена новому и более суровому воспитанию.² Теперь он восклицал:

...там, где нравственности нить,
Что пользы принесут напрасные законы?³

«Законы» (*leges*) означают здесь восстановленный порядок, реставрированную республику. К чему, хочет сказать поэт, восстанавливать республику, если не очистить развращенные нравы? Без этого даже хорошие учреждения дадут только дурные результаты.⁴ Поэтому прежде всего нужно удалить из сердец жажду богатства, являющуюся причиной всех зол.

¹ *Carm.*, III, VI, 17 сл.

² *Ibid.*, II, 1 сл.

³ *Ibid.*, III, XXIV, 35—36.

⁴ Гораций не хочет сказать, как могло бы показаться, что законы бессильны реформировать нравы; если бы эти два стиха имели такое значение, они стояли бы в противоречии с предшествующими стихами, в которых поэт требует законов и наказаний для подавления пороков (v. 28—29: *indomitam audeat refrenare licentiam*; v. 33: *Si non supplicio culpa reciditur*). Гораций так верит в пользу законов для моральной реформы, что вся ода написана с целью потребовать их; но он хочет сказать, что лучшие политические и социальные законы бесполезны при развращенности нравов; поэтому нужно начать с реформы нравов и издать для этого специальные законы.

Не лучше ль скифом жить в степях,
У коих шаткий дом в походной весь кибитке?
Не лучше ль гетом на полях
Немереных плоды и хлеб собирать в избытке? ¹

Но Гораций не думает, что люди способны исправиться сами и послушаться разумных и мудрых советов: приходится прибегать к силе законов.

О, если кто судьбой избран
Всеобщий дух унять от буйств и злодеяний
И хочет, чтоб: Отец граждан
К подножию его писали изваяний —
Пусть обуздает он разврат,
И будет славиться в потомках. В том и горе!
Живую доблесть не ценят,
А скрылась лишь из глаз, так жадно ищут вскоре.
Коль преступлению вослед
Не угрожает казнь, к чему все наши стоны... ²

И то, что Гораций поражал в приведенных стихах, повторяли повсюду в Италии в той или иной форме, обращаясь к Августу с требованием законов против роскоши, против безнравственности, против безбрачия и заставляя его восстановить древнюю полицию частных нравов, которую аристократия в продолжение стольких веков поручала цензорам. ³ Это легко было сказать, но трудно было привести в исполнение. Август, со своей стороны, был вполне склонен удовлетворить новых пуритан. Он был, как мы сказали бы теперь, искренним поклонником традиций по своему характеру и взглядам: он предпочитал простоту и бережливость роскоши и расточительности; был поклонником Цицерона; наконец, происходил из провинциальной буржуазной семьи и жил среди той части римской аристократии, которая была наиболее привязана к традициям. Его жена Ливия, всегда имевшая на него такое большое влияние, принадлежала к одной из этих фамилий. Но, как все образованные люди его эпохи, Август слишком хорошо знал нравственную распущенность высших классов, особенно того, который, говоря словами современного писателя, ⁴ можно назвать политическим классом; для него было невозможно верить в исполнимость радикальной реформы нравов.

Если все поклонники доброго старого времени устами Горация *Nec vitia* требовали строгих мер и законов против развращенности, то другой *nostra* поэт, Проперций, радостно восклицал тогда по поводу уничтожения *pec* вместе с прочими принятыми во время гражданских войн законами *remedia* закона, изданного триумвирами, точной даты которого мы не знаем *pati* и который стремился принудить граждан к браку. *possumus*

В радости, Кинфия, ты, что строгий закон отменили,
Тот, что нас плакать с тобой некогда так заставлял. ⁵

¹ Carm., III, XXIV, 9 сл.

² Ibid., 25 сл.

³ В 22 г. для удовлетворения общественного мнения создали двух цензоров (Dio, LIV, 2), которых уже давно не бывало, но, как мы увидим, эта попытка возобновления цензуры не имела успеха (Valleius Pater., II, 95).

⁴ Gaetano Mosca.

⁵ Propert., II, VI, 1 сл. — Jörs (Die Ehegesetze des Augustus. Marburg, 1894, 5 сл.) правильно, по моему мнению, утверждает, что указанное место относится к этой эпохе, но, я думаю, он ошибается в своем предположении, опирающемся на место Тацита (Ann., III, 28), что в 28 г. до Р. Х. Август заставил утвердить закон

В то время как все мечтали о великих победах, которые должно было одержать римское оружие над парфянами, этот поэт простодушно признавался своей возлюбленной в своем гражданском эгоизме:

Где же мне взять сыновей для участия в парфянских триумфах?
Раз ни один от меня воин не будет рожден.¹

Он признавался в этом без всякого стыда, не теряя расположения любившей его аристократии и не возбуждая гнева покровительствовавшего ему Мецената. Если Гораций культивировал гражданскую и религиозную поэзию, то Проперций и другой столь же любимый аристократией поэт, Тибулл, культивировали с не меньшим успехом эротическую поэзию, которая при известных условиях может сделаться разрушительной силой, особенно в обществе, основанном на прочной организации семьи. Наконец, около этого же времени еще один писатель, Тит Ливий, обосновывал схему своей обширной истории Рима на традиционном представлении о государстве и морали, бывшем тогда в моде, хотя и не верил, что оно могло одержать верх в борьбе с непобедимой силой падения, проявлявшейся на каждом шагу. Он заявляет, что погружился в изучение прошлого с целью забыть о несчастьях настоящего и не видеть современного ему страшного столкновения противоположных желаний, стремлений и интересов, сделавших римлян неспособными ни переносить долее зло, от которого они страдали, ни лекарств, необходимых для его излечения.

„Nec vitia nostra nec remedia pati possumus“. Эта фраза так хорошо определяет странное моральное и социальное положение той эпохи, она проливает такой яркий свет на всю политику Августа в течение первых лет его принципата, что я склонен рассматривать ее не как личное убеждение Тита Ливия, а как вывод из долгих обсуждений современного положения Италии, ведомых Августом и его друзьями, при которых Тит Ливий мог по временам присутствовать.

Итак, Август вовсе не думал о завоевании Парфии; равным образом он не хотел приниматься в настоящий момент и за слишком неопределенную задачу реформы нравов путем возвращения их к древней простоте. В этом пункте Италия и ее герой

Реорга-
низация
финансов

относительно брака. Употребленное Тацитом выражение *acriora ex eo vincula* очень неясно; оно может просто обозначать, что в свое шестое консульство Август начал восстанавливать дисциплину нравов без всякого упоминания о законе. Кроме того, Проперций говорит, что *lex, quondam edicta, был sublata*. Возможно ли, что в 28 г. Август издал закон, а потом тотчас же уничтожил его? Отмена закона в Риме была немаловажным делом; в конце гражданских войн Август выказывал медлительность и благоразумие, когда дело шло о предложении закона, однако он твердо охранял уже изданные законы; если бы в течение нескольких месяцев был издан и отменен закон, то для этого должны были быть важные мотивы, и мы, без сомнения, знали бы о них что-нибудь. Мне кажется более вероятным, что Проперций намекает на какое-нибудь распоряжение, сделанное Августом в последнее время триумvirата и уничтоженное, когда в 28 г. были отменены все распоряжения, изданные неконституционным путем, т. е. законы, не утвержденные комициями. Проперций, таким образом, правильно говорит о законе, который был *quondam edicta* триумvirом в силу предоставленной ему власти и который был затем *sublata* общим актом восстановления законного порядка. Если дело идет о распоряжении триумvirов, то понятно, что от него не осталось следа: без сомнения, с целью остановить социальное разложение было принято много подобных мер, но никто не соблюдал их.

¹ Propert., II, VI, 13 сл.

были внешне согласны, хотя в действительности их намерения были совершенно различны. В первые моменты спокойствия, последовавшего за гражданской войной, самой важной заботой Августа было, конечно, не мщение парфянам или реформа нравов. Он прежде всего хотел позаботиться о самой неотложной вещи — о реорганизации финансов. Он справедливо считал, что это было необходимым прологом ко всем прочим реформам.¹ Было очевидно, что ни одно правительство не может ни вести войны, ни реорганизовывать общественные должности, если оно не восстановит сперва свое казначейство, обеспечив ему достаточный и постоянный доход, и если не найдет средства против постоянного недостатка денег, находившихся в обращении. Несмотря на окончание гражданских войн, финансовое положение империи оставалось очень плохим. Государственное, городские и храмовые казначейства были пусты; конфискованные во время революции огромные суммы и даже сокровища Клеопатры, казалось, исчезли, потому что монеты даже в частном обращении были редки и массы счастливых грабителей еще заботливо прятали захваченное ими добро, отнятия которого у себя они боялись, в свою очередь. Но если финансовая реформа была необходима, то она была и очень трудна. Какими средствами извлечь из тайников золото и серебро в тот момент, когда бесчисленные грабители стоят наготове со всех сторон? Так как проект завоевания Парфии был оставлен, то, чтобы доставить Италии звонкую монету, оставался наиболее обычный способ — а именно, война. В Александрии Рим завладел последним из крупных запасов золота и серебра, собранных в прошлые века средиземноморскими государствами, и бросил их в бездонную пропасть Италии, уже поглотившей столько других ценностей, как тех, которые были отложены в крепостях Митридата, так и тех, которые хранились в друидических храмах Галлии. Нельзя было найти более близких и менее защищенных сокровищ, чем сокровища

¹ Наиболее важные акты, выполненные Августом в эти годы, можно объяснить только допуская, что он главным образом хотел реорганизовать финансы. Если он совершил экспедицию в страну астурийцев и кантабров, т.е. в наиболее отдаленные области Испании, независимость которых не имела никакого значения, в то время как со всех сторон его окружало столько других затруднений, то лишь потому, что, как объясняют нам Флор (IV, II, 60; II, 33) и Плиний (N. H., XXXIII, IV, 78), эти страны были очень богаты золотыми рудниками. Эта гипотеза подтверждается фактом, что Август в то же время подготавливал подчинение салассов, населявших долину, которая считалась в Италии наиболее богатой золотом. Этому предприятию, правда, хотели приписать другую цель, а именно, обеспечение сообщений между Галлией и Италией; но мы увидим, что этими сообщениями занялись гораздо позже и что проезжая дорога через Большой и Малый Сен-Бернар была построена, вероятно, много лет спустя. Около этого времени подготавливается также экспедиция в Аравию, одной из целей которой было овладение сокровищами, приписывавшимся арабам. Вещь весьма вероятная сама по себе и с большой точностью подтвержденная Страбоном (XVI, IV, 22). Наконец, в этот же самый год Август отправляется в Галлию; он собирает, как увидим, в Нарбоне *conventus* галльских вождей и приказывает произвести перепись по всей Галлии. Мотивом этой переписи не могла быть простая статистическая любознательность, ибо, как мы увидим, она вызвала очень живое недовольство по всей Галлии. Эта перепись должна была подготовить увеличение подати с Галлии: доказательство этого мы найдем в истории Ликина и в тексте бл. Иеронима. Мы находимся, следовательно, лицом к лицу с четырьмя важными актами, имевшими целью доставить казначейству золото и драгоценные металлы и доказывающими, что финансовый вопрос занимал в эти годы первое место среди забот Августа. Его важность, впрочем, вполне естественна после такой революции.

парфянского двора, не отправившись внутрь Аравии воевать с различными народами, которые — как, по крайней мере, говорили, — продавая иностранцам ароматы и драгоценные камни и ничего не покупая, накапливали золотую и серебряную монету.¹ Но Августу, не желавшему легкомысленного риска, нужно было время для того, чтобы как следует подготовить экспедицию в Аравию.

Новые Деньги все же ему нужны были, и достать их можно было тремя источниками способами. Прежде всего, наиболее естественным способом было доходов возобновить эксплуатацию покинутых рудников, но этот способ требовал более труда и издержек, чем их нужно было для того, чтобы отнять деньги у тех, кто уже владел ими. Кроме того, можно было лучше наблюдать за поступлением уже установленных налогов и создать новые. Но, даже если бы не было других средств достать деньги, этим способом Август мог воспользоваться только в очень ограниченном размере. Как проконсул Август, конечно, мог предпринять новую разработку рудников и обременить более тяжелыми налогами жителей трех своих провинций. Как император он мог также чеканить для своих солдат высокопробную монету вместо прежних наполовину фальшивых монет, и начал уже делать это; как консул он мог наконец, исправлять злоупотребления и недостатки администрации и предлагать сенату и народу налоги и реформы. Но управление и контроль над казначейством были вне его власти; эта ответственность была снова передана сенату и со времени последней реформы сделалась специальной заботой префектов аегагii Saturni, избравшихся самим сенатом.² Равным образом Август не мог наблюдать за сбором подати и расходами в провинциях других правителей.³ Кроме того, в ту эпоху было очень трудно предлагать новые налоги или финансовые реформы. В Италии появилось бы сильнейшее недовольство, если бы, подобно революции, мир также потребовал бы денег. Август поэтому не мог и помышлять, чтобы обложить метрополию новыми налогами, если не хотел подвергнуть опасности свою, с таким трудом приобретенную, популярность. Сенат и народ, впрочем, не утвердили бы их. Восток был истощен, и после Акция Август считал неблагоприятным слишком угнетать его. Таким образом, так как нельзя было ничего потребовать у Италии и нельзя было увеличить более восточные подати, а новых египетских податей не хватало, чтобы наполнить казначейство, не оставалось ничего более, как обратиться к варварским провинциям Европы, к завоеванной Цезарем Галлии и к завоеванным самим Августом Паннонии и Далмации, которые до тех пор почти ничего не платили. Август уже и раньше намеревался обложить податью этих варваров, но не надеялся собрать много денег у таких бедных и грубых наций.⁴

¹ Strabo, XVI, XIV, 19; XVI, VI, 22.

² Hirschfeld. Untersuchungen auf dem Gebiete der Röm. Verwaltung. Berlin, 1876, I, 10.

³ Возможность вмешательства в дела чужих провинций была предоставлена Августу, как увидим, только в 23 г. (Dio, LIII, 32).

⁴ Я выдвигаю гипотезу, что подать с европейских провинций была увеличена около этого времени; по отношению к Галлии, как мы увидим, эта гипотеза подтверждается текстом бл. Иеронима, а по отношению к другим провинциям — фактом, что, как мы это тоже увидим, несколько лет спустя во всех этих провинциях возникло сильное волнение вследствие обременявших их налогов. Это заставляет предполагать, что по восстановлении мира прежние подати были увеличены или (что то же самое) стали взиматься с большей строгостью.

В общем, финансовое положение было так же запутано, как и политическое.

Очень богатый, могущественный, вызывавший всеобщее удивление, осыпанный почестями и почти обожествленный, Август не обманывался в этом: он понимал, что его силы были малы сравнительно с затруднениями, с которыми ему приходилось бороться. Это была главная причина, заставлявшая его держаться за свою власть и состояние. Нельзя объяснить десять первых лет его правления и тот постоянный страх за свою власть, всецело охватывавший его, если не допустить, что в эту эпоху Август постоянно помнил о трагической судьбе четырех лиц, последовательно стоявших во главе республики: Красса, Помпея, Цезаря и Антония. Судьба Антония, чье падение было так недавно, так странно и так невероятно, должна была утрачивать Августа еще более, чем падение других его предшественников, ибо Август был одним из немногих, знавших его секрет. Как непрочно было могущество в ту эпоху! С какой быстротой преувеличенное преклонение толпы обращалось в ненависть, когда наступало неизбежное разочарование, которое массы, вместо того чтобы обвинять свою собственную глупость, всегда ставят в вину человеку, которому они ранее слишком удивлялись! Достаточно было ошибки, неблагоразумия, и господин империи, человек, наиболее могущественный, видит, как на него обрушивается все его могущество и раздавливает его под своими обломками. Поэтоу в 27 г. до Р. X. ничто не должно было казаться Августу более опасным, как играть новую «политическую комедию» перед раздраженной публикой, уже побившей камнями многих актеров посреди спектакля. Какую выгоду извлек Антоний из своей двуличной политики, какой бы ни была она остроумной, и из той долгой комедии, в которой он играл то роль египетского царя, то римского проконсула? Желать слишком многое сделать и слишком выдаваться, прибегая с этой целью к самым остроумным средствам, было слишком опасно, каковы бы ни были ловкость, ум и удача человека. В настоящий момент нужно было проявить положительные качества: рассудительность и благоразумие; вождь должен был двигаться медленно и спокойно, с осторожной, но неутомимой энергией — *festina lente* было одним из любимых изречений Августа;¹ за всеобщим умиротворением должно было последовать благоразумное и снисходительное управление, при помощи полезной и осторожной работы, а не путем шумного театрального представления.

«Примирить по возможности интересы, не оскорбляя уважение ний» — выражение, которым современный историк² определяет цель, поставленную себе Бонапартом в его консульство, — можно повторить и по поводу принципата Августа. Когда Италия имела бы мир и благоденствие, она меньше бы страдала от невозможности утолить свою жажду славы; ценя снисходительность, скромность, справедливость принцепса, оказавшего ей столько благодеяний, она не подумала бы более упрекать его за то, что он не привел в Рим в цепях царя парфян. Нужно было восстановить дороги Италии, а казначейство было почти пусто. При помощи египетских денег Августа

¹ Sueton. Aug., 25.

² Vandal. L'Avènement de Bonaparte. Paris, 1902, I, 415.

мог принятаться за работу, довольно быстро привести дороги Италии в хорошее состояние и получить благодарность всей нации за такой прекрасный дар. Он не захотел ее. Он предпочел прикрыться сенатом, созвал наиболее влиятельных сенаторов, объявил им, что хочет исправить Фламиниеву дорогу и все мосты от Рима до Аримина, и убедил каждого из них взять на себя исправление более или менее длинной дороги. Дело шло, разумеется, только о номинальном согласии, ибо в действительности все издержки по исправлению платил сам Август.¹ Таким образом он взял на свой счет все исправления и разделил честь их с наиболее выдающимися членами сената. Для лучшего надзора за управлением казначейством он, не делая ничего несогласного с конституцией, решил устроить у себя, для своего частного употребления, настоящую государственную отчетность, выбрав для этой цели наиболее образованных и умных из своих многочисленных рабов и вольноотпущенников. В качестве председателя сената, консула и проконсула трех крупных провинций ему легко было сообщать им все цифры прихода и расхода; он поручил им установить для него государственную роспись, чтобы быть в состоянии всегда знать, сколько поступает в кассу республики и сколько она расходует, сколько приносят доходов различные налоги, сколько стоят различные отрасли управления и как велик государственный долг.² При помощи этих неофициальных расчетов, зачастую более точных, чем расчеты, которые составляли *praefecti agrarii Saturni*, он мог изучать вносимые в сенат предложения относительно реорганизации финансов, предостерегать и критиковать магистратов, делавших бесполезные издержки или пренебрегавших сборами налогов; мог заставить приносить доход государственные домены и пользовался властью настоящего министра финансов, не будучи ею облеченным и не неся за нее ответственности.

Расходы в Риме Однако нужно было немедленно пустить в обращение наибольшее количество наличных денег, ибо их сделалось слишком мало — как для нужд государства, так и для потребностей частных лиц. Август решился завоевать в своей испанской провинции золотоносные области, населенные кантабрами и астурийцами, с целью возобновить эксплуатацию рудников, заброшенных во время беспорядков последнего столетия после мятежа туземцев против Рима. Он решил также завоевать в Альпах долину салассов. Он решил, наконец,

¹ Dio, LIII, 22, Mon. Anc. (lat.), IV, 19—20; C. I. L., XI, 365.

² Это очень важное сообщение передает нам Светоний, Aug., 120: *...breviarium totius imperii, quantum militum sub signis ubique essent, quantum pecuniae in aerario et fisco et vectigalorum residuis. Adiecit et libertorum servorumque nomina a quibus ratio exigi posset.* Эти рабы и вольноотпущенники вели государственное счетоводство для личного употребления Августа; оно было часто более детальным и точным, чем счетоводство магистратов республики, и должно было, очевидно, служить для их контроля. Другими словами, Август, не доверяя более ревности и бдительности магистратов, организовал у себя бюро, доставлявшее ему сведения, необходимые для хорошего управления. Эта хитрость не затрагивала ни основ конституции, ни ответственности принцепса, а администрация могла лучше функционировать. Рассказ Диона (LIII, 30) и эпизод болезни 23 г. показывают нам, что Август устроил это статистическое и счетное бюро в данную эпоху. «Список доходов и войск», который Август доверил Пизону, есть тот же *breviarium totius imperii*, составленный рабами и вольноотпущенниками, который Август, по словам Светония, составил, умирая. См.: Sueton. Aug., 28: *rationarium imperii tradidit.* Это бюро существовало в 23 г. до Р. X., следовательно, оно должно было быть создано приблизительно в рассматриваемую эпоху.

заставить, вероятно, сенат утвердить соответствующий декрет, увеличить подати, платимые Галлией, альпийскими народностями, иллирийскими провинциями, а в особенности Далмацией и Паннонией. В то же время с целью властвовать над Римом и республикой, не употребляя силы и не злоупотребляя своим престижем, он терпеливо работал над тем, чтобы привязать к новому правительству и объединить друг с другом социальные классы при помощи почти невидимых, но крепких золотых цепей. С этого именно момента Август выставляет один из существенных принципов будущей политики империи, состоявший в том, чтобы производить в Риме без счета громадные траты, которыми пользовались бы все классы. Если он не ставил интересы метрополии выше интересов всей империи, то он ставил их все же наравне с наиболее важными интересами. В течение веков, начиная с этого момента, публичные празднества Рима будут для правительства не менее важной заботой, чем набор легионов. Казначейство было наполовину пусто, все общественные повинности, начиная с охраны границ до дорог, были в беспорядке вследствие недостатка в деньгах; империя была истощена. И однако Август, прежде чем позаботиться об этих нуждах, спешил тратить в Риме на общественные дела второстепенной важности огромные суммы. Он побуждал своих друзей и родственников следовать его примеру, так чтобы у черни и среднего класса не было недостатка в работе и деньгах. Он не только продолжал исправление храмов, но предпринял с особенной заботливостью реставрацию великого национального святилища, храма Юпитера на Капитолии, театра Помпея¹ и портика, построенного почти столетие тому назад Гнеем Октавием и разрушенного пожаром.² При начале «Священной дороги» он построил храм богам Ларам; на Квиринале восстановил очень древний храм Квирина, а на Авентине — также весьма древние храмы Минервы и Юноны Царицы.³ Если религия приходила в упадок в Риме, то не по недостатку религиозных сооружений! Август задумал еще проект поставить новый форум. Древний форум и форум Цезаря не соответствовали потребностям столь разросшегося города; поэтому Август хотел построить другой форум вокруг того храма Марса Мстителя, обет соорудить который он дал при Филиппах и который, по его мысли, должен был стать главным святилищем римской армии. Он продолжал также постройку большого театра, начатую Цезарем. Его друзья, Статилий Тавр и Корнелий Бальб, племянник и наследник богатейшего агента Цезаря, согласились каждый построить по другому театру. Агриппа почти окончил Пантеон, он занимался также окончанием другого великого сооружения, предпринятого Цезарем, — *Saeptra Iulia*, предназначенного для комидий.⁴ Он решил превратить скромный *Iscopiscum*, построенный позади Пантеона, в огромные пышные термы, подобные тем, в каких мылись в Сирии, и провел для этого новый водопровод длиной в

¹ Mon. Anc., IV, 9. — Я предлагаю как довольно вероятную гипотезу, хотя и без определенных доказательств, что эта реставрация, как много других подобных работ, о которых мы скажем далее, была предпринята в эту эпоху. См.: Mommsen. *Res gestae Divi Augusti*. Berlin, 1865, 55.

² Mon. Anc., IV, III, 4; Festus, 178.

³ Mon. Anc., IV, 6.

⁴ Gardthausen. *Augustus und seine Zeit*. Bd I, 995.

40 миль, который должен был получить имя *Aqua virgo*.¹ Агриппа, кроме того, предпринял сделать для водоснабжения то, что Август сделал для финансов. Согласно конституции, водопроводами должны были заниматься цензоры и эдилы. Но цензоры уже давно не были избираемы, а эдилы не заботились о водопроводах. Агриппа выбрал поэтому между своими рабами человека, деятельного и смышленного, который должен был наблюдать за римскими акведуками, исправлять их и поддерживать в хорошем состоянии.²

Новое Труднее для сына Цезаря, триумвира проскрипций, было при-
 прави- мириться со знатью; но Август принялся за это с неутомимым
 тельство терпением, с постоянно бодрствующей прозорливостью и очень мо-
 и аристо- гущественными средствами. Не только при выборах он поддержи-
 кратия вал своим влиянием наиболее выдающихся лиц с целью помочь
 им овладеть, как некогда, магистратурами, не только не упускал
 никакого удобного случая, чтобы быть приятным или всей знати
 в целом, или ее отдельным наиболее видным членам, но он во-
 знамерился — и это было более прочным залогом мира, чем все
 платоническое уважение, — восстановить разрушенное благосостоя-
 ние крупных фамилий. Рим владел в провинциях огромными до-
 менами из земель, лесов, рудников, которые гражданские войны
 еще увеличили и из которых республика извлекала доход, сдавая
 их в аренду обществам откупщиков. Теперь, когда крупные обще-
 ства, снимавшие эти домены, исчезли, когда количество крупных
 капиталов уменьшилось, когда дух спекуляции в Италии ослабел,
 большая часть этих имуществ была заброшена и приносимые ими
 доходы были истрачены, уплывая из общественных касс тысячью
 каналов. Зло это было застарелым, и хотя еще Цезарь приказал
 сенату распорядиться произвести межевание всей империи с глав-
 ной целью составить опись этого гигантского домена, чтобы из-
 влекать из него большую выгоду, но гражданские войны помешали
 и приостановили работу комиссий, посланных в различные обла-
 сти империи, так что, по-видимому, в 27 г. ни одна область не
 была еще всецело измерена.³ Август отдал распоряжение — и это
 было одной из его первых забот по окончании войн — поспешить
 с окончанием этой большой работы, чтобы извлечь, по крайней
 мере в своих провинциях, из этого домена все то, что он мог
 дать; различные части его он сдал в вечную или срочную арен-
 ду муниципиям или частным лицам. Республика могла, таким обра-
 зом, рассчитывать на постоянный доход; эти имущества, в осо-
 бенности земли, вместо того чтобы быть добычей откупщиков, из-
 влекавших из них деньги и грабивших их, перешли в руки
 собственников, расположенных поступать с ними так же, как хоро-
 ший отец семейства обращается со своим наследственным имением;
 многие могли, таким образом, извлекать выгоду из этих крупных
 богатств. Часть этих земель Август оставил обедневшей аристократии
 в вознаграждение за имущества, потерянные во время проскрипций
 и гражданских войн.

¹ Gardthausen. Augustus und seine Zeit. Bd I, 995.

² Frontin. De aq., 86.

³ См.: Ritschl. Die Vermessung des Römischen Reichs unter Augustus, die Welt-Karte des Agrippa und die Cosmographie des sogenannten Aethicus в Rhein. Mus., Nene Folge, Bd I, 481 сл.

Таким путем Август предполагал установить умеренное правитель- Трудности
 ство, уважающее традиции, желая, в особенности, восстановить дела
 благосостояние Италии и государства, чтобы постепенно приучить Августа
 Италию отказать от завоевания Парфии и не сожалеть более о
 прошлом. Мир, восстановление финансов, уважение к конститу-
 ции — таковы были три главные опоры политики Августа, который
 с целью дать величайшее доказательство своей скромности задумал
 удалиться из Рима под предлогом войны с кантабрами и астурийцами,
 хотя она вовсе не была так важна, чтобы требовать присутствия
 командующего всеми военными силами империи. Продолжительное
 отсутствие казалось ему выгодным со всех точек зрения. Август
 избегал таким путем утомить своим присутствием и постоянными
 сношениями слишком горячее преклонение, которым он пользовался;
 он постепенно приучал магистратов и граждан действовать самосто-
 ятельно, не обращаясь постоянно к нему за советом; он уменьшал
 таким образом случаи совершать ошибки, отталкивать от себя людей
 и показывать себя менее того преувеличенного мнения, которое
 столько людей составили себе о нем и его могуществе. Невозможно
 было в несколько месяцев изгладить память о двадцатилетней граж-
 данской войне. В сенате остатки аристократии, уцелевшие от про-
 скрипций и битвы при Филиппах, сыновья или племянники жертв
 революции находили рядом с собой, на тех же самых скамьях,
 украшенных теми же эмблемами, центурионов и авантюристов, во-
 шедших в сенат после Филиппа, отнявших имущество у их отцов,
 погубивших самых дорогих их родственников и уничтоживших ве-
 ковое могущество их класса. Если уцелевшая знать согласилась
 рассматривать равными себе крупных революционных вождей, Ме-
 ценатов, Агрипп, Поллионов, слава, богатство и образованность ко-
 торых заставляли забыть их происхождение, то она в отместку
 упорно смотрела на незнатных сенаторов как на лиц, узурпиро-
 вавших чужое звание и имущества. Жить в Риме в качестве консула,
 председательствовать на заседаниях сената, держаться посреди тех
 и других, никого не оскорбляя, было чрезвычайно трудно. Кроме
 того — и это соображение, менее важное для нас, было, может быть,
 самым важным для Августа, — пример Цезаря предупреждал его,
 что ни народное преклонение, ни должности, ни ликторы, ни трибун-
 ская неприкосновенность не были достаточной защитой против удара
 кинжалом какого-нибудь запоздалого Брута и что в Риме нельзя
 было бы принять слишком заметных предосторожностей, не оскор-
 бляя республиканского чувства. Обычай позволял иметь германских
 и галльских рабов для охраны дома и самого себя; Август восполь-
 зовался этим; но, принимая даже такие предосторожности, он должен
 был заботиться, чтобы не делать ничего более прочих сенаторов,
 хотя опасность для него была гораздо большей.

Под предлогом болезни он не присутствовал на Латинских играх Приго-
 (feriae latinae), происходивших в мае, на которых он должен был товления
 председательствовать в качестве консула. Была ли эта болезнь дейст- к отъезду
 вительной или она была притворством, чтобы не быть без охраны
 посреди праздничной толпы, нам неизвестно. Выборы прошли без
 всяких беспорядков. Казалось, вернулись прекрасные времена рес-
 публики. Вероятно, что баллотировке народа подвергались только те
 лица, которые получили позволение Августа; его популярность, его
 богатство, его столь многочисленные друзья делали его фактически,

если не юридически, властителем комиций и великим избирателем республики. Были выбраны только два консула: Август и Т. Статилий Тавр; ибо вернулись к древней строгой традиции двойного и годовичного консулата и уничтожили «малых консулов», столь многочисленных в революционную эпоху. Положение, занятое Августом в течение последующих лет, показывает нам, что он не хотел нести ответственность за назначение всех магистратов и желал, чтобы комиции снова свободно и полномерно функционировали. Это было лишнее основание для его поездки в Испанию, где честолюбцы менее преследовали бы его своими просьбами. Но ему оставалось еще много дел до отъезда. Прежде всего ему нужно было подготовить общественное мнение, все еще ожидавшее войны с парфянами и других славных кампаний, к одобрению его более скромных планов. Италии, стремившейся к завоеванию неизмеримых империй, великолепных городов, богатых сокровищ, нельзя было прямо сказать, что он отправляется на завоевание одних пустынных долин, бесплодных гор и покинутых рудников. Поэтому он начал распускать слухи, что сперва предполагает завоевать Британию, а затем уже Парфию; после же своего отъезда намерен был распространить слух, что в Испании разразились крупные мятежи, и обеспечить общее доверие подробными отчетами. Таким образом он приучил бы публику к мысли об экспедиции и, путешествуя очень медленно, выждал бы удобного момента, чтобы изменить свою дорогу.¹

Управ- Однако было необходимо, чтобы его отъезд не нарушил мира, ление которым Рим пользовался уже несколько лет, без чего все пожалели Римом в бы о его отсутствии и смотрели бы на этот отъезд как на крупную отсутствие ошибку и несчастье. Кто, действительно, мог его заменить? Августа риппа, бывший его товарищем по консульству в этот год, и Статилий Тавр, который должен был быть им на следующий год, были, конечно, очень способными людьми, но Августу казалось, что, когда он будет далеко, недостаточно будет одного авторитета консулов без вооруженной силы для удержания в порядке беспорядочной толпы, в глазах которой консульство потеряло весь свой древний блеск, с тех пор как увидали облеченными этим достоинством людей очень низкого и темного происхождения. Дать консулам вооруженную силу было совершенно невозможно, поэтому нужно было найти какое-нибудь официальное лицо большого достоинства и веса и к тому же чисто республиканского характера. Так как была мода на возвращение к старине, то Август задумал выкопать мумию — должность *praefectus urbi*, который во времена царей и в начале республики был назначае́м, чтобы замещать в их отсутствие сперва царя, а затем консулов, когда те покидали Рим для командования на войне. Он постарался затем убедить Мессалу Корвина принять эту должность, вероятно, по назначению

¹ Дион (LII, 25) говорит, что Август действительно намеревался завоевать Британию, между тем как в гл. 23 (ὅς καί ἐς τὴν Βρεταννίαν στρατεύσων) он дает, скорее, понять, что война с Британией была лишь предлогом. С другой стороны, в Риме было общим мнением, что Август отправился на завоевание Парфии и Британии. Это доказывает ода Горация (III, 5). Но невозможно, чтобы Август, уменьшивший свою армию до 23 легионов, питал такие замыслы. Предложенной мною гипотезой противоречие разрешается: Август позволял думать, что он отправляется с целью выполнить планы Цезаря, и постепенно старался приучить общественное мнение к своим более скромным проектам.

от сената. Мессала был большим другом Брута, он сражался рядом с ним при Филиппах и видел его смерть; несмотря на примирение с Августом он остался верен памяти друга, которого всегда открыто хвалил при всяком удобном случае в своих речах и сочинениях.¹ Знатный человек древней фамилии, убежденный и искренний республиканец, знаменитый воин, покровитель писателей, кружок которых группировался около него, Мессала успокоил бы даже самых недоверчивых республиканцев. Но он сперва отказался,² он, может быть, был утрачен трудностью задачи и странностью этого архаического средства. Praefectura urbis, вышедшая из употребления много столетий тому назад, могла быть республиканским и римским учреждением еще в глазах археологов, но не в глазах народа, который уже давно позабыл о ней.

Еще более серьезное затруднение явилось в Египте. Несмотря Наместник на свое твердое решение следовать в управлении империей простой Египта и последовательной политике, Август в Египте был вынужден подражать двуличной политике Антония, хотя пользовался ею с большей осторожностью, держась в конституционных рамках. Вследствие двусмысленного положения тотчас же возникли неожиданные затруднения. В огромном и полном чудес дворце Птолемея, посреди роскоши, удовольствий и почестей, оказываемых Галлу, занимавшему, не сознавая того, трон Лагидов, этот мелкий буржуа из Юлиевского Форума (Forum Iulii) готов был потерять голову, как это случилось с Антонием. Он не только собрал несчетные богатства,³ получал царские почести и заставлял воздвигать повсюду статуи в честь себя,⁴ но и начал обходиться со своеволием восточного тирана и мечтал сам основать огромную империю. Покинув Александрию для подавления небольшого мятежа, разразившегося в центре страны, он захотел показать пример и совершенно разрушил Фивы;⁵ потом против воли Августа снова начал ту политику расширения внутрь Африканского континента и к истокам Нила, которая во все эпохи была своего рода необходимостью для всех царств, владевших долиной Нила.

Без сомнения, стараясь не только удовлетворить свое желание Смелая славы и добычи, но также заставить египтян удивляться новому политика правительству, убедить их, что оно смелее и сильнее погибшего Галла правительства Птолемея, Галл, вероятно в 28 г., совершил экс-

¹ Plut. Brut, 53.

² Это доказывается, по моему мнению, поспешностью, с которой всего через шесть дней Мессала сложил с себя эту должность. Он был человек основательный, и такую поспешность можно объяснить, только допустив, что он принял эту должность вопреки своему желанию.

³ Amm. Marc., XVII, II, 5; есть, может быть, некоторое преувеличение в его словах, ибо он передает аристократическую версию.

⁴ Dio, LIII, 23.— Это подтверждается надписью, недавно открытой в Египте, см.: Sitzungsberichte Königl. Preuss. Akad. 1896, I, 476 (= Dittenberger. Orientis Graeci Inscr. Selectae, II, 654).

⁵ Бл. Иероним (Chron. ad ann. Abrah. 1990, 27 до Р. X.) говорит: Thebae Aegypti usque ad solum egyptae. Это указание следует сопоставить с другим, содержащимся в вышеупомянутой надписи, открытой в Египте: defectionis Thebaidis... victor. Если Фиваида, по словам надписи, возмущалась, то более чем вероятно, что Фивы были разрушены Азинием Галлом во время этой войны. Этот факт бросает свет на несогласие, поднявшееся между Августом и Галлом, которое должно было возникнуть из несогласия их взглядов на управление Египтом. Август, желавший на Востоке примирительной политики, не мог одобрить такие варварские насилия.

педицию в Нубию (современный Судан) и проник, по-видимому, до Донголы, в страну, куда, как, может быть, он хвастался, не ступала нога ни одного римского генерала или египетского царя; ему удалось заставить признать римский протекторат отдаленного предшественника Менелика, эфиопского царя Триаконтасхена, послы которого прибыли к нему в Филе.¹ Август не одобрял ни этих жестоких репрессий, ни этих безрассудных предприятий; он, как всегда, боялся, что они вовлекут Египет в крупные расходы и войны, для которых окажется недостаточно трех легионов, назначенных служить гарнизоном в древнем царстве Птолемеев, но он не мог одним своим личным авторитетом остановить беспокойное честолюбие Галла, который, уже прославившись своими военными подвигами, своими литературными работами, своими услугами, оказанными победившей партии и Августу, смотрел на себя как на лицо, равное принцепсу. Против такого важного лица Август не осмелился прибегнуть только к своему столь неопределенному, двусмысленному и не римскому авторитету египетского царя, тем более что властная и авантюристическая политика Галла, вероятно, нравилась в Италии, где общественное мнение желало унизить и разорить древнее царство Клеопатры. Таким образом, Галл, над которым не тяготел авторитет ни сената, ни Августа, делал в Египте все, что ему было угодно. Он, как кажется, даже сурово и откровенно порицал колебания Августа и простер свою дерзость до того, что распространял в Египте надписи, в которых прославлял свои предприятия как их единственный виновник, без всякого упоминания о том, кто в глазах египтян должен был быть их государем, и заставляя египтян, таким образом, задаваться вопросом, действительно ли Август был господином Египта или же Галл был мятежным генералом. Это странное поведение Галла возбудило такое недоверие, что хитрые жрецы Филе, которым было поручено перевести иероглифами надпись в честь его подвигов, где Август был упомянут только вскользь, по-видимому, изменили ее, поместив в переводе не его прославление, а напыщенные похвалы по адресу Августа. Галл, естественно, не мог прочитать эти таинственные знаки.

Валерий Ларг Необходимо было остановить Галла на дороге к новому завоеванию; но это было трудно, так как Август не хотел воспользоваться средствами, имевшимися в его распоряжении. Кажется, он, наконец, решился заставить вмешаться сенат и общественное мнение. Многие возвращавшиеся из Египта офицеры рассказывали, без сомнения с преувеличениями, странные подвиги Галла. Среди этих офицеров

¹ См. надпись, открытую в Египте и напечатанную в *Sitzungsberichte König. Preuss. Akad.* 1896, I, 476. Надпись важна, ибо открывает нам вероятную причину несогласия между Августом и Корнелием Галлом, что является очень темным пунктом. Нужно заметить, что в надписи Корнелий Галл рассказывает об экспедициях как совершенных самостоятельно, даже не упоминая, что они были совершены им *sub auspiciis* Августа: это показывает нам, что префект Египта, пользуясь неопределенным характером своей должности и слабостью Августа, занял почти независимое положение, ведя войну по собственной инициативе. Что Август скорее подчинился, чем одобрил завоевания Галла, доказывается фактом, что несколько лет спустя при первом затруднении он быстро отказался от них. Эта полунезависимость Галла и его раздор с Августом могут объяснить неясные выражения античных писателей и дают нам понятие, в чем состояли «безумства» (*ματάταια*), в которых, по словам Диона (LIII, 23), Корнелий позволил себе упрекать Августа, и как его можно было, по словам Светония (Aug., 66), обвинять в „*Ingratum et malevolum animum*“.

одним из самых злоречивых был некто Валерий Ларг, имевший, по-видимому, личные счеты с префектом Египта. Вероятно, Август косвенно побудил Ларга публично объявить об экстравагантностях Галла в надежде устранить египетского правителя, указав ему на народное недовольство.

Во всяком случае, Август покинул Рим ранее, чем Ларг начал свой разоблачения. Он уехал, вероятно, тотчас же, как только Валерий Мессала согласился принять на следующий год *praefecturam* из Рима *urbis*, и утверждал, что отправляется на завоевание Британии, уже начатое Цезарем, объявляя вместе с тем, что готовится также месть парфянам. Гораций провожал его своими пожеланиями, предвещая, что после его возвращения его будут почитать как бога. Но в действительности он отправлялся не затем, чтобы вернуться в образе бога, а просто для того, чтобы, завоевав область, богатую рудниками, провести с пользой для себя несколько лет вдали от Рима и дать таким образом себе время посмотреть, какой оборот примут события.

II

Рим и Египет

Семейство Августа.— Новая республика и молодые люди.— Нарбонский *conventus*.— Галлия в 27 г. до Р. Х.— Двадцать пять лет после Алезии.— Культура льна в Галлии.— Начало римской администрации в Галлии.— Первый скандал нового режима.— Обвинения, направленные против Корнелия Галла.— Август и скандал.— Мессала отказывается от *praefectura urbis*.— Испанская война.— Эдильство Марка Эгнация Руфа.— Руф — кандидат в преторы.— Второй *praefectus Aegypti*.— Недостатки новой конституции.— Республиканские учреждения и новые нравы.— Александрийское искусство.— Александрийские художники в Риме.— Любовь, семья и женщина.— Порча нравов.— Моральный упадок знати.— Любовная поэзия: Тибулл и Проперций.— Мир и война в элегиях Тибулла.— Книфия и Проперций.— Основное противоречие римского общества.— Гораций и его оды.— Гораций и традиции.— Композиция од.— Идеальное единство од.— Гражданские оды и оды любовные.— Идеал жизни, по Горацию.— Противоречия и колебания.— Страх смерти.

Тиберий и Марцелл Август увозил с собой в Испанию своего пасынка,¹ Тиберия Клавдия Нерона, сына Ливии, родившегося 16 ноября 42 г., которому было тогда пятнадцать лет, и своего племянника, Марка Клавдия Марцелла, сына Октавии и знаменитого консула 50 г., рожденного, как думают, в 43 г., за несколько месяцев до рождения Тиберия. Оба они, следовательно, были юношами, и однако Август увозил уже их на войну. Между принципами старой аристократической политики был в особенности один, который Август хотел снова ввести в почет в республике, а именно, доверять молодежи, не оставляя только лишь для стариков, самые высшие должности и самые трудные поручения. Нужно было снова дать место молодым людям, как в цветущее время аристократии.²

¹ Дион (LIII, 26) передает нам, что в 25 г. Тиберий и Марцелл были на войне в Испании вместе с Августом. Мне казалось поэтому законным предположить, что они уехали вместе с ним.

² Cicero. Phil., V, XVII, 47: *Majores nostri, veteres illi, admodum antiqui, leges annales non habebant: quas multis post annis attulit ambitio... ita saepe magna indoles virtutis, priusquam rei publicae prodesse potuisset, extincta fuit; 48: ...admodum adulescentes consules facti. Tacit. Ann., XI, 22: apud majores... ne aetas quidem distinguebatur, quin prima juvenia consulatum ac dictaturam inirent.* Быстрые карьеры родственников Августа: Тиберия, Марцелла, Друза, — которые хотели рассматривать как доказательство намерения Августа сосредоточить при помощи привилегий власть в своей фамилии, являются одним из его величайших усилий возвратиться к великой аристократической и республиканской традиции. Август таким образом хотел восстановить республику Сципиона Африканского. Не только его родственники, но и граждане, не принадлежавшие к его семейству, получали при его жизни высшие должности в очень молодых годах. Так, Л. Кальпурний Пизон был консулом в 15 г. до Р. Х.,

Возрастающая испорченность знати в предшествующее столетие Семейство Августа объясняется тем, что ее члены были осуждены оставаться праздными в том возрасте, когда душевная и телесная энергия расточается в пороках и распутстве, если не может быть направлена к более высоким целям. С другой стороны, аристократия была так разрежена гражданскими войнами, что если ей хотели доверить все наиболее важные должности, нельзя было пренебрегать молодыми людьми, ибо взрослых лиц было бы недостаточно. Осторожный, как всегда, Август, по-видимому, уже добился общего изменения в господствовавших тогда законах, определявших предельный возраст для занятия государственных должностей: без сомнения, он думал предложить сенату специальные исключения для молодых людей, того достойных. Выводя членов своей фамилии на военное и политическое поприще, он побуждал этим примером всю молодую аристократию не терять времени. Он собрал под своей властью или доверил Октавии и Ливии помимо своей единственной дочери Юлии, которую он имел от Скрибонии с 39 г., всех детей своей фамилии, которых революция лишила их отцов: двух сыновей Ливии — Тиберия, пятнадцати лет, о котором мы уже говорили, и его младшего брата Нерона Клавдия Друза, родившегося в 38 г.; пятерых детей, которых его сестра Октавия имела от Марцелла и Антония, именно: двух Марцелл, Марцелла, сопровождавшего Антония в Испанию, двух Антоний, рожденных прежде, чем триумvir покинул свою латинскую супругу для Клеопатры; младшего сына Антония и Фульвии, который был приблизительно ровесником Тиберия и имя которого изменили в Юлия Антония; наконец, троих детей, оставшихся от Клеопатры и Антония: Клеопатру Селену, Александра Гелиоса и Филадельфа.¹ Их этих двенадцати детей девять первых, имевших в своих жилах чисто римскую кровь, были уже подчинены Августу в силу традиционного воспитания: девушки занимались тканьем, а юноши с ранних лет участвовали в войне. Хотя все они, как мальчики, так и девочки, получили заботливое литературное и философское образование, принцепс, однако, подобно вельможам аристократической эпохи, хотел носить только тоги, вытканные у себя дома женщинами своей фамилии.²

имея от роду тридцать три года, так как родился в 46 г. до Р. Х., а умер восьмидесяти лет (Тас. Апп., VI, 10). Л. Домиций Агенбарб, умерший во 2 г. христианской эры (Тас. Апп., IV, 44), был консулом в 16 г. до Р. Х.; если бы он был консулом в законном (по выражению Цицерона) возрасте, т. е. имея 43 года от роду, то он умер бы восьмидесяти четырех лет, и Тацит отметил бы, как сделал это для Пизона, такую редкую старость. Его молчание доказывает нам, что Домиций не был очень стар: если предположить, что ему тогда было семьдесят лет, то он был консулом в тридцать лет. К. Азиний Галл, сын знаменитого писателя, родившийся в 41 г. до Р. Х. (Servius, ad Virg. Ecl., IV, 11), был консулом в 8 г. до Р. Х., т. е. в тридцать три года. П. Квинтилий Вар был консулом в 13 г. до Р. Х. Двадцать лет спустя, в 7 г. христианской эры, он был послан правителем в Германию. Невероятно, чтобы подобный пост был доверен очень старому человеку; более вероятно, что ему было тогда около пятидесяти лет; следовательно, во время консульства ему также было около тридцати лет. Если бы мы знали даты рождения консулов, мы, без сомнения, могли бы умножить подобные примеры. Вещь, впрочем, естественная: даже если бы Август не хотел этого, он был бы принужден действовать таким образом: поскольку он желал восстановить аристократический принцип, было необходимо дать доступ молодым людям, — до такой степени была разрежена аристократия. См.: Sueton. Aug., 28.

¹ Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides. Paris, 1904, II, 306.

² Sueton. Aug., 73.

Он позаботился также рано ввести мальчиков в действительную жизнь и смягчить действие их учения занятиями, развивающими их энергию. Что касается троих последних, бывших незаконнорожденными детьми великого сбившегося со своего пути римлянина и азиатской царицы, то Август, по-видимому, хотел сохранить их возле себя с целью сделать из них династические орудия своей восточной политики. Он уже, как кажется, старался воспользоваться молодой Клеопатрой для реорганизации присоединенной Цезарем Мавритании. Август думал восстановить там национальную династию, посадив на трон Юбы сына побежденного Цезарем царя, который воспитывался в Риме и получил греко-римское образование; но одновременно с царством Юба должен был получить в жены молодую Клеопатру.¹

Политическое положение Галлии

В Галлии Август остановился в Нарбоне, где нашел всю галльскую знать, созданную, без сомнения, заранее.² Таким образом, он увидал, как к нему собралось все, что осталось от Галлии Цезаря и Верцингеторига. После падения Алезии прошло всего двадцать пять лет, но сам Антоний, который видел, как бешено бросалась Галлия на поля битв и как с неукротимой храбростью она продолжала в течение многих лет ковы и восстания, — сам Антоний не признал бы Галлию, против которой он сражался, в этом составившемся поколении, собравшемся в Нарбоне вокруг Августа. Галлия Верцингеторига почти примирилась с Римом; успокоенная и обезоруженная, она занялась земледелием и разведением скота, и обогащалась; если она не доходила еще до преклонения и желания подражать всему, что шло из Рима, она все же начинала позволять романизироваться своим молодым людям, тому новому поколению, которое не видало великой национальной войны или которое едва припоминало ее во время своего детства. Ко времени завоевания Галлии Цезарем Рим имел многочисленных друзей среди галльской знати, недовольной внутренним беспорядком, раздраженной непокорностью простого народа и требованиями высшего класса плутократии, обеспокоенной возрастающей военной слабостью страны и угрожающим германским засилием. Эта знать, охваченная одновременно любовью к независимости и страхом перед германцами, то раздражаемая высокомерием римлян, то пугаемая народными угрозами, в течение девяти лет беспрестанно колебалась между Цезарем и Галлией; она не внесла, таким образом, никакой энергии ни за, ни против Цезаря и в критические моменты оставляла все на произвол испуганного меньшинства, так что в конце 52 г. молодые арверны во главе с Верцингеторигом, несмотря на свою неопытность и свой малый авторитет, оказались в силах ниспровергнуть правительство и вовлечь всю Галлию в страшную опасность. Но это великое восстание потерпело неудачу; почти вся непримиримая знать погибла в последовавших войнах или эмигрировала; и когда национальная партия сразу истощилась, большая часть древней знати вернулась к своим прежним позициям тем скорее, что Цезарь умел успокоить ее ловкими уступками. Эдуи, лингоны, ремы сохранили положение союзников, позволявшее им сноситься с Римом

¹ Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides. Paris, 361.

² Livius. Epit., 134. — Conventus, о котором говорит Тит Ливий, без сомнения, — конгресс галльской знати.

на равной ноге как независимым государствам. Многие племена были объявлены свободными, т. е. им позволили жить по своим законам, не принимать римских гарнизонов и принудили платить только часть подати;¹ большинству оставили их территории, их данников, их налоги, все права и все титулы, на которые они претендовали до завоевания; подать, во всяком случае, нисколько не была увеличена,² так что Галлия платила (допуская, что она выплачивала ее полностью) очень умеренную сумму, установленную сперва в размере 40 миллионов сестерциев. Так Цезарь старался скрыть аннексию под уступками, сделанными национальной гордостью; он не преследовал непостоянную знать, то являвшуюся к нему на помощь, то изменявшую ему; он даже разделил имущество погибших или бежавших вельмож и имущества погибшей в революцию плутократии между знатными фамилиями, расположенными признать римское верховенство,³ и принял на свою службу во время гражданских войн многочисленных галльских знатных, которым делал дары и даже предоставлял звание римских граждан. Август в Нарбоне был окружен Гаями Юлиями, присоединившими этот латинский граенпопел и пошел к варварскому согнопел'у своей кельтской фамилии; это были знатные галлы, которых его отец сделал римскими гражданами и которые образовали среди кельтской знати род небольшого верхнего слоя.⁴

Таким образом, гражданские войны не уничтожили дело Цезаря, Экономическое а, напротив, ускорили его выполнение и по странному противоречию содействовали умиротворению Галлии. Устрашенные воспоминания положение о мятежах и призраком Верцингеторига, принужденные отозвать Галлии все легионы из Галлии и сознавая свою слабость, триумвиры предоставили Галлию самой себе и реальной, если не номинальной, независимости. Многие монеты указывают нам, что в эту эпоху римские проконсулы, военная сила которых была очень слаба, управляли Галлией при посредстве знатных фамилий, позволяя свободно функционировать древним галльским национальным учреждениям⁵ и препятствуя только мятежам и войнам между различными народами и взимая умеренную подать. Вероятно даже, что в эту эпоху Галлия совсем перестала платить ее. Итак, этот режим не был ни суровым, ни жестоким, и Галлия не замедлила залечить все свои раны, так как с удалением легионов окончились чрезвычайные военные контрибуции, поборы, грабежи и насилия. Дань в

¹ Hirtius. V.G., VIII, 49: honorifice civitates appellando. Плиний (N. H., IV, 31 (17) и 32 (18)) помещает в число союзников карнутов. Я, вместе с Гиршфельдом, думаю, что это, вероятно, ошибка по крайней мере для эпохи, следующей непосредственно за завоеванием. Легко понять, что эдуи, бывшие старыми друзьями Рима, и ремы, и лингоны, оказавшие такую помощь Цезарю в войне 52 г., получили звание союзников. Но относительно карнутов, ожесточенно сражавшихся против Рима, это кажется маловероятным. Плиний (N. H., IV, 31 (17) — 33 (19)) перечисляет около дюжины свободных народов, упоминание о которых он нашел в комментариях Августа. Но трудно сказать, то же ли самое число было и в конце завоевания. Вероятно, с течением времени оно изменялось.

² Hirtius. V.G., VIII, 49: nulla onera iniungendo.

³ Ibid.: ...principes maximis praemiis adficiendo.

⁴ О частом употреблении имени Юлия в Галлии в эту эпоху см.: Anatole de Barthélemy. Les Libertés gauloises sous la domination romaine в Revue des questions historiques, 1872, 372.

⁵ Ibid., 368 сл.

40 миллионов сестерциев, даже если она была выплачиваема, не разоряла такую богатую страну; внутренний мир рассеял банды всадников и клиентов, которыми пользовалась знать во время своих войн: одни сделались ремесленниками, другие — земледельцами;¹ иные поступили в римскую кавалерию и отправились грабить Италию и другие области империи в гражданских войнах, чтобы собрать таким образом немного золота, которое они принесли в свою страну. Завоевание Цезаря, наконец, пустило в обращение много бесполезных сокровищ, лежавших в храмах или домах богачей; и если часть этого капитала была увезена в Италию, то другая, очень значительная, осталась в Галлии и перешла в руки многих. Война сперва, мир потом вернули в Галлию капиталы, рабочую силу и известную безопасность; и, таким образом, в этой стране, которая тогда, как и теперь, была очень богата,² хорошо орошаема, покрыта лесами и богата минералами,³ производительная сила значительно возросла в двадцать пять лет.

Рост Защищаемая Альпами и призраком Верцингеторига — и это была галльской настоящая услуга, оказанная своей стране побежденными при Алезии, — Галлия могла мирно и постепенно в течение двадцати пяти цивилизации лет гражданских войн, столь гибельных для Италии и восточных провинций, снова найти или создать часть своих богатств, потерянных или уничтоженных в ужасном кризисе. Повсюду стали разрабатывать рудники, в особенности золотые; этот металл, столь редкий тогда, искали даже в песках рек;⁴ около этой эпохи были открыты серебряные рудники;⁵ распахивали новые земли и начинали культивировать лен, до тех пор разводившийся только на Востоке;⁶ ремесленники сделались многочисленнее с тех пор, как были распущены маленькие галльские армии. И по мере того как страна привыкала к этому миру и благосостоянию, римское владычество делалось устойчивее, опираясь на аристократию крупных собственников, старшие из которых соглашались подчиняться, забывая о прошлом, которого не знала молодежь, начинавшая удивляться и охотно пользоваться некоторыми продуктами средиземноморской цивилиза-

¹ Strabo, IV, I, 2 (178): *νυν δ' ἀναγκάζονται γεωργεῖν, καταθήμενοι τὰ βλά.*

² *Ἴβθυ: ἡ δ' ἄλλη λαοα σίτον φέρει λαρῦν καὶ κέγχρον κν βάλανον καὶ βοσκήματα παντοῖα, ἄργον θ' αὐτῆς οὐδέν, πλὴν εἰ τί ἕλει κεκώλνται καὶ δρυμοῖς.*

³ См. доказательства, собранные у Desjardins (*Géographie historique de la Gaule*. Vol. I, Paris, 1876, 409 сл.).

⁴ У волков текстосагов (Strabo, IV, I, 13) у тарбеллов (II, 1); в Севеннах (III, II, 8); в реках (Diodor., V, 27).

⁵ Тот факт, что Диодор (V, 27) говорит: *κατὰ τοῦν τὴν Γαλατίαν ἄργυρος μὲν τὸ σύνολον οὐδὲ γίγνεται*, — в то время как Страбон (IV, II, 2), напротив, передает, что они были у рутонов и габалов, доказывает, что серебряные рудники были открыты после завоевания. Описание Галлии, передаваемое Диодором, очевидно, извлечено из более древних документов, описывавших Галлию в эпоху ее независимости. У Desjardins (I, 423 сл.) находятся доказательства, что римляне эксплуатировали и многие другие рудники, но так как Страбон не говорит о них, то трудно утверждать, что эта эксплуатация началась уже в это время.

⁶ Plin. N. H., XIX, I, 7—8: *ignoscat tamen aliquis Aegypto serenti (linum) ut Arabiae Indiaeque merces importet ita ne et Galliae censentur hoc reditu? Cadurci, Caleti, Ruteni, Bituriges ultimique hominum existimati Morini immo vero Galliae universae vela texunt.* Если подумать, как медленен был экономический прогресс в античном мире, то найдем, что вполне справедливо относить к этим годам начатки той культуры, которая должна была впоследствии принять такие большие размеры. Нужно прибавить, что Страбон (IV, II, 2) упоминает о льноводстве у кадурков, уже находившемся в цветущем состоянии.

ции, например маслом и вином. В разных местах, без сомнения, уже открывались латинские школы для богатой молодежи;¹ по рекам уже поднимались суда, нагруженные маслом или итальянскими и греческими винами, ослабляющей сладости которых некогда так боялись воинственные германцы.² В Нарбонской Галлии, дольше находившейся под римским влиянием, богатые фамилии призывали греческих художников для постройки прекрасных памятников;³ изящные божества Рима и Востока уже появлялись в неизмеримых лесах. Тогда, как и всегда, эта счастливая страна быстро возродилась из руин последней войны; тогда, как и всегда, государство, бывшее ее властелином, старалось принять участие при помощи новых налогов в ее цветущем богатстве, возлагая на эту провинцию, которая одна, может быть, процветала при всеобщем упадке, часть расходов, необходимых на содержание армии, и уничтожая таким образом привилегию иммунитета, которой Галлия пользовалась вследствие слабости Рима в предшествующие годы. Часть армии должна была оставаться для защиты Галлии против германцев, и галлы могли отведать благоденний мира только потому, что их защищали римские легионы. Поэтому было справедливым, чтобы Галлия расплачивалась за то, чем она была обязана армии,⁴ возмещая расходы, необходимые для ее содержания. Однако вероятно, что на конгрессе в Нарбоне Август удовольствовался объявлением и реализацией ряда мер, долженствовавших подготовить податную реформу, но что, однако, о ней упоминания еще не было. Он приказал произвести общую перепись с целью узнать изменения, происшедшие в состояниях отдельных лиц, и распределить справедливом образом новые налоги. Чтобы помочь легатам произвести этот ценз, он, по-видимому, назначил прокураторов, избранных из его наиболее способных вольноотпущенников, во главе которых он поставил Ликина, того молодого германца, которого Цезарь взял в плен, а затем отпустил на свободу. Ликин знал Галлию, кельтский язык и искусство финансового управления.⁵ Сделав эти распоряжения, Август отправился в Испанию, где, как он объявил в Италии, разразились крупные восстания. Он

¹ Мы увидим, что немного позже знаменитая школа была в Августодуне, новой столице эдуев.

² Мы увидим, что, вероятно, в эти годы была введена *quadragesima Galliarum*, налог в 2.5% на ввезенные товары. О таком налоге нельзя было бы думать, если бы ввоз в Галлию не был уже значительным. Между ввозимыми продуктами на первом месте должны были находиться масло и вино.

³ Например, мавзолей Юлиев в С.-Реми в Провансе, см.: Saurbaud. *Le Bas-relief romain à représentations historiques*. Paris, 1899, 328—329.

⁴ Тит Ливий (Per., 131) и Дион (LII, 22) определенно говорят, что самый важный акт, выполненный Августом в течение его короткого пребывания в Галлии, был ценз. Этот ценз не был, конечно, предпринят для удовлетворения одного статистического любопытства. Целью его могло быть только увеличение налогов в Галлии; Цезарь, как мы видели, не увеличил их, и маловероятно, чтобы они были увеличены во время гражданской войны. Это увеличение налогов объясняет нам эпизод с Ликином, случившийся через двенадцать лет и рассказанный Дионом (LIV, 21). Из него мы можем заключить о недовольстве, царившем в Галлии в следующие годы. Мы увидим, кроме того, что до сих пор не совсем понятные тексты бл. Иеронима, Сикелла и Паскальной Хроники подтверждают эту гипотезу.

⁵ У Диона о Ликине как прокураторе Галлии упоминается только позже, под 16 г. Но если он тогда уже столько наворовал, то должен был делать это уже в течение некоторого времени. Я поэтому предполагаю, что Август назначил его прокуратором с самого начала своих реформ.

прибыл в Тарракону как раз вовремя, чтобы вступить 1 января 26 г. в свое восьмое консульство.¹

Дело Но в то время как он отправлялся в Испанию, в Риме одно
Корнелия странное событие сделало тщетными многие мудрые меры, принятые
Галла Августом перед его отъездом, и глубоко взволновало общество. После
отъезда Августа Валерий Ларг принялся обличать роскошь, грабежи
и высокомерие египетского префекта;² но эти обвинения, вместо
того чтобы лишь слегка взволновать общественное мнение и вызвать
только легкую сенсацию, вызвали, напротив, ужасный взрыв на-
родного гнева. Подала пример аристократия, первая с бешенством
набросившаяся на Корнелия Галла; за ней последовали другие клас-
сы.³ В несколько дней наместник Египта, человек могущественный
и весьма уважаемый, сделался страшным преступником, достойным
самых ужасных наказаний; повсюду, но особенно в знатных фами-
лиях, с дикими криками требовали спасительного примера. Благодаря
этому таинственному и внезапному движению умов Рим, хотя с
немногим опозданием, содрогнулся от ужаса перед лихоимством
префекта Египта; он вознегодовал, что его подданные могли быть
третированы так, как Галл третировал египтян. Несколько друзей
Галла, а также люди серьезные и честные попытались удержать
поток,⁴ но их усилия были тщетны, ибо Ларг, встречая повсюду, а
особенно среди знати, комплименты, похвалу и одобрение, упоенный
неожиданным успехом, наполнял Рим своими обвинениями, и все
уже осудили Галла, не дожидаясь его возвращения из Египта для
представления своих оправданий и даже обсуждения процесса, на-
правленного против него.

Причины Это был вообще первый из тех ужасных скандалов, одновременно
взрыва политических и судебных, которые при империи погубили столько
гнева жертв в высших классах; и его неожиданная жестокость, его чрез-
вычайные преувеличения должны были причинить беспокойство рас-
судительным людям. Под предлогом правосудия и справедливости
общество срывало на несчастном Галле дикую, скрытую злобу, остав-
шуюся в умах после гражданских войн. Мир возвратился, но это
был только внешний мир. Если Август, Агриппа, столько выдающихся
лиц партии-победительницы, большое число их вольноотпущенников
и, наконец, некоторые, ловкие и неведомые никому плебеи обо-
гатились во время гражданских войн, то большая часть сенаторов
имели столь скромные состояния, что при реорганизации республики
сенаторский ценз был определен в 400 000 сестерциев; а многие
всадники, несколько не играя роли, не смели более занимать в
театре места на сорока скамьях, отведенных всадническому сословию,
ибо потеряли свое состояние во время гражданских войн, но Август
добился для них сенатского позволения занимать, несмотря на потерю
состояния, эти места.⁵

¹ Sueton. Aug., 26.

² Скандал с Корнелием Галлом должен был разразиться в отсутствие Августа, так как, по словам Диона (LIII, 23), этот скандал достиг своего апогея в 26 г. до Р. X.

³ Ammian. Marcel. XXII, IV, 5: metu nobilitatis acritur indignatae.

⁴ Дион (LIII, 24), действительно, говорит нам, что многие граждане высказывали свое негодование по поводу этого преследования Галла, преследования несправедливого или, по крайней мере, преувеличенного.

⁵ Sueton. Aug., 40.

Все эти люди, естественно, в глубине сердца питали горячую злобу против крупных богачей; они были склонны рассматривать дворцы, виллы, рабов, деньги богачей как результат краж, совершенных им во вред, и их горечь была тем большей, что нужно было почитать в Августе, в Агриппе, в Меценате, во всех вождях революционной партии результаты тех грабежей, жертвами которых они были или считали себя.¹ Крупные состояния, составленные в Египте после завоевания, должны были в особенности возбуждать сильную зависть во всех классах. Нажившийся в Египте Корнелий Галл был предназначен сделаться жертвой всех тех, кто не составил себе состояния. Крепко сплоченная аристократия направляла против Галла это народное движение из желания уничтожить одного из «*homines novi*» революции и отыграться, хотя бы на нем, за Филиппы и проскрипции. Бедные сенаторы, всадники и народ, раздраженные, завидующие чужим богатствам и полные также рабской угодливости к вновь сделавшейся могущественной знати, следовали за аристократией. Галл погиб ранее, чем пришли к нему на помощь его сотоварищи по революционным грабежам во главе с Августом. Август был слаб, а друзья Галла легко позволили запугать себя народному раздражению; мир обнаружил в сердцах новых эгоистов, столь же диких и столь же трусливых, как и эгоисты гражданской войны, все скрывавшееся в них под громкими названиями справедливости и права. Философ в Риме, этом городе, где все, от уличной мостовой до храмов богов, было создано из продуктов мирового грабежа, мог бы утверждать, что Галл оказал важные услуги республике, ибо он ограбил не Италию, а Египет; его друзья могли бы просто спросить у сделавшегося внезапно столь добродетельным города: не делали ли что то же, что и Галл, и Агриппа, и Август, и все наиболее уважаемые люди современного поколения, и не желал ли бы сделать то же самый всякий разумный гражданин? Но все олигархии, не имеющие прочной основы, имеют обычай время от времени покидать кого-нибудь из своих членов, принося их в жертву тем, кем они управляют, и горе тому, кто таким образом приносится в жертву! Тогда, как и всегда, были более склонны погубить своего соседа, чем самим отказаться от своих привилегий; предпочитали пожертвовать гордым и жестоком Галлом, чем возвратить часть имущества, которыми пользовались. Август, чтобы не идти против общественного мнения и не слишком вредить Галлу, отозвал его и объявил лишенным его провинции и имущества.² Но такое слишком слабое наказание не могло удовлетворить общество; Август наказал Галла, значит, он признал его виновным, и поэтому потребовали новых и больших строгостей; все покинули бывшего префекта Египта; отовсюду появлялись новые обвинители с новыми обвинениями, преувеличенными и фантастическими, которые общество принимало на веру.³ Кажется даже, что для уверенности в его обвинении удалось

¹ Даже в эротической поэзии можно найти любопытные свидетельства этой народной антипатии к людям, разбогатевшим во время гражданской войны; см.: Tibull., II, IV; Ovid. Amores, III, VII, 9.

² Sueton. Aug., 66; Dio, LIII, 23.— Принимая это решение, Август, очевидно, старался удовлетворить общественное мнение, не губя Галла. Это доказывает, что если Август вначале, вероятно, одобрял направленные против Галла обвинения, то все же они произвели эффект гораздо более значительный, чем он желал.

³ Dio, LIII, 23; Amm. Marc., XVII, XIV, 5.

перенести его процесс в сенат.¹ Но великодушные умы не могли не быть глубоко возмущены этой травлей знаменитого человека, обвиненного в том, что послужило к славе стольким другим. В начале 26 г. Мессала, отправлявший всего шесть дней *praefecturam urbis*, сложил с себя эту должность, говоря, что чувствует себя неспособным хорошо ее выполнять и смотрит на нее как на неконституционную.²

Консульство Падение Галла, вероятно, испугало его, показав, что народ не
Тавра понимал более функций префекта. Если *praefectus Aegypti* впал в
в Риме такую немилость, какие опасности угрожают тому, кто будет исполнять ту же должность в Риме? Таким образом, усилия Августа убедить Мессалу принять эту должность оказались тщетными; Рим остался без принцепса и без префекта, с одним консулом. Скоро последовала катастрофа, которая могла только увеличить смятение умов: в отчаянии, видя себя всеми покинутым, Галл кончил самоубийством. Август отказался от мысли найти нового городского префекта; он предоставил город охране другого консула, Статилия Тавра, надеясь, что все пойдет хорошо, и начал весной войну, приняв сам начальствование над армией.³ Легко понять, почему главнокомандующий старался доказать, что он способен вести войну один, без советов Агриппы. Противоречие, бывшее между его военной неспособностью и его должностью главнокомандующего всеми легионами, не было ни самым легким, ни менее опасным из тех противоречий, среди которых он находился; опасность даже увеличивалась вследствие очевидной необходимости восстановить дисциплину в армии: Август уже уничтожил самые застарелые злоупотребления; он не обращался более к легионариям с именем «товарищи», но «солдаты»; чтобы возобновить достоинство военной профессии, которая должна быть привилегией свободных людей, он совершенно удалил из легионов вольноотпущенников и установил строгую систему как наказаний, так и наград.⁴

Эгнаций К несчастью, Август не был рожден командовать армиями. Кан-
Руф табры и астурийцы, зная, что в случае поражения они будут уведены влугубь гор, чтобы извлекать оттуда золото, защищались с отчаянной храбростью; пользуясь колебаниями Августа, они ловкими и быстрыми переходами скоро поставили его в затруднительное положение. Он имел счастье заболеть в удобный момент; это обстоятельство оправдало в глазах легионов его возвращение в Тарракону и передачу командования своим двум легатам: Гаю Антистию и Гаю Фурнию.⁵

¹ Мы знаем это из Диона (LIII) и Светония (23, Aug. 66: *Senatus consultis ad pesem compulso*).

² Два объяснения переданы нам: одно Тацитом (*Annales*, VI, 11: *quasi nescius exercendi*), другое — бл. Иеронимом (*Chron. ad a. Abrah.*, 1991, 728/26: *incivilem potestatem esse contestans*). Мне кажется, что Мессала мог опираться и на то и на другое. Когда я утверждаю, что катастрофа с Галлом могла вызвать удаление Мессалы, это, конечно, только гипотеза: она мне кажется вероятной, потому что позволяет объяснить внезапное решение, принятое Мессалой. Случай с Галлом должен был натолкнуть Мессалу на размышления, ибо власть того и другого опиралась на одинаковую политическую идею — восстановление древних префектур.

³ Dio, LIII, 25; Sueton. Aug., 30.

⁴ Sueton. Aug., 24–25. — Я думаю, что факты, рассказанные в указанном месте, принадлежат к началу правления Августа; действительно, мы увидим, что в конце его дисциплина в армиях снова совершенно исчезла.

⁵ Дион (LIII, 25) упоминает только одного легата: Антистия. Флор (II, XXXIII, 51; IV, XII, 51) называет троих: Антистия, Фурния и Агриппу. Орозий (VI, XXI, 6)

Август со своим обычным благочестием удовольствовался принятием обета построить новый храм на Капитолии Юпитеру Гремящему (Iuppiter Tonans) в благодарность за то, что во время одного перехода он был чудесным образом спасен от удара молнии:¹ если поэтому благодаря ему Рим не овладел золотыми рудниками астурийцев, он должен был по крайней мере иметь одним храмом более. После внезапного падения Корнелия Галла в Риме возник другой беспорядок. Незнатный человек, некто Марк Эгнаций Руф, избранный эдилом на 26 г., вступил в отправление своей должности с необычайным рвением; и в то время как эдилы обычно допускали гореть дома простого народа, говоря, что у них нет средств для тушения пожаров, он захотел сделать для огня то же, что Агриппа сделал для воды, а Август — для государственного бюджета: а именно, составил из своих рабов несколько пожарных дружин и, подобно Крассу, являлся при возникновении пожаров тушить их, но бесplatно.² Поэтому в средних классах и в простом народе, где держались за свои дома и движимость так же, как за конституцию, Руф сделался очень популярен. Комиции утвердили закон, предписывающий возратить ему все издержки, сделанные им ради общественного блага,³ и, так как приближались выборы на 25 г., его сторонники хотели теперь же предложить его в преторы⁴ в обход закона и вопреки принципам законности, с таким трудом восстановленным Августом и его друзьями. Знать была раздражена и утверждала, что если пожарные ревностно тушат в Риме пожары, то так же ревностно зажигают в умах демагогические страсти.⁵

Гибель Галла придавала мужества партии знати, указывая ей, что Нападки в зажиточных классах, среди наиболее почтенных сенаторов, среди всадников и даже в среднем классе, существует теперь глубокое отвращение к революционным деятелям и поступкам; ее также ободряла обнаруживавшаяся с каждым днем перемена в общественном мнении, которое во всех социальных классах, как часто бывает после революций, снова прониклось почтением к знатности, к богатству, к древней славе и возненавидело незнатных честолюбцев, находившихся в сенате после мартовских ид, рассматривая их как недостойных представлять величие Рима в великом собрании. Осме-

говорит о двух: Антистии и Фирнии. Следовательно, относительно Антистия сомнений не существует. По отношению к Агриппе я склонен думать, что Флор спутал с последующими войнами; мы действительно знаем, что в 27 и 25 гг. Агриппа был в Риме, и, кроме того, Оризий не упоминает о нем в этой войне. Что касается легата, по поводу которого Оризий и Флор находятся в разногласии, довольно вероятно предположение, что это был Фурний, бывший консулом в 17 г. до Р. X.

¹ Sueton. Aug., 39; Mon. Anc., IV, 5.

² Dio, LIII, 24; Velleius, II, XCI, 3.

³ Dio, LIII, 24.

⁴ Velleius Paterculus, II, XCI, 3.

⁵ Dio, LIII, 24.— Ненависть знатных к Руфу переполняет всю XCI главу II книги Веллея. Одной этой ненавистью политического происхождения можно объяснить оппозицию высших классов Руфу. До своего заговора против Августа, бывшего ответом на испытанную несправедливость — если только это обвинение верно, — Руф не совершил никакого преступного деяния. Сам Веллей, столь враждебный ему, не может привести никакого факта, оправдывающего отвращение, которое знать имела к нему. Его ревность в тушении пожаров, даже если она была не совсем бескорыстной, была от этого не менее похвальной, и только политическая ненависть могла упрекать за нее. Руф сделал для пожаров то же, что Агриппа сделал для водопроводов. Дион (LIII, 24), впрочем, хвалит его, говоря: ἀλλὰ τε πολλὰ καλῶς πράξας.

левшая знать решилась теперь обвинять Руфа в подготовке восстания при помощи своих пожарных и в возобновлении демагогической агитации прежнего времени; никто не считался даже с тем, что Руф только следовал примеру Агриппы и Августа. Но на этот раз знать ошиблась. Руф не писал, подобно Галлу, прекрасных стихотворений и не завоевывал провинций, а спасал от огня жилища римских бедняков; и расположение масс в пользу его противозаконной кандидатуры в преторы возрастало так быстро, что Статилий Тавр, в качестве консула председательствовавший на выборах, не осмелился вычеркнуть его имя из списка кандидатов, и Руф был избран.¹ В то время как Август был далеко, в том Риме, где на словах так старались восстановить аристократическую конституцию и приспособить ее к потребностям эпохи, один человек мог толкнуть снова партии на борьбу, возбудить одновременно революционное нетерпение низших классов и гордость вновь сделавшейся могущественной знати, и этот человек был пожарный. Народ не колебался нарушить основные принципы конституции, восстановленной два года назад при всеобщей радости, лишь бы быстро тушились пожары. А аристократия, чтобы снова дать почувствовать свою силу, под предлогом борьбы с демагогией хотела, чтобы народ позволял гореть своим домам, и, нападая на Руфа, восставала против того основного принципа реформы общественных должностей, который Август и Агриппа благоразумно старались ввести в администрацию, организуя сперва частные службы рабов. Однако аристократия, так ловко ниспровергнувшая Галла, знаменитого поэта, славного полководца и очень могущественного человека, была на этот раз побеждена Руфом, имевшим только ту заслугу, что он потушил четыре пожара. Контраст был смешон, но все покорно и молча подчинились этому. Сам Август решил дать префектуру Египта, т. е. наиболее важную должность империи после своей, незнатному всаднику К. Петронию, вероятно, потому, что все знатные лица, испуганные участием Галла, отказывались от этой должности.² Сам он продолжал обращать внимание только на поиски во всех областях империи драгоценных ме-

¹ Dio, LIII, 24.

² Кто был второй *praefectus Aegypti*? Элий Галл или Петроний? Этот вопрос много обсуждался немецкими учеными. Но, если невозможно прийти к определенному заключению, мне все же кажется наиболее вероятным решить его в пользу Петрония. Я, вместе с Гардтгаузенем, допускаю, что неясное *βωτερον* Страбона (XVII, 1, 53) является только слабым аргументом, но есть, кроме того, и другие. Отметим сперва, что другое место Страбона (XVII, 54) указывает нам, что в тот же самый год — 25 г. до Р. Х., как мы скоро увидим, — Элий Галл и Петроний оба были в Египте и что один совершил экспедицию в Аравию, другой в Нумидию. Один, следовательно, должен был действовать в качестве префекта Египта, другой — в качестве подчиненного ему офицера. Между тем Иосиф (A. I., XI, IX, 1—2) ясно говорит нам, что в тринадцатом году царствования Ирода (от весны 25 г. до весны 24 г. до Р. Х.) Петроний был *ἐπαρχὴς*, т. е. *praefectus*, Египта и (§ 3) что Элий Галл совершил экспедицию к Красному морю. Таким образом, по указанию Иосифа, Элий Галл был подчиненным. То же утверждает Плиний; действительно, когда он рассказывает (N. H., VI, XXIX, 181) об экспедиции Петрония в Эфиопию, он называет его *eques et praefectus Aegypti*, тогда как при рассказе об экспедиции Элия в Аравию называет его только *eque* (N. H., VI, XXVIII, 160). Это свидетельство само по себе не имеет большого значения, но важно, что оно подтверждается Иосифом. Кроме того, так как речь идет о второстепенной экспедиции, то неудивительно, что в нее послали подчиненного офицера и что сам префект остался в Египте. Рим слишком желал видеть поддержание порядка в стране, для того чтобы легкомысленно удалить из нее ее первого магистрата. Наконец, Страбон доставляет нам новый аргумент в пользу того, что Элий Галл был

таллов и из Тарраконы следил за войной против кантабров и астурийцев, руководимой его генералами. На следующий год (25 г. до Р. Х.) он подготавливал две экспедиции — одну в область салассов (современная долина Аосты) с целью овладеть альпийской долиной, наиболее богатой золотом, а другую — во внутреннюю Аравию, чтобы овладеть сокровищами, которыми, как думали, владели арабы.

Рим был, таким образом, предоставлен самому себе, в сонливой апатии, без великих предприятий, без громких событий, без живых волнений; и гармония, которая, по-видимому, восстановилась после Акция, мало-помалу разрушалась, в то время как странное смещение идей и противоречивых чувств начинало затемнять у всех точное сознание средств и целей и согласие между словами и действиями, между теорией и практикой. Порядок, как бы то ни было, был восстановлен; от прежнего дикого раздора осталось только легкое облачко неопределенных злобных чувств, висевшее в воздухе, хотя в городе тем не менее продолжали действовать внутренние несогласия. Республика была восстановлена, и стремление возвратиться к прежним учреждениям было в полном ходу; среди знати партия реформ работала над реставрацией монополии должностей и власти знатных фамилий с устранением от магистратур сенаторов незнатного происхождения, которые вошли в курию во время революции; аристократическое тщеславие, высокомерие и презрение начали возрождаться, и это шло так далеко, что гордые вельможи выказывали свое презрение даже Агриппе, которому они с яростью завидовали.¹ Но патриотизм, бывший душой древнего аристократического режима, не вспыхивал больше; все теперь избегали трудных и убыточных должностей, к которым некогда так стремились. Хотя доступ к почестям был открыт молодым людям, однако нелегко было наполнить громкими именами списки кандидатов, постоянно нужно было прибегать к чрезвычайным средствам и, чтобы воспрепятствовать самым важным общественным должностям, например надзору за дорогами, впасть в полное пренебрежение.² Большинство сенаторов, вместо того чтобы тратить свое состояние на общественные должности, как советовал это Цицерон, оспаривали друг у друга доходные магистратуры, например должность префекта *aerarii Saturni*,

префектом Египта не только после Петрония, но даже долго спустя после этого года, о котором идет речь, и, следовательно, вероятно, или что Петроний был много лет префектом, или что между Петронием и Элием Галлом были другие префекты. Действительно, Страбон (II, V, 12) говорит нам, что, когда Элий Галл был префектом Египта, он вместе с ним осматривал порт Миоскорм на Красном море, где были собраны сто двадцать судов, торговавших с Индией, между тем как при Птолемах число их было менее значительно. Он говорит нам еще (XVI, XIV, 24), что во время экспедиции Галла в Аравию индийская и аравийская торговля производилась по дороге через Левкокому, Петру и Сирию; между тем как впоследствии (vivi) почти вся торговля шла через Миоскорм. Произошло, следовательно, изменение торговых путей, которое через четыре или пять лет после падения Птолемеев не могло еще случиться. Путешествие Страбона и Галла в Миоскорм должно было поэтому происходить много лет спустя. Петроний был, следовательно, вторым префектом Египта, а Элий руководил экспедицией в Аравию как легат Августа, но в качестве подчиненного офицера. Существует разногласие насчет praepositi'a Петрония: Плиний называет его Publius, а Дион — Caius.

¹ См.: Seneca. Controv., II, IV, 12, 13 (p. 155B).

² Относительно трудности поддерживать дороги см. С. I., L., VI, 1464 и 1501 и наблюдения Гиришфельда (Untersuchungen auf dem Gebiete der Röm. Verwaltung. Berlin, 1876. Bd I, 110 и 111).

заведующего казначейством, или старались приобретать деньги в качестве адвокатов, принимая плату за свои речи на форуме несмотря на *lex Cincia*, запрещающий принимать вознаграждение за юридическую помощь.¹ Легко было оплакивать этот беспорядок, но как было ему сопротивляться? Большинство сенаторов едва владели сенаторским цензом, а с 400 000 сестерциев не только нельзя было расточать щедрости народу, но с трудом можно было жить приличным образом. Принцип бесплатности общественных должностей, столь существенный в древней конституции, плохо согласовался с новым экономическим положением римского общества, где одни были слишком богаты, другие — слишком бедны. Из других противоречий теперь усиливался и примешивался в старой республике контраст между требованиями частной жизни и гражданским долгом. Все восхваляли прошлую простоту и бережливость, но однако и сам Август, и его друзья своими крупными расходами возбуждали во всех классах Рима вкус к роскоши.

Александрийское искусство и роскошь Если Рим воображал, что при Акции он отразил дерзкое нападение Египта, то после победы он не сумел оказать сопротивление новому египетскому нашествию, менее заметному, но более опасному, чем нашествие армий Антония и Клеопатры. После падения династии Птолемеев художники, торговцы предметами роскоши, ремесленники, работавшие для александрийского двора, для его евнухов и высших чинов, отправились за работой и пропитанием в великий город, где жил преемник Птолемеев и куда были перевезены огромные сокровища Египта. Они прибыли и продолжали прибывать в Италию друг за другом, высаживаясь в Путеолах; и если наиболее скромные из них останавливались в кампанских городах от Помпей до Неаполя, то другие являлись в Рим. Однако они строили пышные дворцы не для преемника Птолемеев. Август жил на Палатине в старом жилище Гортензия, состоящем из нескольких смежных домов, построенных различными собственниками; эти дома Гортензий купил в разное время и соединил, сделав кое-какие переделки.² Египетские художники, напротив, нашли работу у наиболее богатых лиц из сенаторской и всаднической аристократии, занимавшейся постройкой на развалинах революции нового Рима, более пышного, чем древний, и расположенной оказать им хороший прием. Завоевание и падение Египта и легенда об Антонии и Клеопатре, по одному из столь многочисленных противоречий той эпохи, привлекли внимание умов ко всему египетскому. Большинство наиболее видных людей из партии Августа участвовали в его египетской кампании; они долго пробыли в Александрии, жили в домах богатых египетских вельмож, с любопытством прогуливались среди роскоши огромного дворца Птолемеев и вывезли из Египта мебель, вазы, ткани и произведения искусства. Многие из них составили себе состояние за счет коронных имуществ и имущества Антония; наиболее значительная часть земельной собственности Августа, его фамилии³ и его друзей была,

¹ Мы увидим, что через несколько лет Август возобновил *lex Cincia*.

² Velleius Paterculus, II, LXXXI, 5; Sueton. Aug., 72.

³ Мы уже говорили (т. III, с. 429), что Август и Меценат имели собственность в Египте; Иосиф (А. I., XIX, V, 1) передает нам, что Антония, мать Друза, имела управителя в Египте, что доказывает наличие у нее там крупных владений. Это должна быть часть имения, приобретенного в Египте Антонием. Дион (II, 15) говорит нам, что дочь Антония и Октавии получила *χοῦματα ἀπὸ τῶν πατρῶων*.

вероятно, теперь в Египте; новая роскошь, распространявшаяся по Италии, питалась особенно Египтом; много богатых римлян имели там свои дела и были принуждены время от времени бывать там или посылать туда своих агентов. Соприкосновения между Италией и древним царством Птолемеев становились все более и более частыми; развитие торговли сделало Путеолы богатым городом и облегчило введение в Италию египетских обычаев, нравов и идей. Завоевание Египта не замедлило дать почувствовать свое влияние на римскую жизнь, уравновесив очень скоро тот вкус к архаическому романизму и национальному фанатизму, который был возбужден кризисом при Акции. Многие приобрели в Египте любовь к искусству, роскоши и новостям, которая постепенно захватывала в Италии и тех, кто никогда не ступал и ногой в царство Птолемеев, но составил или сохранил свое состояние во время революции.

Таким образом, несмотря на общее преклонение перед древней Александрийское римской простотой, красивые дворцы воздвигались в различных кварталах Рима и даже на Эсквiline, древнем кладбище бедняков, искусство теперь украшенном прекрасными домами, большими и малыми, с в римском тех пор как Меценат построил там свое пышное жилище.¹ Было доме так приятно после стольких опасностей и волнений пользоваться миром и отдыхом в красивом доме! Поэтому александрийское искусство, бывшее самым утонченным, самым богатым, самым живым из всех, явилось в подходящий момент для удовлетворения этого желания новшества и элегантности, усиливая вместе с тем его и распространяя. Властители мира оказали этому движению очень хороший прием и потребовали, чтобы оно перенесло из столицы Птолемеев в Рим, в их жилища, на стены, своды и домашнюю утварь все красивые изображения, изобретенные и усовершенствованные столетиями тщательной работы для удовольствия египетских богачей. Большие стены зал были разделяемы на отделения, окаймленные фестонами, крылатыми амурами, масками, и александрийские художники рисовали там: одни — сцены, заимствованные из Гомера, Феокрита или мифологии, другие — некоторые из тех дионисовских сцен, которые так нравились Египту Птолемеев; иные, подобно знаменитому Лудию, рисовали маленькие жанровые картинки, где с большим талантом перемешивали элегантность искусства с красотами природы: там виднелись холмы и долины, усеянные виллами, павильонами, башнями, бельведерами, портиками, колоннадами, террасами, затененными стройными пальмовыми деревьями и высокими, защищавшими от солнца, пиниями; изборожденные ручьями с перекинутыми через них маленькими элегантными мостиками из одной арки и населенные мужчинами и женщинами, которые прогуливались, весело беседуя. В доме Ливии на Палатине или в музее терм Диоклетиана можно восхищаться многими шедеврами этой декоративной, утонченной и элегантной живописи, пропитанной эротизмом, в наиболее удаленных частях дома сбрасывающей все покровы и становящейся непристойной. Другие художники покрывали своды штукатуркой, подобной той, чудные следы которой остались также в термах Диоклетиана, исполняя те же самые маленькие жанровые сцены, те же изящные пейзажи и те же вакхические сцены на

¹ Hor. Sat., I, VIII, 14; Carm., III, XXIX, 10.

однообразной белизне штукатурки не блеском красок, но легкостью и несравненной выразительностью лепной работы. Каждая небольшая картинка была окаймлена очень грациозными орнаментами, арабесками и растениями, амурами, грифонами, переходившими иногда в арабески, крылатыми победами, державшимися на кончиках своих пальцев. Александрийские скульпторы инкрустировали стены также драгоценными мраморами; александрийские мозаичисты составляли на полах чудные рисунки; и для украшения этих зал торговцы предлагали предметы александрийской работы: роскошные ковры, великолепную утварь, ониксовые и миринские чаши.¹

Несовместимость этого искусства с семейной жизнью

Но эти столь украшенные жилища, где вокруг владельца теснились грации, ежеминутно чаруя его взоры видом какого-нибудь красивого пейзажа, какого-нибудь изящного орнамента, грациозных тел обнаженных женщин; эти дома, покрытые лепной работой, полные великолепных мраморов, богатой мебели, украшенные амурами, картинами любви Венеры и Вакха, часто чувственными и непристойными, не могли быть, вместе с тем, теми почти священными оградями, где снова собиралась бы во имя своих обязанностей и сурового труда древняя семейная маленькая монархия Рима, которую все хотели восстановить на словах. Архитектура дома всегда отражает структуру общества и настроение современников. Эти приюты граций не могли более давать прибежища древней любви, которая была простой гражданской обязанностью продолжения рода, выполняемой в браке; они могли гармонировать только с новой любовью, любовью интеллектуальной цивилизации, утонченной тысячью искусств и бывшей лишь эгоистическим наслаждением чувств и тела; в этих великолепных жилищах закончилась эволюция, которая в течение четырех столетий преобразовала семью и сделала из самодержавной, суровой и замкнутой организации самую свободную форму полового соединения, которая когда-либо встречалась в западной цивилизации, которая в значительной степени походила на ту свободную любовь, в которой современные социалисты видят брак будущего. Формальности и обряды не были более необходимыми, брак зависел от взаимного согласия, известного морального достоинства и, чтобы употребить римский термин, «супружеской любви», он прекращался вследствие несходства характеров, взаимного равнодушия и недостойного поведения. Единственным видимым знаком союза, и то скорее по привычке, чем по юридической необходимости, было приданое. Если мужчина уводил жить с собой свободную женщину из честной фамилии, они этим самым рассматривались как муж и жена и имели законных детей; если им неудобно было оставаться более мужем и женой, они разъезжались и брак считался расторгнутым. Таков был, в его существенных чертах, римский брак в эпоху Августа. С этих пор женщина в семье была почти свободной и равной мужчине. От ее древнего положения вечной опеки осталась только обязанность быть представленной опекуном, когда у ней не было ни отца, ни мужа и когда она хотела заключить обязательство, сделать завещание, вести процесс или продать *res mancipi*. Рассматриваемой самой по себе этой форме брака нельзя отказать ни

¹ Подробности этого описания я заимствую из прекрасной работы: Courbaud. *Le Bas-relief romain à representations historiques*. 344 сл.

в величии, ни в благородстве; но во что превратилась при ее помощи семья, когда у женщин высшего общества исчезли женские добродетели: скромность, послушание, любовь к работе и стыд.¹ Их моральная распушенность возмущает поэта, восклицающего:

Гибель всем тем, кто для вас (т. е. для римских дам)
изумруд собирает зеленый
И белоснежную шерсть пурпуром красит для вас!
Роскошь рождают они, рядят девишек и косские ткани
И из глубоких морей раковин перл достают.²

Обычай без всякой помощи закона мог некогда наложить на отца семейства брак как обязанность, потому что обычай и закон признавали за ним также такие права, как управление всем имуществом и почти деспотическую власть над членами фамилии; но бедный муж эпохи Августа был не более как тенью и пародией древнего, торжественного и грозного *pater familias*. Какие права имел он, кроме права тратить часть приданого, в особенности если он женился на женщине умной, хитрой, властолюбивой, с богатым приданым, имевшей для своей защиты знатных родственников и массу друзей и поклонников? Он не только не мог более принудить ее иметь много детей и отдавать все свои заботы их воспитанию, но не мог даже противиться ее разорительным капризам и принудить ее остаться верной ему. Женщина приобрела все свободы, в том числе и свободу прелюбодеяния, ибо закон не осмеливался узурпировать права отца семейства и семейного трибунала, устанавливая наказание за прелюбодеяние, а при крушении семьи никто не смел более созывать домашний трибунал, который один мог бы наказать жену-прелюбодейку. Впрочем, было бы и невозможно более наказать ее смертью, а путем развода она легко могла избежать других, более легких наказаний, налагаемых семьей, например отсылки в деревню. Таким образом, никто, кроме нескольких еще существовавших идеалистов, не женился по гражданской обязанности, но по расчету: или плененный красотой, или гонясь за богатым приданым, или желая породниться с могущественной фамилией. Многие разводились, как только не находили более расчета в заключенном союзе; другие искали утешения, меняя жену, как теперь меняют служанку; иные оставались холостяками или брали в наложницы вольноотпущенницу. Эти связи не были рассматриваемы как брак и, следовательно, не давали законных детей, что было лишней выгодой для отца, который мог усыновить и дать свое имя тем из детей, кого он предпочитал.³ Соприкосновение меньшинства лиц очень богатых с толпой тех, кто имел только скромные средства и кого все более и более привлекала роскошь, делало испорченность еще более ужасной. Между женщинами, происходившими из небогатых всаднических или сенаторских фамилий и вышедшими замуж за всадников или сенаторов, также не имевших крупных состояний,

¹ Пусть обратят внимание, сколь исключительными кажутся похвалы, обращенные к женщине в так называемой *elogium*. См.: *Turiae*. С. I. L., VI, 1527, v. 30—31: *domestica bona pudicitiae obsequii, comitatis, facilitatis, lanificii assiduitatis, religionis sine superstitione, ornatus non conspicui, cultus modici*.

² *Tibull*, II, IV, 27 сл. Перевод А. П. Рудакова.

³ *Bouché-Leclercq*. *Les Lois démographiques d'Auguste* в *Revue historique*, 1885, vol. 57, II, 228.

очень многие работали, с согласия своих мужей, над своеобразной контрреволюцией, отбирая у римских крезов при помощи своих ласк часть тех богатств, которые были похищены насилием во время революции. Несмотря на свой вкус к прошлому, высшие классы снисходительно относились к этой элегантной проституции, из которой одни извлекали удовольствие, а другие — деньги. Прелюбодеяние, за которое, по древнему праву, муж мог убить жену и ее любовника, делалось для многих всадников и сенаторов выгодной торговлей, и в Риме росло число женщин, о которых было известно, что они продают свои сердца с аукциона.¹

Упадок зрения и презрения, был велик. Один из наиболее скептических поэтов эпохи сам испытывал содрогание скорби и ужаса при виде римской знати, бросившейся с высот величественной и гордой добродетели в унижение этой элегантной проституции, и он заставляет дверь одного знатного дома рассказать эту незаметную, но ужасную драму римской истории в нескольких стихах, которые нельзя читать без волнения, до того они трагичны, хотя поэт стремится выдержать шуточный тон:

Я, что когда-то была для блестящих открыта триумфов,
 Я, целомудрием столь некогда славная, дверь,
 Чей попирался порог колесниц позлащенных разбегом
 И увлажнялся слезой пленников, полных мольбы,
 Ныне сама по ночам, разбуженная ссорами пьяниц,
 С стоном приемлю удар их недостойной руки.
 Ныне постыдный венок то и дело меня украшает
 Или, отвергнутых знак, брошенный факел лежит.
 Как я могу охранять госпожи опозоренной ночи,
 Чье благородство теперь грязным стихам отдано,
 Если не хочет сама пощадить она честь свою ныне
 И недостойнее всех в век недостойный живет!²

Однако если в Италии и были еще многочисленные семьи, то никто из той маленькой олигархии, которая в Риме руководила восстановлением прошлого, не показывал подобного примера: Август и Агриппа имели по одной дочери, Марк Красс, сын богатейшего триумвира, имел только одного сына, Меценат не имел детей, равно как Луций Корнелий Бальб, бывший холостым. М. Силан имел двух детей; Мессала, Азиний и Статилий Тавр имели по трое. Семейства с семьей и восемью детьми, некогда столь многочисленные, не встречались более; считали, что вполне исполнили свой долг перед республикой, когда имели одного или двух детей, и масса людей старалась избавиться себя от этой низменной обязанности. Женщины, вместо того чтобы благочестиво призывать на свое плодородное лоно

¹ Вот список мест у поэтов того времени, упоминающих об этой испорченности и устремляющих свои упреки против продажной любви. Ног. Сarm., III, VI, 29.— Tibull, I, IV, 59 (но здесь более специальный вопрос о педерастии); I, V, 47 сл.; I, VIII, 29 сл.; II, III, 49 сл.; II, IV (вся элегия); I, 7. — Propert., I, VIII, 33 сл.—Ovid. Amores, I, 8; I, 10; III, VIII, 3; III, XII, 10; Ars Amat., II, 161 сл.; II, 275 сл. Мне кажется маловероятным, чтобы мотив, так часто повторяемый в различных формах с такими живыми и точными деталями, был чисто условным и происходил от литературных подражаний. В этой картине нравов могут быть преувеличения, но она все же снята с натуры. Мы увидим, что lex Iulia de adulteriis пытался наказать эту постыдную торговлю.

² Propert., I, XVI, 1 сл. Перевод А. П. Рудакова.

покровительство Исиды и Илифии, более не стыдились и не боялись «прободить его железом» для производства выкидыша:

...чтоб безобразных морщин был избавлен живот нерождавший.¹

Вместо того чтобы жениться, для мужчин было более безопасным и приятным выбрать себе любовницу среди этих знатных дам или вольноотпущенниц, сирийских певиц, греческих и испанских танцовщиц, белокурых красавиц-рабынь из Германии и Фракии или даже любовника из тех развращенных мальчиков, которых обучали искусству наслаждения для господ мира. Эгоистическая любовь, бесплодное сладострастие и противоестественное наслаждение, с таким ужасом изгонявшиеся древними римлянами из их города, были теперь, в тот самый час, когда так восхваляли прошлое, допущены как в нравы, так и в литературу. Два знаменитых поэта, заботливо покровительствуемые знатными: Тибулл, любимец Мессалы, и Проперций, друг Мецената, — довели до совершенства римскую эротическую поэзию, которая была одним из наиболее губительных средств, разлагавших древнее общество и его мораль. Эта поэзия развивала в заимствованных у греков литературных формах психологию чувственной любви, черпая материал отчасти в греческой поэзии, отчасти в личном опыте. Элегантные, нежные, иногда также пошлые и манерные, эти два поэта с удовольствием описывали видимые или скрытые прелести своих действительных или воображаемых любовниц, анализировали воспоминания об уже испытанных наслаждениях или удовольствии от наслаждений ожидаемых, выражали радость и опьянение разделенной любви или проклятия и мучения ревности, припоминали по поводу своих любовных походов басни греческой мифологии или окружали их точным описанием современных нравов. Но оба они, составляя свои красивые двустишия, бессознательно работали не только над ослаблением древней семьи и древней морали, но и над ослаблением древней римской воинственности.

Проперций и Тибулл начали во имя бога Эроса ту антимилитаристическую пропаганду, которая продолжалась в течение трех столетий с разных точек зрения очень многими, в том числе и христианскими, писателями, пока не предала обезоруженную империю варварам. Тибулл восклицал:

Ты на морях и на суше к сражениям призван, Мессала!

Ты украшаешь свой вход славным трофеем побед!

Я же в любовны оковы красавицей-девушкой связан

И, как привратник, сижу у неприступных дверей.²

Тот из железа, поверь, кто, любовью твоей обладая,

Предпочитает, глупец, в бой за добычей спешить.³

Тибулл хвалит простоту; он любит деревню с ее спокойствием и ее добродетелями; с меланхолическим волнением он мечтает о золотом веке, о времени, когда люди были добрыми и счастливыми, и проклинает нечестивую алчность современной ему беспорядочной и бурной эпохи. Но его похвалы простоте имеют своим основанием мотивы, совершенно отличные от тех, на которые опирались в подоб-

¹ См. две элегии Овидия (Amores, II, 13 и 14), о которых можно сказать, что они ужасны в своей наивности.

² Tibull, I, I, 53 сл. Перевод А. П. Рудакова.

³ Ibid., I, II, 65 сл.

ных похвалах традиционалисты и милитаристы его времени. Последние желали исправить нравы и вернуть их к бывлой простоте и суровости, чтобы возродить поколение мужественных людей, и рассматривали войну как школу энергии. Тибулл, напротив, видит в войне, жадности и роскоши бичи, совершенно одинаковые и одинаково ненавистные, ибо они всегда бывают связаны друг с другом.

Как был счастлив человек при владычестве древнем Сатурна...¹

Не было войска, и войн, и раздоров, и меч беспощадный
Выкован не был еще грозной рукой кузнеца.²

Кто был впервые сковавший ужасное людям оружие?
Варвар, наверно, был он с сердцем железным своим.
С той злополучной поры для убийства, для войн и для смерти,
Смерти ужасной открыт был беспрепятственный путь.

Нет! невиновен был он, мы же сами направили, к горю,
Друг против друга тот меч, данный для диких зверей.
Это богатства вина! никогда бы войны не бывало,
Если бы пили вино буковой чашею мы!³

Медные стрелы от нас удалите, о мирные Лары.⁴

Пусть я вам нравлюсь как есть, пусть другой отличается в битвах!⁵

Что за безумство бежать страшной смерти навстречу в сраженьях!⁶

О сколь достойней похвал тот, кто старость лениво проводит
Внуков семьей окружен, в хижине скромной своей.⁷

Мир пусть поля посетить! Мир сияющий согнул впервые
Быю волов трудовых под закругленным ярмом;
Мир возрастил виноград и собрал его сок благородный,
Чтоб из отцовских амфор сыну струилось вино.
Мир заставляет блеснуть и лопату и плуг земледельца,
В мраке сокрыв кладовых грубых оружие солдат.⁸

Изнеженность призывает любовь почти так же, как если бы она была для него одним из богов Ларов; и эту любовь, страшашуюся смерти и меча, Тибулла ищет ищет убежища в глубине населенных городов и уединенных деревень, питаемую чувственными удовольствиями и сентиментальными фантазиями, он помещает между божествами — покровителями семейства, которое она делала бесплодным. Он воображает, что одна Венера будет в состоянии одержать победу над дикостью, порожденной в его эпоху грабежами и убийствами гражданской войны; любовные наслаждения представляются ему как бы очистительной и возрождающей силой его испорченной и развращенной эпохи.⁹ Менее нежный, менее сентиментальный, но более страстный Проперций хвалится — какой позор для древнего римлянина! — что

¹ Tibull, I, III, 35.

² Ibid., I, III, 47.

³ Ibid., I, X, 1—8.

⁴ Ibid., I, X, 25.

⁵ Ibid., 29.

⁶ Ibid., 33.

⁷ Ibid., 39—40.

⁸ Ibid., 45—50. — Все стихотворения переведены А. П. Рудаковым.

⁹ Tibull, II, III, 35: «Век наш железный хвалить не любовью, а добычу лишь может».

он отказывается ради любви женщины от славы, от войны и от власти;¹ он счастлив, что сделался знаменит своей любовью к ней, и объявляет, что не хочет другой известности, кроме известности эротического поэта;² он восклицает, что может подняться до небес теперь, когда Кинфия отдалась ему,³ и утверждает, что ничто не стоит проведенной с ней ночи.⁴

Не было большим мое попеченье о матери милой,
И без тебя моя жизнь может ли цену иметь!
Ты для меня и семья и родители, Кинфия, будешь!
Ты мне во все времена вечная радость моя!⁵

И, заставив пожаловаться дверь знаменитого патрицианского дома на падение живущей в нем знатной дамы, он заставляет затем ее смягчиться перед жалобами любовника, которому не удалось еще «отворить ее при помощи подарков».

Люди, которые должны были заботиться о восстановлении про- Греческое
лого, восхищались этими стихами и покровительствовали их авторам. влияние
Но противоречие было во всем. Снова желали сделать войну и в области
управление единственным занятием знати, а между сенаторами и религии
всадниками, напротив, распространялся вкус к всевозможным занятиям, которые древняя мораль рассматривала как недостойные. Сколько их желали, например, сделаться актерами!⁶ Театр привлекал к себе потомков завоевателей мира, хотя они играли много других драм на более обширных сценах и перед более многочисленной публикой. Повсюду в Риме возобновляли храмы и святилища; строили их вновь; с мельчайшей точностью восстанавливали древний религиозный церемониал, а дух латинской религии боролся со смертью в артистических греческих формах, которыми одевали теперь священные предметы. Древний римский культ был строгой дисциплиной страстей, долженствовавшей подготовить людей к самым тяжелым обязанностям частной и общественной жизни; но суровые боги, символизирующие существенные принципы этой дисциплины, не были более уместны в пышных мраморных храмах, подобных открытому Августом в 28 г. храму Аполлона; приняв имена греческих божеств и, подобно им, являясь в виде прекрасных полуобнаженных статуй, они утратили свой характер. Если греческий политеизм исходил из того же самого источника, как и политеизм римский, т. е. из тех же самых идей и основных мифов, то он развил их совершенно иначе, обожествляя не моральные, обуздывающие страсти принципы, но стремления человека к физическому и умственному наслаждению. Представлять религию морали под формами религии наслаждения было непоследовательно; но преклонение перед греческой мифологией и ее литературными и художественными изображениями было теперь слишком глубоко в Италии. Сами римляне не могли более переносить религию без искусства.

¹ Propert., I, VI, 29.

² Ibid., I, VII, 9.

³ Ibid., I, VIII, 43.

⁴ Ibid., I, XIV, 9.

⁵ Ibid., I, XI, 22. Перевод А. П. Рудакова.

⁶ В эту эпоху было издано много распоряжений, запрещавших гражданам высших классов выступать на сцене.

Противо- Все эти странные и постоянные противоречия резюмируются в
 речия общем антагонизме, в котором Италия запуталась в конце граж-
 греческой данской войны и от которого она страдала в течение всего столетия:
 и антагонизм между латинским принципом социальной жизни и прин-
 латинской ципом греко-восточным; между государством, рассматриваемым как
 цивили- орган господства, и государством, рассматриваемым как орган вы-
 лизации сокой и утонченной культуры; между римским милитаризмом и
 азиатской цивилизацией. Необходимо хорошенько вникнуть в это
 противоречие, если мы хотим понять историю первого века империи.
 Преклонение перед прошлым Рима не было тогда, как думали многие
 историки, сентиментальным анахронизмом, но необходимостью. Чем
 было древнее римское государство, как не совокупностью традиций,
 идей, чувств, учреждений и законов, которые все имели одну цель —
 побеждать эгоизм индивидуума, всякий раз как он оказывался в
 противоречии с общим интересом, и принуждать всех, от сенатора
 до крестьянина, действуя для блага государства, приносить в жертву
 в случае необходимости самое дорогое: свое семейное чувство, свои
 удовольствия, свое состояние и самую жизнь? Италия понимала,
 что она еще нуждается в этом могущественном орудии господства,
 чтобы сохранить и управлять империей, приобретенной оружием;
 она понимала, что нуждается в мудрых государственных людях,
 осторожных дипломатах, просвещенных администраторах, храбрых
 солдатах, ревностных гражданах и что она может иметь их, только
 сохраняя государственные традиции и учреждения. Это было ее
 искреннее, хотя отчасти химерическое, желание. Но Италия хотела
 прочного правительства не только для того, чтобы сохранить свою
 империю, но и для того, чтобы пользоваться ею, чтобы иметь средства
 удовлетворять потребности, распространенные теперь во всех клас-
 сах, ту более утонченную, более чувственную и артистическую
 культуру, родиной которой был Восток и которая имела своим
 результатом возбуждение всех эгоистических чувств, обуздывать и
 сдерживать которые было целью латинского государства. Греко-
 азиатская цивилизация остановила реставрацию древнего латинского
 государства, которого все требовали для спасения империи; но в
 действительности все или почти все желали спасти империю для
 того, чтобы Италия имела средства усвоить себе греко-азиатскую
 культуру. Таково было, в общих чертах, неразрешимое противоречие,
 в котором билась Италия; противоречие, неизмеримо увеличившееся
 вследствие политики Клеопатры и завоевания Египта, возбудивших,
 с одной стороны, традиционный дух, а с другой — вкус к
 ориентализму; противоречие, внесшее одновременно беспорядок в
 частную жизнь и в политику, в религию и в литературу и бывшее
 сюжетом чудной поэмы, написанной в эту эпоху Горацием. Гораций
 оставил нам действительно вычеканенный в неподражаемой красоты
 стихах наиболее удивительный документ этого решительного
 кризиса, периодически возвращающегося в истории всех цивили-
 заций, которым дали рождение Афины и Рим. Гораций воспел вели-
 кую национальную реставрацию, необходимость которой после Акция
 чувствовали все, воздвигнув в чудных алкеевских и сапфических
 строфах великолепный монумент из своих гражданских, националь-
 ных и религиозных од, в которых он так идеализировал древнее
 аристократическое общество. Но он ни по темпераменту, ни по
 склонности, ни по честолюбию не был национальным поэтом, каким,

без сомнения, желал бы видеть его Август; он не был, однако, и тем придворным поэтом, какого хотели видеть в нем те, кто плохо его понимал. Этот сын вольноотпущенника, имевший, может быть, восточную кровь в своих жилах, этот южанин, рожденный в Апулии, стране полугреческой, где еще говорили на двух языках, этот тонкий мыслитель и этот мастер слова, не имевший другой цели в жизни, как изучать, наблюдать и изображать чувственный мир, понимать и анализировать все законы мира идеального, этот образованный философ, который никогда не был склонен ценить Рим, его величие, его традицию, его дух, слишком мало склонный к искусству и к философии, слишком практический и слишком политический; этот человек, воспевший великие традиции Рима, знал так плохо его историю, что в одной из своих од заставляет разрушить Карфаген Сципиона Африканского, которого смешивает со Сципионом Эмилианом.¹ Его возраст, его занятия, известное противоречие его жизни и удовольствий с его собственными творениями и наслаждение, получаемое им от своей поэтической работы, побуждали его жить по возможности замкнуто в деревне, далеко от Рима, от своих друзей и покровителей. Он ужасался публично читать свои стихи; он избегал всяких сношений с литературными дилетантами, грамматиками, которые были тогда профессорами и критиками; он все реже и реже гостил у своих близких друзей, и многие начинали считать его гордым, так как он считал достойными слушать его стихи только знатнейших лиц, Августа и Мecenата;² а последние, в свою очередь, сожалели, что так редко видят его, обвиняли его почти в неблагодарности.³ При таких условиях ему трудно было сделаться национальным поэтом и всецело посвятить себя задаче ободрить своей поэзией великое умственное движение, обращавшееся к прошлому. Но он не мог и оставаться бездеятельным. Ему было тогда тридцать девять лет, он был в своей полной зрелости, вызывавший удивление, достаточно состоятельный, без страха за настоящее или будущее; он многое изучил и многое видел; был свидетелем великой революции, помещался теперь как бы в центре мира и посреди течений идей, чувств, интересов, перекрещивавшихся в Риме в эту эпоху, когда такие важные вопросы тревожили умы. Несмотря на свою обычную замкнутость и свой вкус к деревенской жизни уединенного мыслителя он имел полную возможность наблюдать управлявший империей микрокосм, где зрело столько семян будущего.

Он мог обсуждать с Августом, с Агриппой и с Мecenатом бед- Оды ствия современности и средства для их излечения и следить за Горация светской хроникой высшего общества, за празднествами, скандалами, галантными авантюрами, ссорами молодых людей и куртизанок. Он присутствовал при усилиях, делавшихся для восстановления древнего культа богов, точно так же, как мог восхищаться новыми домами, которые александрийские художники украшали для властителей мира; он видел возрастание и распространение в Риме роскоши и удовольствий, поддерживавшихся египетскими

¹ Hor. Satrn., IV, VIII, 17; эти стихи хотели рассматривать как интерполированные, но я не вижу для этого оснований.

² Hor. Epist., I, XIX, 37.

³ См.: Sueton. Horatii vita; Hor. Epist., I, 7.

деньгами, в то время как повсюду слышались проклятия безграничной скупости, алчности и испорченности. В общем, у него было все, нужное великому писателю для создания великого произведения. Гораций действительно задумал великий проект: он захотел создать латинскую лирическую поэзию, столь же разнообразную по своим размерам и содержанию, как греческая лирическая поэзия; он захотел сделаться италийским Пиндаром и Анакреонтом, Алкеем и Вакхилидом, выразить во всевозможных размерах все стороны жизни, протекавшей перед его глазами. Постепенно в уме поэта образовывался шедевр, по мере того, как тысячи случайностей столь оживленной тогда римской жизни будили в нем образы, мысли, чувства и вызывали в его памяти строфы и стихи греческих поэтов; вместе с этими образами, этими мыслями, этими чувствами и воспоминаниями в нем рождалась идея короткого лирического стихотворения, которое он писал, применяя то тот, то другой греческий размер. Постепенно, одну за другой, с своей обычной медленностью и заботливостью, в промежутке между двумя путешествиями, между праздником и чтением он написал восемьдесят восемь небольших поэм трех первых книг своих «Од». Он не изливал в своих стихотворениях, подобно Катулле, потоков страсти; напротив, он обрабатывал все свои оды мысль за мыслью, образ за образом, строфа за строфой, стих за стихом, слово за словом; мотивы, мысли и образы, которым он мог подражать, он заботливо выбирал у Алкея, Сапфо, Вакхилида, Симонида, Пиндара и Анакреонта. Он много и искусно пользовался греческой мифологией. Результатом было собрание лирических стихотворений, совершенных по форме и, несмотря на разнообразие сюжетов, трактующих единственную тему, которая, хотя и косвенно, придает всем стихотворениям общее единство. Бывает, что позволяют обмануть себя внешним делением «Од», когда их читают и восхищаются ими поодиночке, как сборником разнообразных стихотворений. Но чтобы понять это наиболее изящное и наиболее законченное произведение латинской литературы, необходимо читать их все подряд, как самые длинные и серьезные, так и наиболее короткие и легкомысленные, наблюдая, как мотив одной оды соответствует или противоречит мотиву другой, и стараясь открыть невидимую нить, связывающую все их, подобно жемчужинам ожерелья. Эта идеальная нить, этот единственный сюжет, подразумеваемый во всем сочинении, есть то болезненное замешательство, в котором билась тогда римская душа, замешательство, которое поэт не перестает рассматривать в его неразрешимых противоречиях, не имея ни надежды, ни даже, как кажется, желания содействовать его разрешению.

Единство Под влиянием бесед с Августом, Агриппой и Меценатом поэт од составляет знаменитые гражданские и религиозные оды, в которых в великолепных сапфических или алкеевских строфах вызывает прошлое Рима и ту вековую традицию общественных и частных доблестей, которая в течение стольких лет воспитывала сильных граждан. Иногда в прекрасных сапфических строфах он перечисляет сперва богов и героев Греции, а потом знаменитых лиц Рима; он вспоминает Павла Эмилия,

...расточившего
Великую душу мечам Карфагена,

славу Марцеллов, мужественную смерть Катона и блеск звезды Юлиев, чтобы, наконец, порадоваться порядку, восстановленному в мире под владычеством Юпитера, представителем которого на земле является Август.¹ В другом месте он горячо удивляется аристократической доблести, которая не бывает, подобно славе честолюбцев, игрушкой народного расположения.² Вспоминая солдат Красса, женившихся на Парфии и забывших храм Весты, он оживляет в скульптурной позе простого и высокого героизма легендарного Атилия Регула.³ В благородных метафорах он вспоминает, как молодежь, «окрасившая море карфагенской кровью», получала суровое воспитание в семье, которая не была еще развращена преступной эпохой.⁴ Поэт воздвигает великолепный памятник в классическом стиле легендарному величию аристократического общества. Но на колоннах, метопах и триглицах этого памятника расположился целый ряд картин, где прославляются любовь, Вахх и пиршества. Выходя из патрицианских домов, где так сильно восхваляли прошлое, Гораций встречал веселую банду своих молодых друзей, теперь, после возвращения мира, думавших лишь о том, чтобы хорошенько воспользоваться доходами с имуществ, приобретенных в царстве Птолемеев, и любивших досуги дачной жизни, праздники, красивых женщин и развлечения. В легких строфах и наиболее изысканных греческих размерах он посылает приглашения своим друзьям; он то просит их приготовить роскошный пир, то прерывает своими комическими преувеличениями подвыпивших собеседников, прося одного из них открыть ему имя своей красавицы.⁵ Яркими красками и с чрезвычайным богатством мифологических мотивов он набрасывает маленькие эротические сценки, где господствует то сентиментальность, то чувственность, то ирония. Поэт насмешливо упрекает Лидию, что она внушила Сибарису такую страсть, что его не видит более никто из его друзей;⁶ в другом месте он блестящими образами рисует муки ревности;⁷ в третьем он грациозно приглашает Тиндариду удалиться в отдаленную сабинскую долину, где Фавн играет на своей свирели, чтобы скрыться там от каникулярных жаров и дерзкого Кира, который слишком часто обнимает ее своими сильными руками;⁸ еще в ином месте он говорит о своей любви к Гликере, что блеском и мрамор паросский затмит.⁹

Однажды, прогуливаясь безоружным в лесу с мыслью о Лалаге, он встречает волка, который убегает от него. Гораций извлекает из этого своеобразную философию: любовь одаривает человека священным огнем; влюбленный — это святой, а поэтому, что бы ни было:

Я буду Лалагу любить за сладкий смех,
За говор сладкозвучный.¹⁰

¹ Hor. Carm., I, XII, 38.

² Ibid., III, 2, v. 17 сл.

³ Ibid., III, 3.

⁴ Ibid., III, 6, v. 33 сл.

⁵ Ibid., III, 27.

⁶ Ibid., I, 8.

⁷ Ibid., I, 13.

⁸ Ibid., I, 17.

⁹ Ibid., I, 19, v. 6.

¹⁰ Ibid., I, 22, 23—24.

Перед нашими глазами быстро мелькают другие женщины и другие влюбленные. Вот Хлоя, бегущая подобно испуганной порывом ветра молодой лани;¹ молодые люди, с отчаянием стучащиеся в дверь, скрывающую от них Лидию,² влюбленный, позволяющий управлять собою жадной, хитрой и самовластной рабыне;³ молодой человек, охваченный страстью к девушке, едва достигшей возмужалости, которому поэт, употребляя запутанные метафоры, дает мудрые иронические советы, говоря, что он виноват, пожелав «зеленого винограда»;⁴ прекрасная куртизанка Барина; страх матерей, отцов и молодых жен, клятвы которой заставляют поэта улыбаться. Он с забавной торжественностью утверждает, что в любви клятвопреступление позволительно:

Тут сама Венера, кажись, смеется,
С ней простые нимфы смеются, а с ними
И Эрот, на камне точа кровавом
Жгучие стрелы.⁵

Астерия, ожидающая Гига, принужденного отсутствовать во время зимы, и позволяющая утешать себя своему соседу Энипею, составляет сюжет маленькой картинки, набросанной, как обычно с ироническими преувеличениями, из мифологии.⁶ Далее — грациозный диалог между спорящимися и взаимно возбуждающими свою ревность любовниками, кончающимися примирением.⁷ Есть также мольбы, обращенные к красавицам со слишком твердым сердцем. Поэт всегда влагает в эти мольбы легкую иронию, как в свою молитву к Меркурию, про которого он говорит, что

Смиряешь тигров ты, твой голос увлекает
Леса вослед и бег удерживает вод,

поэтому он должен также быть в состоянии приручить жестокую красавицу, которой он подробно, с умышленными преувеличениями, рассказывает историю Данаид.⁸ И он забавно оканчивает свои эротические стихотворения, сравнивая себя со старым солдатом любви, который,

не бесславно сражавшись,

сложил свое оружие в храме Венеры; но сейчас же призывает богиню, чтобы она склонила к нему Хлою.⁹ Большая часть этих сценок и лиц, без сомнения, извлечены из греческой поэзии и римских сплетен; во всяком случае, это должно было быть чуждым поэту, который применяет к себе то, что выдумывает, или то, что случилось с другими. Это более уже не личная любовная поэзия, как у Катуллы; это любовная поэзия литературная, размышляющая, которой поэт мирно занимается, сидя со своими книгами, по воле легкой и счастливой фантазии, где смешиваются чувственность и

¹ Hor. Carm., I, 23.

² Ibid., I, 25.

³ Ibid., II, 4.

⁴ Ibid., II, 5.

⁵ Ibid., II, 8.

⁶ Ibid., III, 7.

⁷ Ibid., III, 9.

⁸ Ibid., III, 11.

⁹ Ibid., III, 26.

ирония, тонкая психология и литературная виртуозность, и которая является в литературе знаком перемены, происходящей в нравах по мере того, как любовь, древняя гражданская обязанность продолжения расы в семье, сделалась бесплодным личным наслаждением, минутной чувственностью, капризом воображения, источником эстетических удовольствий и поводом к забавам и смеху.

Таким образом поэт выражал, с одной стороны, традиционную философию добродетели, а с другой — философию удовольствия, ведущую начало от греческого искусства и современных нравов. Гораций не делает никаких попыток примирить эти две различные философии; он отдается то одной, то другой, не удовлетворяясь ни одной из них. Он сознавал всю силу и величие традиции, но он понимал также, что эта великая философия обязанности более не соответствовала ни изнеженности его эпохи, ни его собственной моральной слабости, и вполне откровенно сознавался в этом. Он выразил в нескольких стихах чудной оды к богине Судьбы, имевшей свой храм в Анции, всю горькую философию истории и жизни: случай, а не доблесть, господствует над миром, и судьба — его покорная раба; люди и государства в его власти; на него должен полагаться и Август, отправляясь в отдаленные экспедиции; в нем, но без излишней доверчивости, надо видеть лекарство от современного зла.¹ Война и общественные дела были, согласно древней морали, самыми благородными занятиями, но Гораций не умеет скрыть, что они не нравятся его интеллектуальному эгоизму, и время от времени он открыто хвалит гражданскую леность; он адресует своему другу Икцию, готовящемуся уехать на войну в Аравию в надежде привезти оттуда деньги, оду, в которой удивляется, что человек, занявшийся науками и «обнадеживший ученою заслугой», снова отправляется на войну.² В прекрасной сапфической оде, адресованной Криспу Саллюстию, племяннику историка, он выражает стоическую идею, конечно, очень благородную, но совершенно антиримскую, по которой истинное величие человека, единственное, на которое он может рассчитывать, состоит в его власти не над материальными вещами, а над своими собственными страстями.³ Таким образом, интеллектуальный эгоизм приводит Горация к изменению одного из основных принципов древней римской морали — культа простоты. Гораций порицает роскошь, скупость, жадность и царские постройки, отнимающие земли, нужные земледельцам;⁴ он признает скифов, возящих свои дома на повозках, и гетов, не знающих земельной собственности, мудрее римлян.⁵ Но, восхваляя простоту, он приходит к учению о политическом нигилизме, подобном нигилизму Тибулла: не богатства, не почести, не магистратуры, не политические волнения делают жизнь совершенной, а здоровье и вместе с ним знание. В своей молитве к Аполлону поэт говорит:

...Моя... снедь — оливы,
Цикорий да салат.

Дай, сын Латоны, тем, что есть, мне наслаждаться,

¹ Hor. Carm., III, 35.

² Ibid., I, 29.

³ Ibid., II, 2.

⁴ Ibid., II, 15.

⁵ Ibid., III, 24, v. 9.

Но с тем, молю, чтоб дух безвредно сохранить,
 Благообразные преклонности дожидаться
 Да цитры не забыть.¹

Он идет далее и, совершенно разрывая с римскими традициями, заявляет в некоторых одах, что цель жизни — физическое наслаждение; он советует спешить пить и любить, ибо это два реальных наслаждения жизни; он отдается изнеженному эпикуризму, от которого, однако, по временам его отвращает религиозная совесть.

Религия
 Горация Но даже в своей религии поэт остается неопределенным и полным противоречий. Иногда, уступая, без сомнения, движению в пользу восстановления древней национальной религии, он заявляет, что уже слишком много плывал по морям философии и хочет теперь повернуть свой парус назад; он описывает национального *Diespiter*'а на древний лад, как бога, прорезывающего тучи своею молнией и поражающего громовыми ударами человеческий род.² Но он слишком восхищается и любит артистическую религию наслаждения и красоты, созданную греками, и почти всегда призывает, описывает и заставляет действовать богов эллинского Олимпа, изображая их под видами и в положениях, приданных им скульптурой и живописью, со значением и функциями, какие они имели в греческой мифологии. Трудно сказать, какие боги, по мнению Горация, в действительности управляют миром. Он говорит о суровых, безличных и почти бесформенных богах доброго старого времени, которые осыпали Италию бедствиями потому, что их храмы приходят в запустение. Он призывает символы Стыда (*Pudor*), Справедливости (*Justitia*), Верности (*Fides*) и Истины (*Veritas*), столь дорогие древним римлянам, в стихах, написанных на смерть Квинтилия Вара, где чувство дружбы выражено с такой нежностью.³ Это гомеровский Гермес, который спас поэта в битве при Филиппах, окутав его тучей.⁴ Это бог Фавн, которого он призывает в прекрасной буколической картинке в декабрьские ноны, чтобы он покровительствовал его поместью.⁵ Это те бесчисленные божества, которых греческий политеизм рассеял в самых скрытых уголках природы и которые Гораций видел даже в «ключе Бандузия, прозрачнее кристалла».⁶ Нельзя сказать, являются ли верования Горация моральной религией или религией эстетической. Иногда, в своих гражданских стихотворениях, он призывает богов как верховных руководителей и управителей мира, но в других стихотворениях он приписывает им все человеческие поступки и действия, потому что они прекрасны и дают ему случай написать великолепные строфы.

Теория
 жизни
 Горация Так как его политическое и нравственное представления о жизни были противоречивы, а его религиозное мировоззрение неопределенно, то какую определенную цель могла иметь для Горация жизнь? Это были не общественные и частные доблести, к которым он чувствовал себя неспособным и к которым он не считал способными

¹ Hor. Carm., I, 31, v. 15 сл.

² Ibid., I, 34, 5.

³ Ibid., I, 24, 6.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., III, 18.

⁶ Ibid., III, 13.

и своих современников; это не было физическое или умственное наслаждение, которое, как он прекрасно понимал, разрушило бы мир, если бы его приняли как конечную цель всех человеческих усилий; это не было также соединение обязанности и наслаждения, ибо он не видел, как можно было бы разделить то и другое; это не была рабская покорность воле богов, которые были теперь слишком многочисленны, слишком отличны друг от друга и плохо согласовались друг с другом. Естественным результатом такой неопределенности было появление на горизонте этой обширной нравственной пустоты призрака, отбрасывающего свою тень на все эпохи, малоуверенные в самих себе, — страха смерти. Когда человеку не удастся убедиться, что жизнь направляется к идеальной цели, которой ни один человек, сам по себе и предоставленный своим силам, никогда не будет в состоянии достигнуть; когда самый факт жизни представляется как единственная цель жизни, тогда конец беспокойного существования смущает и печалит. Он глубоко смущал Горация, и мысли о смерти никогда не оставляли его. Стихотворения, написанные им в память своих умерших друзей, как раз те, где всего больше чувства и искренности. Мы торопимся жить, время проходит, смерть не щадит никого, она ожидает всех нас, все должно исчезнуть в небытии.

Увы! Мимолетно, Постумий, Постумий,
Прносятся годы...¹

Эти мысли повторяются, принимая самые различные и самые удивительные формы, странно перемешанные с радостными и сладострастными темами и распространяют на все его стихотворения беспредельную и трогательную печаль.

Это странное собрание стихотворений, идеальное единство кото- Оды как
рых состоит как раз из противоречий их составных частей. Если отражение
понять эту поэму, понятны будут и колебания в политике Августа. эпохи
Никто лучше Горация не доходил до дна глубокой нравственной Августу
бездны, на которой возвышается гигантское здание империи. Кто,
в самом деле, мог осмелиться на великие дела, когда вся нация
была погружена в такое великое противоречие? Как мужественно
работать с такими изношенными орудиями? Было бы слишком просто
видеть, как делают некоторые историки, во всем деле Августа только
«политическую комедию», предназначенную скрывать монархию под
республиканскими формами. Было истинной трагедией примирить
милитаризм древней Италии с культурой эллинизированной Азии,
в особенности с тех пор, как завоевание Египта сделало оба этих
элемента более непримиримыми, чем когда-либо.

¹ Hor. Carm., II, 14.

III

Религиозное возрождение и «Энеида»

Беспорядок и смятение.— Основание Augustae Praetoriae Salassorum.— Посольства в Риме.— Новый поворот общественного настроения.— Прогресс пуританского движения.— «Энеида».— Основная концепция «Энеиды».— Главный герой поэмы.— Подземное царство «Энеиды».— Гораций и Вергилий.— Запутанное положение на Востоке.— Марцелл и Тиберий.— Занятия Августа в Риме.— Экспедиция в Йемен.— Болезнь Августа.— Антоний Муза и римские врачи.

Экспедиции Правительство, восстановленное в 27 г., в 25 г. начало уже дезорганизовываться. В Риме в этот год не нашли достаточного числа кандидатов для занятия двенадцати вакантных квесторских мест,¹ и если Агриппа освятил Пантеон,² то все общественные работы, от дорог до раздачи хлеба, продолжали функционировать так же плохо, как и раньше; новая магистратура префектов aegarii Saturni не давала никакого удовлетворительного результата.³ В провинциях правители в общем так мало занимались ревностным выполнением своих обязанностей, что Августу вскоре пришлось поручить наблюдение за всеми ими. Напрасно в момент восстановления республики им назначили жалованье для возбуждения их усердия: большинство взяло деньги, но не обременило себя никакими трудами. Точно так же сенат употребил возвращенный ему авторитет, чтобы погрузиться в сон. Члены его не являлись на заседания; прения не имели никакого значения и интереса; предпочитали оставить Августу заботу принимать все решения, ограничиваясь только их одобрением.⁴ Но Август, бывший далеко, в Испании, напротив, хотел заниматься только финансами и, молча, почти тайком, продолжал свои экспедиции, целью которых было доставить империи драгоценные металлы. Весной этого года⁵ один офицер префекта Египта, Элий

¹ Dio, LIII, 28.

² Ibid, 27.

³ Мы увидим, что в 22 г. Август предложил новую реформу этой магистратуры; это доказывает, что произведенные реформы не дали хорошего результата.

⁴ Мы увидим, что в последующие годы были производимы многочисленные реформы сената, целью которых было пробудить сенаторов от их апатии.

⁵ Мне кажется несомненным, что Элий Галл начал свою экспедицию в конце весны 25 г. до Р. X. Иосиф (А. I., XV, IX, 3) говорит нам, что экспедиция происходила в тринадцатом году царствования Ирода, т. е. между весной 25 и весной 24 г. Страбон (XVII, 1, 54) говорит, что, когда Галл был в Аравии, эфиопы вторглись в Египет, что Петроний двинулся, чтобы отразить их, и что он послал тысячу пленников Августу: νεωστὶ ἐκ Καυτάρφων ἤκουσι. А мы увидим, что Август вернулся в Рим

Галл, высадил в порт Красного моря десять тысяч солдат и отряд, присланный иудейским царем, чтобы попробовать произвести за счет египетского казначейства экспедицию в Йемен. Август решился на эту экспедицию, думая, что можно рассчитывать на помощь набатейцев, живших на границе с Сирией и признававших римский протекторат.

Немного позднее, около половины 25 г., война против контабров и астурийцев, по-видимому, была окончена и золотые рудники завоеваны. В тот же самый год Мурена удачно окончил свою экспедицию в долину салассов, употребив, впрочем, бесчестный способ, чтобы захватить и обратить в рабство способную к войне часть населения;¹ потом он начал постройку римской колонии Августа Претория, современной Аосты. Наконец, в этом же году, вероятно, в последних месяцах, Август по декрету сената наложил на альпийское население Галлии, Далмации и Паннонии новые подати, план которых составил Ликий и между которыми были, без сомнения, поземельный налог и, по крайней мере для Галлии, знаменитая *quadrage Galliarum*, пошлина в 2,5% на все ввезенные товары. Но если эти мелкие военные экспедиции и незначительные фискальные реформы заставили пасть на Италию столь желанный золотой дождь, то они не могли вызвать в ней энтузиазм и напоить ее до такой степени, чтобы уничтожить в ней то неясное беспокойство, которое происходит от внутреннего беспорядка. Теперь, когда по окончании гражданской войны повсюду вновь начали бояться Рима в лице его нового главы, со всех сторон стали приходить послы. Жившие в степях южной России скифы отправили посольство к Августу в Испанию, и послы индийского царя также дошли до Испании, чтобы засвидетельствовать свое почтение преемнику Птолемею в управлении Египтом, с которым жители Индии вели значительную торговлю.² Все эти знаки почтения сильно льстили национальной гордости Италии, но их было недостаточно, чтобы успокоить народное недовольство.

в первой половине 24 г. Следовательно, зимой 25/24 г. Петроний возвратился в Александрию после своего похода против эфиопов, бывшего, таким образом, осенью 25 г. Поэтому осенью 25 г. Элий Галл был уже за пределами Египта. Но Страбон (XVI, IV, 24) говорит нам, что Элий Галл, прибыв в Левкокому, должен был провести там лето и зиму для лечения своих больных солдат. Дело идет о лете и зиме 25 г., так как осенью 25 г. он был, как мы уже видели, вне Египта. Следовательно, он отправился в конце весны, как говорит Иосиф со своей обычной точностью. Последнее доказательство этого мы имеем у Диона, который (LIII, 29) рассказывает нам историю экспедиции 24 г. Рассказ Страбона действительно указывает нам, что наиболее важная часть экспедиции происходила в 24 г. Проведя зиму 25/24 г. в Левкокоме в заботах о своих больных солдатах, Галл выступил в поход в начале весны 24 г.; ему нужно было шесть месяцев для наступления и два месяца для возвращения (Strabo, XVI, XIV, 24), поэтому он возвратился около конца 24 г., и, следовательно, в этом году и была его настоящая экспедиция.

¹ Strabo, IV, VI, 7; Sueton. Aug., 21; Dio, LIII, 25.— По мнению Белоха, невозможно, чтобы Варрон взял 36 000 пленных, и действительно, можно спросить себя, могла ли современная долина Аосты кормить некогда, по крайней мере в нормальное время, столь многочисленное население. Однако нужно заметить, что с давних пор эта долина сделалась убежищем эмигрантов, живших разбоем и грабежом, и, таким образом, там могло находиться население более многочисленное, чем обыкновенно.

² St. Hieron., ad ann. Abraham. 1992 (25 до Р. X.): Augustus Calabriam (sic) et Gallos vestigales facit; Chron. Pasch., I, 365 (Bonn): Αὐγουστος Καίσαρ Καλαβρίαν καὶ Γαλιτάς βλοφόροις ἐποίησεν; G. Syncellus, I, 592 (Bonn): Αὐγουστος Γαλαταῖς φόρους ἔθετο. Мне кажется несомненным, что Галатаи, о которых идет речь, означают транс-

Состояние Нация начинала понимать, что восстановление республики, общест- встреченное несколько лет тому назад энтузиазмом и надеждами, венного было только необходимым, но обманчивым средством. Ужасы по- мнениа следней революции вызвали реакцию, возвратившую силу и влия- ние исторической аристократии, но последняя была слишком раз- дражена, слишком обеднела, слишком упала духом вследствие ужасных событий последних двадцати лет, слишком ослабела от того нового духа наслаждения, эгоизма и лени, распространению которого в римском обществе столь содействовало завоевание Егип- та и который Тибулл выражал в своих жалобных и нежных элегиях. Даже с помощью наиболее умных, наиболее сильных и наиболее богатых людей революционной партии аристократия была неспособна поддержать падающую империю. Почти вся знать ду- мала только о приятном времяпрепровождении. Одни подражали Меценату, женившемуся на хорошеенькой Теренции и удаливше- муся в частную жизнь. Другие более думали о своем обогащении, чем о занятиях общественными делами. Иные, подобно Поллиону и Мессале, отдались литературе и писали историю гражданских войн или свои мемуары, делая из Рима большую литературную фабрику. Но если при всеобщей растерянности всех политических сил аристократия была не способна управлять, она все же нашла в себе достаточно силы, чтобы препятствовать организации прави- тельства, несогласного с ее преубеждениями и ее гордостью, в котором почести и выгоды власти принадлежали бы другим классам.

альпийских галлов, а не малоазиатских галатов. Бл. Иероним действительно говорит Gallos, а не Galatas, и это очень важный аргумент; Perrot (*De Galatia provincia Romana, Lutetiae Parisiorum*, 1867, 34—35) доказал, что с первого века империи латинские писатели называют европейских галлов Galli, а азиатских — Galatae. Но окончательно этот аргумент подтверждается самим бл. Иеронимом и Синкеллом, которые отличают эту подать, наложенную на галлов, от обращения Галатии в римскую провинцию, что произошло на следующий год. Несколько ниже мы читаем: St. Hieron., ad ann. Abrah., 1993: M. Lollius Galatiam romanam provinciam fecit; Syncellus, I, 592 (Вопн): Ἀλλῶς Μάρκος Ρωμαίους Γαλατίαν ἐλεκτίσαστο. Пасхальная хроника не говорит об обращении Галатии в провинцию. Мне поэтому кажется очевидным, что галлы, на которых, по словам бл. Иеронима, была наложена подать в 25 г., — иной народ, а не галаты, сделанные римскими подданными в следующем году, и что это два совершенно различных события: в первом случае налагают подать на уже покоренный народ, во втором обращают союзный народ в своих подданных. Первая операция — фискальная, вторая — политическая. Кроме того, бл. Иероним и Пасхальная хроника упоминают вместе с этим народом, на который была наложена в 25 г. подать, еще другой народ: Calabres. Это очевидная ошибка, так как Калабрия составляла часть Италии, но она также показывает нам, что дело идет здесь о финансовой операции, не имевшей ничего общего с присоединением азиатской Га- латии, бывшим совершенно изолированным актом. В эти годы к империи были присоединены только одни галаты, и никто другой. Но что же это за народ, на который наложили подать одновременно с галлами? На этот счет мы можем делать только предположения и полагать, например, что нужно читать: Dalmatas. В эту эпоху на Далмацию были, по-видимому, наложены тяжелые подати, потому что она, утомленная столь большой тяжестью, возмущалась через несколько лет. Наконец, если обратить внимание, что, как мы сказали в примечании на с. 345, единственным возможным объяснением путешествия Августа в Галлию в 27 г. и назначенной им тогда переписи является его проект увеличить налоги в Галлии, то делается очевидным, что несколько слов бл. Иеронима сохраняют нам дату и воспоминание об этом событии римской фискальной истории, которое должно было иметь столь важные последствия для истории мира. Очевидно, сами древние сознавали его важность, ибо память о нем была так прочна, что бл. Иероним отметил его в своей хронологии. Я предполагаю, что в то же время увеличили налоги, недавно наложенные на паннонцев и альпийские народности, которые скоро восстали по этой причине.

Народная партия сошла со сцены; ее, можно сказать, более не существовало; небольшое число сенаторов, в том числе Эгнаций Руф, Мурена и Фанний Цепион, тщетно пытались пробудить к жизни ее остатки.¹ Хотя во главе государства был сын Цезаря, великие вожди консервативной партии: Брут, Кассий, а в особенности Помпей сделались предметами общего поклонения до такой степени, что Титий, офицер Антония, убивший Секста Помпея, будучи однажды узнан на спектакле в театре Помпея, был изгнан публикой.² И этот новый престиж аристократии был так велик в общественном мнении, что, чтобы не затронуть его, Августу пришлось оставить в беспорядке государственное управление. Он дошел даже до того, что упрекал Руфа за спасение от огня жилищ бедняков без позволения знати и довольствовался советами эдилам исполнять свои обязанности с большей ревностью.³ Но кто захотел бы теперь беспокоиться об этом, раз Руф исполнением своих обязанностей с чрезмерным усердием навлек на себя ненависть аристократии, снова сделавшейся могущественной, а сам Август не осмелился защитить его? Положение было бессмысленным, но как было его изменить? Август ограничился тем, что пока примирился с ним, чтобы не делать задачу римской администрации еще более трудной. Так как нужно было, наконец, урегулировать положение Мавритании, уже шесть лет бывшей без царя, он в этом году предложил сенату не образовывать из нее провинцию, а отдать ее нумидийскому царю Юбе, который должен был сделаться царем Мавритании и жениться на Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры.⁴

Разочарование и обманутые ожидания вызвали волнение по всей Италии. Дело шло, однако, не о том, чтобы образовать оппозицию правительству, ибо народная партия совершенно и не могла возродиться. Жалобы и недовольство народа ускорили теперь движение в пользу моральной и социальной реформы, к которой дала повод последняя революция и требование которой мало-помалу распространилось на все государство, по мере того как опыт открывал даже самым тупым умам смысл вопроса, поставленного Горацием:

...к чему все наши стоны,
И там, где нравственности нет,
Что пользы принесут напрасные законы?⁵

¹ Обычное представление, что при Августе не было более политических волнений, ошибочно. Эпизоды с Руфом, Фаннием и Цепионом, о которых мы уже говорили или еще скажем, показывают, что были лица, пытавшиеся окольными средствами отнять господство над комициями у знати и самого Августа. Эти люди должны были, по моему мнению, стараться оживить популярную традицию, и, высказывая это, я опираюсь и на общее соображение, и на факт; последний состоит в том, что, как можно видеть из Веллея Патеркула, аристократия сильно противилась этим движениям, общее же соображение то, что восстановление республики должно было возвратить известную силу демократической традиции.

² Velleius Paterculus, II, LXXIX, 6.

³ Dio, LII, 24.

⁴ Ibid., LIII, 26; Strabo, XVII, III, 7.— По поводу этих двух противоречивых текстов и связанных с ними вопросов см.: Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides, vol. II, 363, прим. 1.— Однако указание Диона (LI, 15) заставляет нас думать, что брак произошел в 30 г. до Р. X.

⁵ Hor. Carm., III, 21, 34 сл.

Все понимали, что восстановление республики бесполезно, если не возвратятся также к старым республиканским нравам. Поэтому повсюду искали средств против всеобщей испорченности. В высших классах под влиянием греческих мыслителей многого ожидали от занятий моральной философией. Материалистический и атеистический эпикуризм быстро терял популярность, которой пользовался в эпоху Цезаря; общество все более и более предпочитало доктрины, которые, подобно стоицизму, выражали более строгую мораль,— доктрины, старавшиеся эксплуатировать потустороннюю тайну, столь темную тогда и столь беспредельную как в народных верованиях, так и в философских теориях, доктрины, которые требовали, чтобы справедливость, столь несовершенная в этой жизни, господствовала бы после смерти. Таков был пифагоризм, или, точнее, некоторые учения, приписываемые сказочному философу, в которых идеи различных школ смешивались с народными мифами и верованиями и образовывали систему морали, усвоенную народными массами.

Божественное дыхание, «душа мира», так говорило это поэтическое учение, проникает все и оживляет вселенную. Души людей, так же как и всё, что живет и дышит, суть частицы этой мировой души; но, входя в тела и соединяясь с ними, они теряют часть своей божественной сущности, и даже смерть, освобождая их от тела, не может тотчас же их всецело очистить: после смерти нужно еще тысячелетнее очищение для того, чтобы душа вновь обрела непорочную чистоту своего происхождения; и по истечении этой тысячи лет, когда душа опять становится самой собой, Бог погружает ее в реку Лету, чтобы заставить ее забыть прошлое и снова послать на землю ожить в другом теле. Колесо жизни вечно таким образом кружится вокруг себя, и души в этой временной телесной темнице — «мрачной темнице, препятствующей видеть небо, откуда они нисходят», — должны стараться путем добродетельной жизни сделаться насколько можно достойными своей божественной природы.¹

Этими и другими подобными идеями, смешанными со стоическими доктринами, воспользовались Сексты, отец и сын, для основания в Риме секты и открытия там, так сказать, практической школы добродетели, где не довольствовались обучением, но где практиковались в самых трудных добродетелях: умеренности, воздержании, искренности и простоте жизни вплоть до вегетарианства.² Школа эта имела тогда большой успех.³ В то время как большинство людей отдавалось роскоши и разврату, другие испытывали потребность в воздержанной, целомудренной и суровой жизни; ученики собирались со всех сторон. Особенный шум произвело обращение Луция Крассиция. Крассиций был вольноотпущенник, очень известный как ученый и профессор; в числе учеников его был Юлий Антоний, сын Антония и Фульвии.

Трудность реформы Но идея реформировать нравы путем философии была доступна только немногим умам, подготовленным к ней своими занятиями и своим чтением. В этой крепкой, но грубой нации солдат, политиков,

¹ Boissier. La Religion romaine d'Auguste aux Antonius, Paris, 1892, vol. I, 295.

² Seneca. Epist., LXXIII, 15; CVIII, 17.

³ Seneca. Nat quæst., VII, XXXII, 2: Sextiorum nova... secta... cum magno impetu coepisset.

купцов, юристов, земледельцев, домогавшихся и осуществлявших до тех пор свою власть только над материей, большинство людей, даже когда речь шла о реформе нравов, умело рассчитывать только на материальные силы и на политические средства. Республику должны были возродить не фантазии философов и моральных проповедников, а законы, магистраты, угрозы, наказания. Так как знать пренебрегала своими обязанностями, расточала свои состояния, предпочитала распутство магистратурам и любовь — войне, то нужно суровыми законами принудить ее к исполнению своих обязанностей; нужно возобновить древние магистратуры, наблюдавшие за нравами высших классов; нужно восстановить строгую и беспристрастную юстицию. Особенно упорно требовали выбора цензоров.¹ Великое пуританское движение, желавшее искоренить в Риме новыми законами и наказаниями все пороки, внесенные туда богатством: бестыдство жен, продажную угодливость мужей, безбрачие, роскошь, лихоимство, — особенно развилось в средних классах, между небогатыми сенаторами и всадниками, между писателями, вольноотпущенниками, ремесленниками. Идеи и чувства, воспитываемые в массах этим движением, были очень многочисленны и очень разнообразны. На первом плане была искренняя патриотическая заботливость. Многие спрашивали себя, что случится с Римом, если знать не окажется вновь достойной своего величия, как была достойна ранее. Когда благородная матрона за деньги становилась любовницей вольноотпущенника, иностранца, богатого плебея, многие видели в этом оскорбление, нанесенное достоинству Рима, и позорное пятно, брошенное на его славное прошлое. Желали также, чтобы управление провинциями сделалось более справедливым и более гуманным; потому ли, что стало распространяться учение Цицерона об управлении подвластными народами и что чувства сделались менее суровыми; или потому, что начали понимать, что, ослабевая, Рим должен быть более справедливым. Существовала также сила традиции. В продолжение веков традиционная мораль внедряла в римлян простоту, семейные добродетели, целомудрие, и нужны были столетия, чтобы изгладить то, что было внушено веками. Была, наконец, нужно и в этом сознаться, зависть средних классов, уже достаточно развращенных, чтобы желать наслаждений богатых классов, но слишком бедных, чтобы пользоваться ими. Если римские ремесленники и предприниматели восхищались новой роскошью богачей, позволявшей им зарабатывать много денег, то мелкие собственники Италии, интеллигенция, бедные сенаторы и всадники бесились при виде того, что несколько привилегированных лиц по своей фантазии устремляются в поля наслаждений и порока, между тем как они принуждены идти все прямо по узкой тропинке добродетели между непроходимыми изгородами бедности. То же самое недовольство, которое так раздражило общественное мнение против Корнелия Галла, побуждало теперь массы не бросаться на отдельного человека,

¹ Без общественного движения, подобного предполагаемому мной здесь, нельзя было бы объяснить, как в 22 г., когда происходили беспорядки вследствие голода, Август неожиданно приказал назначить цензоров и как, когда последние не исполнили свою обязанность, он сам стал на их место. Следующая глава даст объяснения этому. Но это внезапное назначение цензоров можно объяснить, только предполагая предшествующую стагнацию.

а сурово судить о современных нравах, преувеличивать испорченность высших классов, требовать законов, которые затруднили бы или сделали опасными для богачей наслаждения, недоступные беднякам вследствие их бедности,— законов, которые наказывали бы прелюбодеяние, ограничивали бы роскошь, принуждали бы правителей умеренно и справедливо пользоваться своей властью и навязывали бы всем один и тот же однообразный и скромный идеал добродетели.

«Энеида»
Вергилия

Пуританизм, волна которого возрастала, нес в себе много разнообразных элементов: элементы злобы и зависти и элементы благородных и спасительных чувств, как-то: уважение к традиции, являющееся для народа тем же, чем семейное чувство для индивидуума; элементарное чувство добра и зла, врожденное всякому здоровому духу, не ослепленному страстью или выгодой, и, наконец, искреннее предубеждение против социальной распущенности как неизбежного результата безграничного эгоизма и грубой силы. Этим объясняется то, что у пуританского движения были искренние и горячие защитники даже среди привилегированной олигархии, на которую было направлено движение, и что одним из них был Тиберий, пасынок Августа. Рожденный в знатной фамилии и воспитанный Ливией, римской патрицианкой старого закала, он при соприкосновении с этим общим движением умов проникся уважением к древней римской знати и старался подражать всем доблестям, которые правильно или ошибочно ей приписывали. Понятно поэтому, что великий поэт, подобный Вергилию, почерпнул в этом потоке идей и чувств сюжет великой поэмы. Поклонник греческой литературы, но непреодолимо увлеченный господствующими предубеждениями общественного настроения, Вергилий задумал дать Италии великую национальную поэму, которая одновременно должна быть «Илиадой» и «Одиссеей» латинян и поэмой их морального и религиозного возрождения; соединить в содержании и в форме все, что было наиболее чистого в греческом гении, народные верования и философские доктрины, религию и войну, искусство и мораль, традиционный дух и империалистическое чувство. Но для выполнения этого огромного плана нужно было могущественное усилие воображения и гигантская работа. Август из Испании часто спрашивал у Вергилия известий об его поэме, шутливо требуя присылки ему каких-нибудь отрывков. Вергилий неизменно отвечал, что он ничего еще не окончил, что было бы достойно быть им прочитанным, что он по временам чувствует себя устранным величием предпринятой задачи, ибо она, кажется, растет по мере того, как он двигается вперед.¹ Это были, однако, только временное уныние и проходящая усталость; ибо слабый поэт обладал упорством, которого не хватало непостоянному Горацию, и скоро с новыми силами возвращался к своей гигантской задаче, между тем как Гораций пропускал месяцы, чтобы окончить какое-нибудь стихотворение в тридцать или сорок стихов.

Легенда
об Энее

Уже несколько столетий, с того времени как Рим и Восток стали иметь более частые соприкосновения, греческие ученые старались привязать к легенде троянского цикла об Энее и его путешествиях после падения Трои наиболее знаменитые легенды Лация, особенно

¹ Macrob. Sat., I, XXIV, 2; Donatus, 61, 14R.

легенды об основании Рима, чтобы установить род мифического родства между латинянами и греками. Принятая римским сенатом, который неоднократно пользовался ею для своей восточной политики, легенда об Энее постепенно разветвилась; многие знатные римские фамилии, в том числе gens Iulia, относили свое происхождение к легендарным спутникам Энея; основная легенда и вышедшие из нее второстепенные так прочно вошли в мифическую традицию доисторического Рима, что никто не осмеливался более касаться их. Тит Ливий сам дает понять в своем предисловии, что он считает эти легенды баснями, но объявляет, что намерен их рассказать без критики из почтения к их древности. И действительно, он начинает свою историю рассказом о прибытии Энея в Италию, о его союзе с Латинцем, браке с его дочерью, основании Лавиния и о войне, начатой царем рутулов Турном и царем этрусков Мезентием; он перечисляет затем длинное потомство Энея, города и колонии, основанные его сыном, его внуками и потомками вплоть до Ромула и Рэма. Легко поэтому понять, почему Вергилий выбрал своим сюжетом эту легенду.

Но он не ограничивается ее передачей в том виде, какой ей придана традиция; он изменяет ее, распространяет, пользуется ею, чтобы выразить под литературными формами, заимствованными из греческих источников, великую национальную идею своей эпохи — идею, что религия была основой политического и военного величия Рима; идею, что историческая роль Рима была — соединить вместе Восток и Запад, взяв у Востока священные обряды и верования, а у Запада политическую мудрость и воинскую доблесть, что Рим должен быть одновременно столицей империи и священным городом. В шести первых книгах Вергилий предполагал составить поэму о приключениях и путешествиях в подражание «Одиссее», рассказав о странствованиях Энея с той роковой ночи, когда была сожжена Троя, до прибытия его в Италию. В шести последних книгах он хотел, напротив, написать небольшую «Илиаду», рассказывая о войнах, вестенных Энеем в Италии, вплоть до смерти царя Турна. Но в новой «Илиаде», как и в новой «Одиссее», Эней не должен был быть человеческим героем гомеровских поэм, насильственным или хитрым, смелым или благоразумным, наивным или лживым, которого боги любят и защищают из любви к нему. Он должен быть символическим лицом, своего рода религиозным героем, которому боги, или по крайней мере часть богов, доверили миссию отнести воинственной расе Лация культ, который сделает Рим владыкой мира и которому боги покровительствуют вследствие своих отдаленных видов на историческую судьбу народов.¹ Он идет поэтому в свое путешествие, полное приключений, *pietate insignis et armis*,² почти как лунатик; не борясь, подобно гомеровским героям, со всей энергией своего духа против угрожающих ему опасностей, даже не заботясь о цели своего долгого странствования, а позволяя вести себя божественной воле, высшему закону всех вещей. Истинные протагонисты этой

¹ Гастон Буассье первый указал, что «Энеида» — религиозная поэма. На последующих страницах я только резюмирую его длинный великолепный и окончательный анализ поэмы Вергилия. См.: G. Boissier. La Religion romaine d'Auguste aux Antonius, 1892, t. I, 221 сл.

² Virg. Aen., IV, 403.

драмы не люди, а боги. Вергилий хочет, чтобы их любили и боялись, и дает им ту красоту, одновременно торжественную и грациозную, которую изобрела для них греческая мифология; он беспрестанно заставляет их, как бы для доказательства своего мужества, противоречить законам природы, а местами также законам справедливости и разума. Они толкают Энея в самые ужасные опасности и спасают его самыми неожиданными чудесами. Они влюбляют Энея в Дидону, а потом принуждают покинуть ее просто потому, что это необходимо для славы Рима, который должен возвыситься на развалинах Карфагена. Они ведут Энея в Италию и дают ему там жену, царство и отечество, вопреки всякой справедливости и вероятности. Не хитростью ли он является в Лаций? Не обещана ли уже была Лавиния Турну? Вокруг Эвандра и Турна поэт представил в красивой картине первобытную простоту древних латинских нравов, которыми столь восхищались, по крайней мере в литературе, его развращенные современники. По сравнению с латинянами фригийцы Энея есть не что другое, как восточные люди без энергии и характера. И, однако, это не мешает Энею отнять у Турна с помощью богов его царство и его невесту и победить со своими слабыми фригийцами мужественных латинян. Он приносит в Лаций «священные вещи» (*sacra*), в которых нуждается Лаций, ибо он должен будет завоевать мир, сражаясь и молясь, и этого достаточно, чтобы оправдать исход войны, ее возмутительную несправедливость и ее невероятие.

Благочестивый Эней Таким образом, Эней даже посреди величайших опасностей заботится только о том, чтобы знать таинственную волю богов и соблюдать как в самых печальных, так и в самых радостных случаях религиозные обряды, которые он приносит новой нации. Он беспрестанно вопрошает оракулов, подслушивает шорох листьев и внимательно следит за полетом птиц и светилами; он никогда не перестает всматриваться в неизмеримую окружающую его тайну через узкие окна авгурского знания. Посреди пожара Трои он думает о спасении вечного огня Весты, который будет вечно гореть в маленькой долине, расположенной у подошвы Палатина и Капитолия; в самый момент выхода своего из Трои вместе с отцом он, после того как сражался всю ночь, вспоминает, что, запятнанный кровью, он не может коснуться пенатов, и просит отца взять их; с утра до вечера, во всех опасностях, во всех обстоятельствах, печальных или радостных, он всегда молится, молится беспрестанно, с опасностью наскучить если не богам, то, по крайней мере, читателям. Но поэт таким образом имел удобный случай описать подробно, с археологической и богословской точностью, все церемонии латинского ритуала, даже те, которые уже давно вышли из употребления. Наконец, повинувшись богам, Эней не колебался отправиться по пути, начертанному народными легендами, и спуститься в преисподнюю, одновременно наполненную мифологическими чудовищами и озаренную пифагорейской философией, чтобы отыскать там не существующую на земле справедливость и узнать будущее. Старая итальянская легенда, осмеянная Лукрецием, помещала ворота в преисподнюю в гроте Авернского озера возле Неаполя. Вергилий, хотя был учеником Сирана, принимает эту поэтическую легенду, таким образом почти совершенно отрываясь от эпикуризма, который исповедовал в ранней юности, и заставляет Энея войти в ад в сопровождении кумской сивиллы через эти ворота. Земля стонет, горы колеблются, собаки

воют, и Эней по своей подземной дороге, как в лесу в безлунную ночь, приходит к преддверию ада, где в ветвях огромного ветвистого вяза обитают сны и где латинские олицетворения зла находятся рядом с чудовищами греческой легенды: Угрызения совести рядом с кентаврами, бледные Болезни и печальная Старость рядом с химерой и горгонами; Страх, Голод, Бедность рядом с Лернейской гидрой и гарпиями. Перейдя порог ада, Эней приходит к одному из популярнейших лиц античной мифологии — Харону, грубому перевозчику через Стикс, который перевозит на ту сторону только тех, кто погребен. Сивилла дает перевозчику необходимые объяснения; потом Эней, перевезенный через Стикс, оказывается перед судьей Миносом и видит вокруг него первых обитателей ада: жертвы случая, люди, жизнь которых была разбита не по их вине, а по несчастным обстоятельствам; тех, кто умер еще в детстве; воинов, убитых в сражениях; самоубийц; невинно осужденных на смерть и казненных. Они находятся там ни в печальном, ни в радостном положении; они избавлены от мучений, но страдают, сожалея о жизни, которой они так мало наслаждались. Далее Эней видит «поля плача», где блуждают души тех, кто был жертвой любовной страсти. Потом дорога раздваивается. Налево она ведет в Тартар, куда не может войти ни один справедливый человек. Эней поэтому может только через открытые ворота видеть яркое пламя и слышать издали отчаянные крики, лязг железа и цепей; но сивилла подробно описывает ему то, что он не может видеть: мрачную темницу, где ужасные наказания карают преступления и порок, которые пуританское движение хотело в этот момент искоренить в Риме. Там находятся: братья-враги, неблагодарные сыновья, обокравшие своих клиентов патроны, неверные вольноотпущенники, прелюбодои, развратники, изменники, поднимавшие оружие против своего отечества, подкупные магистраты. Наказания вечны и так жестоки, что сивилла отказывается их описать. Потом Эней и его руководительница спешат к счастливым рощам и блаженным жилищам Елисейских полей, где Эней находит своего отца Анхиза. Последний открывает ему будущее Рима и объясняет пифагорейское учение о душе и теле, об осквернении и очищении, о забвении и возрождении:

Небо и землю, и моря широкого светлое лоно,
Лунный сияющий круг и могучее солнца светило
Дух оживляет один...

Прекрасные стихи и возвышенные идеи, которые, однако, образуют довольно странный философский и идеальный покров, наброшенный на грубый ад народных легенд, полный чудовищ и казней.

Гораций был могущественный, но уединенный ум, который умел Сравнение стать вне событий на расстоянии, необходимом, чтобы судить о них; Горация с Горация с Вергилием индифферентный и почти чуждый Риму, Италии, ее прошлому и настоящему, он рассматривает, анализирует и устанавливает тысячи противоречивых феноменов того чудесного момента, когда процветал его гений. Вергилий — великая общительная душа, чувством, воображением, знанием, эрудицией входящая в соприкосновение с жизнью, сообщающаяся с ней, опьяняющаяся ею; он описывает жизнь, прославляет ее, возвеличивает, очищает от всех ее пятен, примиряет

¹ Virg. Aen., VI, 724 сл.

ее противоречия и облагораживает. В ту чудесную эпоху, когда его гений процветал рядом с гением Горация, он сумел выразить в несовершенном, но грандиозном синтезе все противоречивые стремления, волновавшие тогда лучшие умы Италии. «Энеида» — как бы поэтическое преувеличение возродившихся тогда религиозных, моральных и военных стремлений; она — голос не только поэта, как бы велик он ни был, но целой эпохи.

Экспедиция в Аравию В то время как Вергилий в своих стихах трудился над религиозным и военным возрождением Италии, а публика с нетерпением ожидала выхода в свет его поэмы, руководство культом оставалось в руках такого верховного понтифика, каким был Лепид, а военное дело — в руках такого генерала, как Август. Прежний триумvir с горечью в сердце удалился в Цирцеи и не занимался более общественными делами. Что касается Августа, то в Аравии он имел еще менее успеха, чем в Испании. Экспедиция Элия Галла пошла плохо с самого начала, ибо армия, посаженная на суда в Миоскорме и перевезенная через Красное море, должна была остановиться в Левкокоме и высадиться там вследствие таинственной болезни, постигшей большинство войска. Так, по крайней мере, говорили.¹ Между тем орда эфиопов, узнав, что часть египетских войск находится в Аравии, вторглась в Египет и дошла до Филе, чтобы отомстить за экспедицию Корнелия Галла. Префекту Петронию пришлось отражать их.² Август, таким образом, был прав, считая опасной политику первого префекта.

Новые затруднения на Востоке К тому же на Востоке возникли еще новые затруднения. Находясь еще в Испании, Август вступил в союз с Тиридатом, претендентом на парфянский трон, отдавшимся под покровительство Рима. В течение предшествующих лет, пользуясь внутренними беспорядками, Тиридату удалось изгнать Фраата, сделавшегося гордым и жестоким после своей победы над Антонием. Фраат бежал к скифам, набрал там войско, во главе которого завоевал обратно свое царство и снова изгнал Тиридата. Последнему, со своей стороны, удалось во время своего бегства захватить старшего сына Фраата, которого он и привел к Августу.³ Это был драгоценный заложник, но, принимая его, не рисковали ли вызвать репрессии со стороны парфянского царя и снова возжечь восточный вопрос, на мгновение казавшийся потухшим? Эти гражданские войны в Парфии одновременно радовали и беспокоили Августа: они радовали его потому, что ослабляли вражескую империю, а беспокоили потому, что можно было страшиться более или менее опасных осложнений и потрясений в провинциях и в покровительствуемых Римом государствах. В довершение несчастья в это же самое время галатский царь Аминта погиб в экспедиции против маленького разбойнического народа ономаденсов, оставив только малолетних детей.⁴

¹ Strabo, XVI, IV, 24.

² Ibid, XVII, I, 54.

³ Justin., XLII, V, 5—7.

⁴ Strabo, XII, VI, 5; Dio, LIII, 26; Eutrop., VII, 10.— Лоллий был пропретором следующего, т. е. 24 г. Ни один историк не указывает нам причину, по которой Галатия была обращена в римскую провинцию вместо того, чтобы быть переданной преемникам Аминты, о которых нет более и речи, как будто бы они не существовали. А из надписи (C. J. G., 4039) мы знаем, что у галатского царя был сын по имени

Рим потерял на Востоке своего самого верного и сильного союзника, который один в случае войны с Парфией мог выставить серьезную армию, организованную по римскому образцу. Сенат за отсутствием наследников, способных взойти на трон, объявил Галатию римской провинцией и передал Августу начальствование над ней вместе с командованием галатской армией. Это было большим почетом, но и тяжелым бременем и опасной ответственностью в том случае, если бы на Востоке разразилась война. В общем, общественное настроение в конце 25 г. было снова в смятении и беспокойстве; задуманные военные экспедиции потерпели неудачу или дали неожиданные результаты; восточные дела, казалось, снова запутываются. Все эти затруднения и проект женитьбы его племянника Марцелла на его дочери Юлии заставили, наконец, Августа во второй половине 25 г. вернуться в Рим. Он не мог уверить римлян даже в том, что он действительно завоевал богатую золотыми рудниками страну кантабров и астурийцев. Напротив, едва он отбыл из Испании, кантабры и астурийцы снова восстали.¹ Здоровье его было все хуже и хуже. Как кажется, в эту эпоху он был охвачен судорогами и так серьезно захворал во время путешествия, что принужден был остановиться на дороге и поручить Агриппе присутствовать на брачной церемонии Юлии и Марцелла.²

Его возвращение, однако, доставило большое удовольствие всей Возвращение Италии. Все воображали, что теперь, когда он вернулся, он излечит все зло, на которое жаловались в его отсутствие. Гораций выражал это общее доверие в своих стихах, когда с небольшим преувеличением сравнивал «победоносно» возвратившегося из Испании Августа с Гераклом,³ таково же было, из угодливости, по лени или по искреннему удивлению, мнение сенатского большинства. На заседании 1 января 24 г. сенат одобрил все решения Августа и принес клятву, как это было обычно во время революции, что он не возьмет назад свое одобрение.⁴ Он скоро пошел далее; когда Август, приближаясь к Риму, захотел дать каждому плебею по 400 сестерциев и просил сенат приостановить действие *lex Cincia*, запрещающего такие дары, сенат ответил освобождением его от действия всех законов.⁵ Эта привилегия не казалась чрезвычайной для человека, возвращение которого Гораций приветствовал в следующих стихах:

Пеламен, находившийся в живых еще в конце правления Августа и в начале правления Тиберия. Чем следует объяснить, что Пеламен был лишен трона? По моему мнению, наиболее вероятно предположение, что он был тогда ребенком. Это предположение согласуется со столь поздней датой греческой надписи и объясняет нам, почему, в то время как повсюду в других местах политика Августа шла против превращения в провинции зависимых от Рима государств, Галатия была обращена в римскую провинцию. Мы видели, что в предшествующем году Август не присоединил Мавританию. Мы увидим, что несколько лет спустя он так же поступает с Арменией. Поэтому мне кажется вероятным, что Галатия была объявлена римской провинцией лишь потому, что не было преемника, способного принять власть.

¹ Dio, LIII, 29.

² Ibid., 27. — По Jacob'y (*Etudes sur la sélection*. Paris, 1881), в рассказе Светония (Aug., 80): *dextrae quoque manus digitum salurem*... — речь идет об особом виде судорог. А так как мы знаем, что Август был болен в это время, то мы можем предположить, что болезнь началась в это время.

³ Hor. Carm., III, XIV, 1—2.

⁴ Dio, LIII, 28.

⁵ Ibid.

Этот торжественный день разгоняет
Горе мое.— Не смущусь ни войною
Я, ни насильственной смертью, коль правит
Цезарь землю.¹

Легенда об Августе подобна дереву, снова расцветающему при возвращении весны. Но Август еще более был убежден в ее лживости, чем при отъезде из Рима. Что может он сделать для удовлетворения стольких неопределенных и противоречивых желаний? Он, разумеется, не хотел, чтобы его считали совершенно свободным от повиновения законам.² Вскоре после его возвращения, бывшего в первой половине 24 г.,³ в Рим прибыла присланная Петронием тысяча эфиопских рабов, взятых в плен во время экспедиции, совершенной для отражения эфиопов, вторгнувшихся в верхний Египет.⁴ Это, по крайней мере, предприятие имело счастливый конец, и Египет снова был в безопасности. Если бы Элию Галлу, который в конце зимы тронулся в поход, направляясь на Йемен, удалось овладеть сокровищами сабейцев, Италия могла бы отпраздновать хотя бы одну победу, а Август располагал бы достаточными средствами для всех нужных реформ.

Ответ- Однако для удовлетворения общественного мнения, требовавшего
ственное немедленных реформ, и ввиду приближения выборов на 23 г., он
положение распорядился предложить сенату разрешить Марцеллу домогаться
Августа магистратур за 10, а Тиберию — за 5 лет до назначенного законом
срока, и первого он предложил кандидатом в эдилы, а второго в квесторы.⁵ Эдилство и квесторство были должностями, от которых старались поскорее избавиться; Август, предлагая таким образом республике услуги своей фамилии, напоминал знати, что ее привилегии должны быть оправданы ее усердием. Потом он хотел, как обыкновенно делал, живя в Риме, показать всем, что несмотря на свое плохое здоровье он с величайшей заботливостью исполняет все обязанности магистрата, сенатора, вельможи и гражданина. А эти обязанности были многочисленны и разнообразны. В качестве консула он должен был отправлять правосудие, сидя на своем кресле из слоновой кости, сдавать с аукциона общественные предприятия,⁶ получать всю корреспонденцию государства, созывать сенат, осведомлять его обо всем и присутствовать при бесчисленном количестве гражданских и религиозных церемоний. Проконсул трех провинций, он управлял ими с помощью легатов; в качестве главнокомандующего он надзирал и командовал издали двадцатью тремя легионами и бесчисленными вспомогательными отрядами, рассеянными по всей империи. Сколько затруднений нужно было разрешить, сколько

¹ *Hor. Carm.*, III, XIV, 13—16.

² Таким путем можно примирить ясное утверждение Диона с тем фактом, что впоследствии не было более вопроса об этом изъятии. Мне кажется, что нет основания подозревать ошибку у Диона.

³ Перечислив декреты, изданные к началу 24 г., Дион говорит, что они были изданы в отсутствие Августа (*ἀποστρέφοντι... αὐτῷ*). Следовательно, Август вернулся в Рим после 1 января 24 г. и ранее июня, как доказывает *S. I. L.*, XIV, 2240.

⁴ *Strabo*, XVII, I, 54.v'ux

⁵ *Dio*, LIII, 28.— Эти декреты, как говорит сам Дион, объясняются тем, что в этот год не оказалось достаточного числа квесторов. Следовательно, это не было династической узурпацией власти, но в одно и то же время порицанием по адресу ленивейшей аристократии и средством устранить дурные результаты этой лености.

⁶ *Ovid. Ex Ponto*, IV, V, 17 сл.

ошибок исправить, сколько забытого напомнить, сколько писем прочитать и написать всякий день! Август даже имел мысль взять Горация в качестве секретаря, но тот отказался.¹ Как *princeps senatus* Август, сверх того, должен был председательствовать на сенатских заседаниях; в качестве члена коллегии авгуров, коллегии понтификов, коллегии *quindecimvirogum sacris faciundis* ему нужно было присутствовать на их собраниях, на их церемониях и банкетах; как глава государства, избранный быть примерным гражданином, образцом гражданских доблестей, он должен был выполнять все обязанности, которые традиции налагала на знатных римлян, следовательно, бесплатно помогать в процессах всем клиентам своей фамилии, своим друзьям, бедным плебеям, с которыми он был в сношениях, т. е., другими словами, всем ветеранам гражданских войн;² он должен был присутствовать при всех публичных актах, от заседаний сената до выборов, во время которых для подачи примера обходил со своими кандидатами трибы, прося их голосов, как делалось в добрые старые времена республики, и при которых он голосовал, как последний из граждан.³ Он должен был, наконец, давать большое число банкетов⁴ и, что еще хуже, принимать неменьшее число приглашений и съедать с приятным видом самые скромные обеды, ибо, если бы он отверг гостеприимство самого скромного дома, он оскорбил бы всех граждан, показав, что считает себя выше их.⁵ Факты доказывают, что вообще соединение в одном лице многих функций, изобретенное Юлием Цезарем, могло быть удобным средством для чрезвычайно деятельного человека в бедственную и смутную эпоху; но это соединение не могло быть новым принципом правильного управления, которым руководили не полубоги, а люди, подверженные усталости, как всякий из смертных.

Только железный человек мог выполнять такую огромную работу, Неудача а Август не был таковым. В июне он снова заболел⁶ и остаток года экспедиции не был более способен ничего делать, кроме как тратить деньги на в Аравию постройки и празднества. Тем временем Юлий Галл со слабым успехом окончил свою экспедицию в Аравию. Он дошел после трудного похода до главного города сабейцев Мариабы (Сабы), но вовсе не нашел там столь желанных сокровищ и должен был быстро уйти назад с пустыми руками и армией, разреженной болезнями. Ответственными за эту неудачу делали набатеян, а в особенности министров царя Силлея, сопровождавшего Галла и под предлогом помощи изменившего ему. Трудно сказать, соответствует ли это объяснение истине или оно было только выдумкой римлян, чтобы скрыть собственную неудачу.⁷ Однако довольно легко можно бы объяснить, почему набатеяне изменили Риму, если они только действительно изменили. Аравия и Египет обе вели торговлю между Средиземным морем, Индией и Китаем; поэтому все аравийские народы имели выгоду препятствовать новому государству, сделавшемуся властелином

¹ Sueton. Vita Hor.

² Sueton. Aug., 56.

³ Ibid.

⁴ Ibid., 74.

⁵ Macrob. Saturn., II, IV, 13: paene se nulli invitanti negabat.

⁶ C. I. L., XIV, 2240, v. 11.

⁷ Strabo, XVI, IV, 24; Dio, LIII, 29; Mon. Anc., V, 22—23 (lat.). Адунис Диона, конечно, ошибка, вместо Мариабы.

Египта, овладеть дорогой на дальний Восток, конкурировавшей с дорогой через Александрию и через Левкокоме и Петру доходившей до Финикии.¹

Болезнь Итак, 23 г. начинался плохо, а продолжался еще хуже, хотя эдил
Августа Марцелл старался увеселять столицу, давая великолепные празднества при помощи денег своего дяди.² Болезнь, которую древние называли чумой и в которой современные писатели видят род тифозной эпидемии, повергла в траур сперва Италию, а затем и Рим; она едва не вызвала политическую катастрофу, когда, после стольких жертв, ею заболел сам Август. В третий раз он заболел, без сомнения, весной и, конечно, ранее июня месяца.³ Однажды Рим узнал, что Август при смерти и что он уже сделал свои последние распоряжения, составил завещание, передал Пизону, бывшему вместе с ним консулом, все государственные бумаги, в том числе и составленные по его приказанию финансовые списки; что он, наконец, позволил себе рекомендовать сенату и народу в качестве преемника Агриппу, но сделал это так скромно, что не мог оскорбить даже самых суровых республиканцев. Он действительно удовольствовался тем, что передал ему свое кольцо и свою печать.⁴ Легко представить себе, какое смятение вызвало это известие. Что произойдет, если Август вдруг умрет в сорок лет, оставив все дела в нерешенном виде и республику еще столь слабой? Никто не мог этого предвидеть. Но внезапно увидели появление для спасения республики от угрожающей опасности восточного вольноотпущенника, врача. Август верил в достоинство традиции, когда дело шло о лечении болезней государства, но не тогда, когда дело шло о его здоровье; в этом случае традиционным рецептам знатных римских фамилий он предпочитал греческую науку. Он имел при себе знаменитого медика Антония Музу, бывшего врачом Юбы II, царя Мавритании, и основателем новой медицинской школы. Антоний Муза, когда все считали, что Август уже обречен, вылечил его при помощи холодных ванн.⁵ Радость была чрезвычайна, и врач был осыпан почестями. По общественной подписке ему воздвигли статую, помещенную рядом со статуей Эскулапа; сенат назначил ему денежную награду и вписал в список всадников.⁶ Но это было еще не все: уважение к Музе отразилось и на всех других врачах; в момент общего энтузиазма сенат вотировал иммунитет, т. е. освобождение от всех налогов и

¹ Strabo, XVI, IV, 24.

² Dio, LIII, 31.

³ Ibid., 30. — К июню он должен был уже выздороветь, ибо, как мы увидим, отказался от консульства (Sueton. Aug., 81).

⁴ Дион в двух местах очень ясно говорит нам, что Август не назначил себе преемника: LIII, 30 — διὰδοχὸν μὲν οὐδένα ἀπέδειξε... и LIII, 31 — οὐδένα τῆς ἀρχῆς διὰδοχὸν κατὰλελοιπῶς ἦν. Передача перстня Агриппе была только знаком личного доверия относительно своих частных дел; это, однако, могло быть рекомендацией сенату и народу при выборе его преемника. Во всяком случае достоверны два факта: 1) что не было никакой рекомендации в пользу Марцелла (см. Dio, LIII, 31) и 2) что указание на Агриппу, которое некоторые видели в передаче перстня, было так неопределенно, что, по мнению многих, Август желал уничтожения после своей смерти достоинства принцепса (Dio, LIII, 31). Вполне, во всяком случае, очевидно, что Август очень заботился показать народу, что династический и наследственный принцип совершенно устранен из нового режима.

⁵ Sueton. Aug., 81; Dio, LIII, 30.

⁶ Dio, LIII, 30; Sueton. Aug., 39.

общественных повинностей, всякому занимающемуся медициной в Риме и в Италии.¹ Таким образом, в одно мгновение, одним фактом излечения Августа все, по-видимому, прониклись уважением к медицинской науке греков, к которой еще так недоверчиво относилось столько римлян. Это было новым и одним из самых курьезных доказательств, что в эту эпоху не были прочно привязаны ни к какому чувству: ни к уважению перед древностью, ни к недоверию к новшествам, ни к желанию вернуться к традициям, ни к тенденции ввести в государстве восточную культуру. Не по капризу и не по глупости великие защитники римской традиции ненавидели греческую медицину, называя ее грязной смесью шарлатанства и алчности.² Всякая военная аристократия естественно склонна унижать лиц, занимающихся интеллектуальными профессиями, в особенности адвокатов и врачей, которые всегда образуют ядро средних классов, наиболее могущественное по своей культурности, своим связям, своему влиянию, и которые могут впоследствии, когда приобретут могущество, стать на дороге в общественной и частной жизни, в семье и в государстве влиянию военной аристократии, распространять идеи и чувства, несогласные с теми, в ком эта последняя видит идеал жизни. Римская аристократия уже столетия сохраняла за собой монополию адвокатуры и, презирая медицину, оставила ее восточным людям, потому что они были простыми вольноотпущенниками. Но отвращение к этой профессии должно было быть в Риме в этот момент тем живее, что эти восточные вольноотпущенники являлись из отдаленных школ и держались на все взглядов, совершенно отличных от тех, которые укоренились в римской традиции. Каково должно было быть могущество этих людей, если они заставили римлян уверовать, что обладают секретом жизни и смерти? Не было ли древнее недоверие всегда убеждено, что старые рецепты, передаваемые от отца к сыну, стоят более всей греческой медицины? Но вот внезапно один из этих врачей, сделавшись знаменитостью, получает почести, предназначенные для завоевателей и великих дипломатов, и законодатели сразу начинают покровительствовать людям, по отношению к которым до тех пор они высказывали вражду и недоверие.

¹ Dio, LIII, 30.

² По поводу презрения высшего римского общества к греческим врачам еще во второй половине первого века см.: Plin. N. H., XXIX, I, 11, 26—27.

IV

Новая конституционная реформа

Новый отказ Августа от общественной деятельности.— Август и знать.— Разногласия между Марцеллом и Агриппой.— Агриппа на Востоке.— Новые проекты пуританской партии.— Конституционная реформа 23 года до Р.Х.— Процесс Марка Прима.— Посольство парфянского царя в Риме.— Сенат отсылает послов к Августу.— Истинное начало монархии в Риме.— Голод.— Народ провозглашает Августа диктатором.— Полудиктатура.— Неудача цензора Плана и Павла.— Заговор Цепиона и Мурены.— Отъезд Августа на Восток.— Новые беспорядки в Риме.

Желание Августа отказаться от государственной деятельности Но поклонники Августа слишком рано обрадовались. В то время как они осыпали Антония Музу наградами, Август объявил, что, чувствуя себя больным и усталым, он хочет удалиться в частную жизнь.¹ Конституционная реформа 27 г., уже несколько лет как потерявшая свою прочность, неожиданно оказалась разрушенной этим заявлением.

В Риме было громадное замешательство. Хорошо понимали, что Август нуждается в отдыхе. Но, однако, он один казался способным удерживать положение дел в равновесии, останавливать или, по меньшей мере, смягчать борьбу между столькими несогласными элементами, разрывавшими республику. Поэтому всеми средствами постарались заставить его отказаться от своего решения.

Мотивы этого желания Но искренен ли был Август, говоря, что желает удалиться в частную жизнь? Мне кажется вероятным, что это решение было при творным. Положение было тогда так странно и так запутанно, что для Августа было так же трудно продолжать управлять империей, как и перестать ею управлять. Ему было трудно продолжать управлять ею потому, что разнородная группировавшаяся вокруг него аристократия, в которой перемешивалась старая и новая знать, становилась все более и более недисциплинированной и мятежной. Но ему не менее трудно было перестать управлять, ибо то небольшое количество усердия и авторитета, которое еще оставалось в государстве,

¹ Sueton. Aug., 28: De reddenda republica bis cogitavit... rursus, taedium diuturnae valetudinis, quum etiam magistratibus ac Senatu domum accitum rationarium imperii tradidit. Эта фраза, конечно, намекает на сцену, рассказанную Дионом, и доказывает нам, что taedium diuturnae valetudinis, о которой говорит Светоний, было следствием той болезни. Светоний, однако, очевидно, смешал намерение Августа вернуться в частную жизнь с передачей документов — мерой, принятой во время болезни, между тем более вероятно, что Август обнаружил свое намерение возвратиться в частную жизнь только после болезни. Поэтому я считаю возможным установить связь между этим намерением оставить власть и конституционной реформой, произведенной в 23 г.

происходило от него одного. Большие состояния вновь образовывались в руках знати благодаря бракам, наследствам, благоприятным случайностям, а также с помощью самого Августа, по мере того как, благодаря его вмешательству, распределяли в вечное владение наиболее выдающимся семьям старой аристократии лучшие провинциальные земли и рудники с обязательством платить небольшой ежегодный взнос (vestigal). Ливия получила очень богатые медные рудники в Трансальпийской Галлии;¹ Саллюстий, племянник историка, — медные и железные рудники в только что завоеванной области салласов;² Марк Лоллий, первый правитель Галатии, уже положил основание, вероятно, путем занятия государственных земель, колоссальному состоянию своей фамилии;³ и благодаря дарам Августа авгур Гней Лентул, единственной заслугой которого была случайность рождения, составил себе состояние, позднее считаемое во много миллионов сестерциев.⁴ А сколько других аристократических фамилий, славившихся в последующие годы в Риме своим богатством, должны были поправить свое состояние таким путем, если в глазах принцепса одно имя Лентула стоило миллионов! Август вообще ревностно и с успехом занимался восстановлением состояний исторической знати, для которой этого было вполне достаточно, чтобы удерживать его у власти, заставляя сенат вотировать ему самые обширные привилегии и самые почетные декреты, но недостаточно для того, чтобы эта аристократия желала, по его приказаниям и примеру, подчиняться строгой дисциплине и жертвовать общественному благу своему досугом, своими удовольствиями и своими частными выгодами.

После исчезновения страха перед триумвиратом знать, собирая Непопу-
 обратно свои богатства, делалась снова дерзкой и властной, по мере лярность
 того как понимала, что Август посреди стольких внутренних за- этого
 труднений, памятуя о гражданских войнах и находясь перед новыми желания
 внешними опасностями, не посмеет создавать себе много врагов в
 высших классах. В результате появилось возрастающее отсутствие
 дисциплины. Сенаторы, которые десять или пятнадцать лет тому
 назад во время триумвирата, полуразоренные, боящиеся за самое
 свое существование и будущность, старались сделаться незаметными,
 теперь гордо выступали на римских улицах, заполняли сенат, по-
 стоянно спорили из-за пустяков, ненавидели друг друга и уважали
 Августа только на словах. Случалось, что люди, обязанные ему
 всем, умирали, не оставляя ему ничего на память, что было тогда
 очень тяжким оскорблением. Время от времени вскрывали заве-
 щания, в которых завещатель под предлогом объяснения причин,
 по которым он ничего не оставляет Августу, выдвигал против него
 жалобы или обвинения, которые магистрат принужден был читать
 публично.⁵ И говорили не одни мертвые: против него начали цирку-
 лировать памфлеты;⁶ значительное большинство его коллег не упу-

¹ Plin. N. H., XXXIV, I, 3.

² Ibid.

³ Плиний (N. H., IX, XXXV, 118) приписывает огромное богатство Лоллия его грабегам на Востоке. Но вероятно, что он прибегнул к этому средству лишь позже, когда чувствовал себя в большей безопасности, и что его состояние своим источником имело щедрость Августа.

⁴ Seneca. De Benef., II, XXVII, 1.

⁵ Sueton. Aug., 55.

⁶ Ibid.

скажи случая нанести ему оскорбление при удобном случае. Август прогнал от себя одного очень известного греческого ученого, поносившего его и Ливию устно и письменно, а Азиний Поллион поспешил пригласить этого ученого к себе, и вся знать оспаривала его друг у друга.¹ Сам Гней Лентул с чувством жаловался, что Август своей щедростью отвратил его от его занятий, чтобы принудить заниматься общественными делами.² Еще более знаменательным было то, что его прежние друзья, несмотря на его бесконечное терпение, охладели к нему. Все в Риме знали, что Меценат уже более не прежний его друг, и причиной этого, как, по крайней мере, тогда говорили, было то, что он подозревал Августа в слишком нежном чувстве к своей жене.³ Едва выздоровев, тот, кого современные историки называют господином мира, не имел достаточного авторитета, чтобы усмирить раздор, поднявшийся в своем собственном семействе, между своим племянником Марцеллом и своим другом Агриппой. Поссорившись по неясным для нас причинам, Агриппа, справедливо или нет, жаловался, что Август не поддержал его как должно против своего племянника; и, сильно раздраженный против своего прежнего друга, он уехал на Восток, решившись лишить империю своих услуг, чтобы отомстить за свою личную обиду.⁴

Можно представить себе, какое согласие могло царствовать между членами этой аристократии, когда они имели так мало уважения к тому, кто, хотели ли они или нет, все же был их главой.

Недовольство, злословие, ссоры между оскорбленными встречались ежедневно на каждом шагу. В то время, когда никто не занимался общественными делами, находились магистраты, которые делали безумства для того, чтобы дать народу игры лучше игр, данных их товарищами.⁵ Наконец, так как провинции были предоставлены капризам правителей, а армии подчинены очень строгой дисциплине, такая безграничная власть заставляла иногда терять рассудок знать,

¹ Seneca. De ira, III, XXXIII, 5.

² Seneca. De benefic., II, XXVII, 2.

³ Dio, LIV, 19.

⁴ Дион (LIII, 32) говорит, что Август послал Агриппу на Восток потому, что Марцелл завидовал, что Август предпочел Агриппу ему, когда назначил своего преемника во время своей болезни. Светоний (Aug., 66: ...Desideravit... Agrippae patientiam...), напротив, передает дело совершенно иначе: он говорит, что Агриппа уехал в негодовании на предпочтение, оказанное Марцеллу, а также вследствие замеченного им начинающегося охлаждения к нему Августа (ex levi frigoris suspicione et quod Marcellus sibi antefertetur). Версия Светония мне кажется гораздо более вероятной. Дион, впрочем, противоречит сам себе: в гл. XXX он уже сказал, что Август никого не назначил своим наследником, что, впрочем, и естественно, ибо его должность не была наследственной. Следовательно, он не мог предпочесть Агриппу Марцеллу. Кроме того, когда Дион говорит, что Август послал Агриппу на Восток, он представляет себе принцепса слишком похожим на современного ему императора. Август не имел никакой власти посылать Агриппу на Восток; он мог только просить его поехать туда. Таким образом, Агриппа отправился туда совершенно добровольно. Версия Светония, который видит тут мщение Агриппы, таким образом, более вероятна: Веллей Патеркул (II, XCIII, 2) говорит о tacitas cum Marcello offensiones и дает нам понять происхождение передаваемой Дионом легенды, когда говорит, что successorem potentiae eius arbitrabantur, ut tamen id per M. Agrippam secure ei posse contingere non existimarent. Следовательно, дело идет о ходивших в Риме слухах. Плохое состояние здоровья Августа заставило многих спрашивать себя, что произойдет в случае его смерти, и находились лица, утверждавшие, что он намеревался назначить своим преемником Марцелла.

⁵ В 22 г. Август принял меры против этого соперничества, см.: Dio, LIV, 2.

столь гордую уже в Риме. Акты жестокости и превышения власти, совершаемые правителями в своих провинциях, встречались весьма часто, и общественное мнение, склонное к более гуманным чувствам даже по отношению к народам, бывшим его подданными, с возрастающим упорством требовало от Августа подавления этих злоупотреблений.¹ Но что он мог сделать? Несмотря на оскорбление, нанесенное ему отъездом Агриппы, он назначил его своим легатом в Сирию, чтобы извлечь из его ссоры с Марцеллом хотя какую-нибудь пользу. Отношения с парфянами все портились. Фраат отправил в Рим посольство с требованием выдачи своего сына и Тиридата.² На всякий случай было благоразумным поставить Агриппу во главе сирийских легионов. Но Агриппа, не отказываясь от своего назначения, остался на Лесбосе, подобно Ахиллу в своей палатке, несколько не занимаясь провинциями,³ так что Август, не смея предписать ему принять назначение или отказаться, оказался в Сирии без легата в тот момент, когда угрожала война с парфянами.⁴

Между тем пуританское движение в средних классах и между наиболее уважаемыми сенаторами и всадниками все возрастало; все требовали восстановления цензоров, суровых законов против порчи нравов, мер, которые могли бы, наконец, обуздать беспорядок в высшем обществе; это было новым и очень тяжелым затруднением для Августа. Средние классы, которым Август ничего не дал, имели к нему более искреннее и горячее уважение, чем аристократия, которой он дал все; и эта популярность в средних классах давала наибольшую силу его власти. Он понимал поэтому, что этим классам необходимо дать по крайней мере моральное удовлетворение. Но он не осмеливался открыто покровительствовать движению и воспользоваться им как средством произвести моральное давление на ленивую и недисциплинированную аристократию. Очень легко было

¹ Сенека (*De ira*, I, XVIII, 2, 5) упоминает некоторые подобные факты из эпохи Августа. См. также анекдот о Ветии Поллионе: Dio, LIV, 23.

² Эта миссия Агриппы в Сирию вызвала большие сомнения и длинные споры. Иосиф, несомненно, ошибается, когда говорит (*A. I.*, XVI, III, 3), что Агриппа управлял всей Азией в продолжение десяти лет. Он смешал эту первую миссию с более продолжительной миссией, имевшей место впоследствии. Но в качестве кого отправился Агриппа в Сирию в 23 г.? Моммзен (*Res gestae Divi Augusti*, 1865, 113) утверждает, что с 23 г. он имел более широкие права, чем проконсул, но он не знает, как они были ему даны. Цумпт (*Comh. Epigr.*, II, 79) говорит, что должен был существовать сенатусконсультус, дававший Агриппе проконсульство в Сирии. Но наиболее вероятно, что Август назначил тогда Агриппу в Сирию своим легатом, как позднее он назначил его своим легатом в Испанию. Единственным затруднением служит свидетельство Диона (LIII, 32), что Агриппа остался на Лесбосе, а в Сирию послал своих легатов, между тем как легат не мог посылать, в свою очередь, легатов. Не мог ли Дион ошибиться, приняв за легатов Агриппы меньших магистратов, например квесторов? Допустив, что Агриппа не был легатом Августа, мы попадем в непроходимые затруднения. Сирия была одной из провинций Августа; тогда нужно было бы допустить, что Август возвратил ее сенату, что сенат дал проконсульство Агриппе, у которого, с другой стороны, еще не истекло законное пятилетие после его консульства (он был консулом в 27 г.). Между тем ничто нам не указывает, что Август отказался от Сирии. Нужно прибавить, что в 20 г. Август отправился в Сирию и принял там много важных мероприятий; почему же он мог за три года до этого отказаться от этой провинции? Кроме того, в Сирии была значительная армия; затруднения с парфянами еще не были урегулированы, и кажется невероятным, чтобы Август при таких условиях мог изменить организацию провинции.

³ Dio, LIII, 33; Justin., XLIII, V, 8.

⁴ Dio, LIII, 32.

требовать законов против испорченности богатых классов, но трудно было их осуществить. В прекрасные времена республики дисциплина частных нравов поддерживалась преимущественно главами семейств, так как каждая семья являлась как бы маленькой монархией; теперь, когда эти главы пренебрегали своими обязанностями, нельзя было, как многие того хотели, заставить вмешаться закон, не ниспровергая основных принципов семейного права, т. е. не разрушая той традиции, которую желали восстановить. *Nec vitia nostra, nec remedia pati possumus*. Поэтому Август был расположен снова приказать выбрать цензоров и взять на себя почин новой реформы финансовой администрации, которая становилась все более и более необходимой. Он предложил ежегодно избирать по жребию из преторов двух администраторов, которые назывались бы *praetores aegrarii*.¹ Но относительно прочего он не хотел компрометировать себя попытками слишком революционного законодательства. Общее положение было полно затруднений; и в довершение несчастья, в этот критический момент единственный человек, который мог бы заместить его во главе государства, единственный сотрудник, который был ему действительно полезен в предшествующие годы, удалился вследствие простой ссоры.

Новая конституционная реформа Устрашенный столькими затруднениями, озабоченный, как бы не причинить вреда остаткам своего здоровья, Август, наконец, задумал новую конституционную реформу, благодаря которой он перенес бы свой авторитет с Италии на провинции, с политики внутренней на политику внешнюю. Он окончательно освободил бы принцип цезаризма от кучи должностей, которых все равно нельзя было исполнять вследствие сверхчеловеческих усилий, которые они налагали; он решил получить над всеми провинциальными правителями дискреционную власть надзора и контроля, зависящую только от сената и от него самого, и сделаться таким образом настоящим принципсом, которого желали Аристотель, Полибий и Цицерон, т. е. верховным стражем конституции. Благодаря этой реформе Август не был бы принужден более заниматься управлением Римом и Италией, которое было наиболее трудным; он мог бы отправиться в провинции и жить там долгие годы; он мог бы продолжать реорганизацию имперских финансов и давать своим друзьям в вечную аренду общественные имения всей империи, а не одних своих провинций; он мог бы, наконец, дать удовлетворение средним интеллигентным классам Италии, если не исправлением нравов испорченной столицы, то, по крайней мере, противодействием наиболее скандальным злоупотреблениям в провинциях, применяя в разумных размерах три знаменитых стиха, в которых Вергилий определил царственную миссию Рима:

Римлянин, помни одно — что ты призван народами править.
Вот все искусство твое; всюду мира закон налагаю,
Тех, кто смирился, щадить и войной сокрушать непокорных.²

Разъединяя три вещи, которые современники все более и более были склонны смешивать, — философию, поэзию и политику, Август считал необходимой, особенно на Востоке, политику примирения, справедливости, милосердия, которую он показал несколько лет тому

¹ Dio, LIII, 32.

² Virg. Aen., VI.

назад, когда некоторые города Малой Азии, разрушенные землетрясением, осмелились обратиться на помощь к римскому сенату, целые столетия бравшему деньги, вместо того чтобы их давать. Август присоединился к просьбе, и Тиберий защищал ее перед сенатом.¹ Он решил попробовать применить ко всей империи, начав путешествием по Греции и Востоку, ту административную провинциальную реформу, которую не могли выполнить Сулла, Лукулл и Цицерон и которая сделалась возможной и сравнительно исполнимой теперь, когда в провинциях уже нечего было более брать и когда исчезли страшные публиканы. Август основательно знал то высшее политическое искусство, которое состоит в преувеличении затруднений в глазах масс, чтобы приписать себе более заслуги, преодолев их. Он очень охотно брался за задачу, которая имела для политического деятеля ту чудесную выгоду, что казалась трудной, а была очень легкой.

Поэтому мне кажется вероятным, что его отказ от политической деятельности был притворством, чтобы легче побудить сенат и народ к новой конституционной реформе и примирить с его отказом от консульства, который должен был сильно обеспокоить высшие классы Рима, ибо только во власти Августа они видели удобное средство для поддержания в Риме порядка и производства без всякого затруднения желаемых ими выборов. Но если легко было примирить сенат с потерей такого удобного консула, то труднее было разом объявить народу, в особенности средним классам, столь надеявшимся на Августа, что он не рассчитывает более заботиться об интересах италийской администрации. Очень вероятно, что вследствие этого соображения Август принял пожизненную трибунскую власть, т. е. права трибунов, которыми он еще не владел: право veto, право делать предложения в сенате и право предлагать законы комициям. Таким образом его отделение от Италии не казалось бы окончательным; он сохранил бы за собой средство вмешиваться в дела Рима, и в то же время оставшиеся на нем права и обязанности были меньше, чем права и обязанности консула.² В середине года, после *Feriae Latinae*, этот замысел был приведен в исполнение. Август отказался от консульства, а сенат взамен этого дал ему право надзора и контроля над всеми провинциями вместе с правом входить в черту города (*romaeum*), не теряя своих проконсульских полномочий; наконец, ему предоставили пожизненную трибунскую

¹ Sueton. Tib., 8; см. Agathias, II, 17.

² Мне кажется, что историки до сих пор совершенно ошибочно смотрели как на существенную часть реформы 23 г. на замену консульства пожизненным трибунатом. Эта замена, напротив, была только побочной частью реформы и была сделана, чтобы дать платоническое удовлетворение Италии. Действительно, Август, уже имевший трибунскую неприкосновенность и, следовательно, без этой реформы рассматриваемый как *sacrosanctus*, никогда не пользовался правом veto, а правом rogationis воспользовался только позднее, в 18 г., а оба эти права были важнейшими правами трибуната. Это, конечно, доказывает, что пожизненный трибунал был лишь почетным отличием. Напротив, существенной частью реформы была возможность (как говорит Дион, III, 32) *ἐν τῷ ἄλλοῦ τὸ πλεῖον ἰῶν ἐκασταὶ ὄρνυται ἰσχυρεῖν*, т. е. высшая власть над всеми правителями. Мы, действительно, видим, что он широко пользовался этой властью во время путешествия, которое предпринял на Восток в следующем году. Если ему предоставили эту власть, то лишь ввиду этого путешествия и также ввиду обширного политического плана, на котором мы скоро остановимся. В этой власти и состояла самая важная часть новой конституции.

власть.¹ В свою очередь, Август, чтобы дать компенсацию аристократической партии, поддержал кандидатуру в консулы Луция Секстия, прежнего проскрипта и преданнейшего друга Брута.² Таким образом были, как казалось, уничтожены все затруднения, вызванные болезнью принцепса. Но не замедлили появиться новые, ибо затруднения создавались не болезнями Августа, как обычно думали, но постоянно возникавшими противоречиями, которые не мог уничтожить никакой декрет. Хотя общественные дела были крайне настоятельны и запутаны, сенат и магистраты продолжали заниматься ими неспеша, и конституционная реформа не помешала тому, что во второй половине 23 г. ни эдилы, ни консулы не занимались более ничем, даже угрожавшим Риму и Италии голодом; и партия знати обнаружила деятельность только для того, чтобы повторить скандал с Корнелием Галлом против незнатного правителя Македонии Марка Прима, предпринявшего без разрешения сената небольшую экспедицию против одрисов. Неумолимая, когда дело шло о преследовании узурпаторов и нарушителей предоставленных ей прерогатив, партия знати заставила осудить Прима, но маленькая демократическая когорта, покинувшая на произвол судьбы Корнелия Галла, приняла теперь брошенный ей вызов. Мурена принял на себя защиту Прима, другие, и в особенности Фанний Цепион, употребили все средства, чтобы добиться оправдания Прима.³ Рим, таким образом, готовился увидеть новый скандальный процесс, в то время как голод, молчаливый и невидимый, опустошал постепенно римские житницы. В этот момент прибыли парфянские послы; их государь был малосведущ в римском конституционном праве, и его подданные обратились поэтому прямо к Августу.

Посольство парфян Посольство парфян в Риме в этот момент вполне законно могло бы отвлечь общественное мнение не только от такой мелочи, как процесс Прима, но и от таких серьезных вещей, как угрожающий голод: парфянский вопрос был самым важным из тогдашних вопросов внешней политики. Италия не хотела еще признать, что у нее нет сил, необходимых для завоевания Персии. Александр завоевал ее, следовательно, Рим может сделать то же самое — так рассуждала публика, не раздумывая о том, что в империи только двадцать три легиона и мало денег. А пока, ожидая этого завоевания, Фраат требовал, чтобы ему возвратили не только его сына, но и Тиридата, которого республика приняла под свое покровительство, и Рим находился в очень большом замешательстве. Согласиться значило скомпрометировать престиж римского могущества на Востоке актом опас-

¹ Dio, LIII, 32.

² Ibid.

³ По поводу этого процесса мы имеем только некоторые сведения у Диона, XXXIV, 3. Мне кажется очень вероятным, что в нем были замешаны политические мотивы. Только последними можно объяснить поднявшееся в обществе волнение, доказываемое рассказом Диона, а также различные суждения по поводу вмешательства Августа. Потом, тот факт, что, по словам Диона, её фровобуτες одобряли Августа, нанесшего решительный удар обвиняемому, доказывает, что процесс начали и обвинения желали люди богатые и консерваторы. Поэтому в этом процессе я вижу эпизод, аналогичный борьбе против Руфа, и последний всплеск борьбы между партией знати и народной партией, в котором были уничтожены остатки последней путем процессов и интриг, а также благодаря помощи, оказанной Августом консервативной партии. Те, кто потом принимал участие в заговоре, естественно, должны были также принимать участие в процессе.

ной слабости, с другой стороны, твердый отказ мог вызвать ту войну, о которой только неопытные люди могли говорить так легкомысленно, как делали это в Италии. Прибытие парфянских послов было важно еще и по другой причине: оно должно было послужить окончательным испытанием восстановленной в 27 г. конституции. Вопрос, столь важный во внешней политике, должен был, согласно восстановленной конституции, решать сенат, потому что один сенат имел право вести переговоры с иностранными государствами. Действительно, Август, строго соблюдавший конституцию, особенно когда таким образом он мог избежать какой-нибудь важной ответственности, отослал послов парфянского царя в сенат. Таким образом, впервые после реставрации республики, спустя почти полстолетия, сенат оказался перед основным вопросом внешней политики с полным правом решить его по собственному желанию, как в счастливые времена республики; впервые он мог вступить в обладание всем тем древним дипломатическим авторитетом, который был существенной частью его власти и которого его лишили партии и котерии сорок лет тому назад. Поэтому в истории Рима был важен тот момент, когда с древним церемониалом парфянское посольство было введено в сенат. Сенат, очевидно, не мог бы более быть верховным органом и, так сказать, мозгом империи, если бы он не был более способен управлять внешней политикой. В этот момент окончательно должно было обнаружиться, имеет ли сенат достаточно силы, чтобы снова взять на себя свои древние функции.

Но опыт — увы! — был неудачен для высокого собрания. Сенат отослал послов к Августу, поручив принцепсу вести переговоры и заключить с ними соглашение.¹ Почему это случилось, историки не говорят нам, но нетрудно понять, что сенат после гражданских войн не имел ни храбрости, не понимания, ни желания, необходимых для обсуждения такого важного дела. Парфяне пугали его, и он предпочел передать решение этого дела Августу. Август понимал, что, отсылая послов от одного к другому, дадут им понять страх перед ними римских властей, и, так как кому-нибудь нужно же было вступить в переговоры с представителями Парфянской империи, согласился вести переговоры. Он исполнил свою миссию с большой ловкостью. Он отказался выдать Тиридата — но изъявил готовность не помогать ему более в его попытках вернуть себе трон и таким образом заключить дружественный договор с Фраатом, вернув ему сына; за это, однако, он требовал компенсаций. Без сомнения, он заметил, что Фраат, малоуверенный в своей власти, находящийся под угрозой революции и окруженный претендентами, так же, как и он, желал окончательного мира; и ловко, подобно римским дипломатам старой школы, воспользовавшись слабостью противника, потребовал в обмен за свои уступки и формальный дружественный договор, который окончил бы навсегда войны между обеими империями, возвращения знамен и пленников последних войн и предоставления римскому влиянию Армении, после Акция попавшей под протекторат парфян.² Протекторат над Арменией, вообще-то бесполезный, должен был, по мысли Августа, по

¹ Dio, LIII, 33.

² Дион (LIII, 33) говорит только, что при переговорах согласились возвратить знамена и пленников, но не упоминает об Армении. Но мне кажется, что этот пункт также должен был обсуждаться при переговорах. Едва ли бы Август самостоятельно

служить хоть какой-то компенсацией Италии, обманувшейся в расчетах завоевать Парфию. Рим быстро узнал, что Август к всеобщему удовольствию заключил удовлетворительное соглашение с парфянами. Но никто не подозревал, что в тот момент, когда сенат поручил Августу вести самое важное дело внешней политики, которое только представилось после реставрации республики, он заложил первый камень здания монархии, которое будет окончено только через два века. Этим сенатским постановлением сенат объявил себя неспособным руководить внешней политикой империи; он добровольно отказывался от самой важной своей прерогативы, с тем чтобы перенести ее на одного человека и одну фамилию; таким образом, с большей энергией, чем Август, и против его воли он работал над основанием в Риме монархии. В тот день, когда в Риме уже не сенат, но одна фамилия была способна вести внешнюю политику, — в этот день Рим действительно уже имел в своих стенах династию.¹

Голод

В то время как Август занимался отдаленными восточными границами империи, а аристократическая и народная партии готовились к борьбе в судах по поводу процесса Прима, голод охватил беззащитный город. Народ удовлетворялся сперва сожалениями, что Август более не консул, утверждая, что, если бы он был консулом, не было бы недостатка в хлебе;² но когда страдания от голода усилились, а в довершение несчастья Тибр вышел из берегов, изгнав из их жилищ несчастных плебеев, уже не имевших хлеба, народ поднялся, произвел манифестации, провозгласил Августа диктатором и отправил к нему депутации, умоляя его, подобно Помпею в 57 г.,³ взять на себя заботу о снабжении города продовольствием, — короче говоря, в несколько дней народ разорвал на куски последнюю конституционную реформу, выработанную с такой заботливостью. Август сначала отказался от этой диктатуры, предложенной мятежниками; но когда народ окружил сенат, угрожая сжечь курию вместе с сенаторами, если они не назначат его диктатором,⁴ он понял, что голодный народ и переговоры с иностранными державами требуют различной дипломатии, и согласился взять на себя заботу о продовольствии. Он назначил из бывших преторов *praefecti frumenti dandi*⁵ и начал раздавать хлеб,⁶ приказав подвозить его отовсюду. Чтобы показать пример ленивой

занял Армению, рискуя вызвать этим войну с парфянами, Август должен был по меньшей мере знать, когда вторгнулся в Армению, что Фраат не против ее уступки.

¹ Мы знаем из *lex regia Vespasiani* (C. I. L., VI, 930, v. 1), что Август имел право заключать союзы: *foedus cum quibus volet facere liceat*. Но мы не знаем, когда эта привилегия была ему предоставлена. Возможно, что это было в 27 г., когда был восстановлен верховный авторитет государства. Данный эпизод показывает нам, во всяком случае, что в 23 г., если Август уже имел эту власть, он не хотел пользоваться ею, предпочитая предоставить право действовать сенату, и воспользовался ею только позже, по основаниям, которые мы скоро увидим.

² Дион (LIV, 1) помещает эти события на 22 г., но он ошибается; они в действительности происходили во второй половине 23 г. Доказательство этого мы имеем у Веллея Патеркула (II, XCIV, 3), который говорит нам, что Тиберий был квестором и ему было девятнадцать лет, когда, *mandatu vitrici*, занимался устранением голода. Август мог дать это поручение Тиберию только тогда, когда взял на себя суга апноас. Между тем Тиберий был квестором в 23 г., и относительно биографии Тиберия Веллей — более достоверный историк, чем Дион.

³ Dio, LIV, 1.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Мон. Анс., III, 2 (lat.).

аристократии, он поручил своему пасынку Тиберию наблюдать за выгрузкой хлеба в Остии и перевозкой его в Рим.¹ Таким образом, Клавдий, потомок одной из самых гордых и знатных римских фамилий, должен был заняться перевозкой хлеба в Рим — почти что второй Эгнаций Руф! Но этот молодой человек действительно имел некоторые из тех качеств старой аристократии, которые встречались теперь только в книгах: энергию, серьезность, желание показать себя.² И однако, общество не успокоилось. Недовольство, вызванное голодом, дало новые силы пуританскому движению; когда отказались от мысли сделать Августа диктатором, начали предлагать избрать его пожизненным цензором. Было очевидно, что без более серьезного надзора за нравами государство идет к гибели; никто лучше Августа не мог осуществить этот надзор. Август, который не желал этой новой трудной должности, но и не имел мужества противиться сильному народному желанию, предложил сенату компромисс, назначив выборы цензоров. Они действительно произошли, и избраны были два выдающихся лица: Луций Мунаций Планк и Павел Эмилий Лепид.³ Недовольство все же продолжалось. Народ продолжал упорно требовать, чтобы Август принял диктатуру или цензуру, желая видеть его облеченным всей полнотой быстрой и энергичной власти, и Август был, наконец, вынужден уступить. Он не хотел принимать ни имени, ни власти диктатора или цензора: он согласился, конечно, предполагая пользоваться этим только при заботе о продовольствии, чтобы сенат дал ему право издавать эдикты, как если бы он был консулом, всякий раз, как он найдет это нужным для общественного блага, т. е. чтобы та дискреционная власть надзора за провинциями, которую дали ему несколько месяцев тому назад, была распространена на Рим и на Италию.⁴ Следовательно, он был облечен полудиктатурой.

¹ Мне, по крайней мере, кажется, что так можно истолковать несколько неясное место Веллея Патеркула, II, XCIV, 3. Ср.: Sueton. Tib., 8.

² Velleius Paterculul, II, XCIV, 3.

³ Dio, LIV, 2.

⁴ Дион (LIV, 1—2), правда, не говорит нам этого, но такое предложение мне кажется вероятным вот по каким основаниям. Из *lex de imperio Vespasiani* (C. I. L., VI, 930, 17—19) мы знаем, что Август имел власть: *utique quaecumque ex usu reipublicae majestate divinarum humanarum publicarum privatarumque rerum esse censebit, ei agere facere juspotestasque sit ita, uti divo Augusto...* Дион нигде не говорит нам, когда Август получил эту власть; он забыл сказать нам это в удобный момент, и нам приходится искать место, где это было забыто или должно быть вставлено. Здесь, по моему мнению, момент всего более подходит. Впрочем, сам Дион упоминает о чем-то подобном, когда говорит, что Август мог отказаться от диктатуры: *τιν τε γαρ, εδουσαν και την τινην και ολερ δικτατορας εχων*. Эта фраза указывает на какую-то обширную власть над Римом и Италией, без чего непонятно было бы, как Дион мог говорить о том, что Август имел власть более могущественную, чем диктатор. Кроме того, мы видим, что не только в этот и последующий годы Август действует с цензорской властью ввиду неспособности обоих цензоров, назначенных народом, но мы видим, что он и в последующие годы действует с обширными полномочиями даже по отношению к вещам, не относящимся к цензуре, доходя до назначения своего рода губернатора в Риме и консула. Он не мог бы сделать это произвольно, не будучи уполномочен какой-нибудь законной формулой. С другой стороны, какой момент был удобнее для вотирования этого сенатского постановления, как не тот, когда весь народ хотел иметь Августа диктатором и негодовал на недостаточность двух новых цензоров? Этот акт являлся тогда в качестве компромисса и объяснялся неспособностью обоих цензоров. Общественное раздражение было так сильно, что Август, не желавший пожизненной диктатуры или цензуры, согласился принять ту обширную дискреционную власть, которая давала ему возможность в случае необходимости вмешиваться в италийские дела, как он мог уже вмешиваться в дела провинциальные.

Август как цензор Посреди этих волнений наступил конец 23 г. Никто, даже сам Август, не понял истинной важности этого года и вызванного голодом народного волнения, которое снова толкнуло государство к диктатуре, в то время как в начале года болезнь Августа направляла его к более строгим республиканским формам. Власть издавать эдикты, поспешно вотированная сенатом посреди криков голодной черни, есть зерно, из которого вышла деспотическая монархия. Это сперва совсем маленькое растение скоро сделалось могучим кустом и наконец гигантским деревом, которое покрыло своими ветвями всю империю. Но, что вполне естественно, современники, занятые только настоящим, не имели об этом никакого представления. У них, впрочем, достаточно было непосредственных забот, чтобы не слишком думать об отдаленном будущем. В начале 22 г. Марцелл захворал той же болезнью, от которой едва не умер в предыдущем году Август; но на этот раз Антоний Муза тщетно пытался применить лечение холодными ваннами: Марцелл, единственный мужской потомок Цезаря, умер.¹ Меры, которые принял *curator annonae*, и новый урожай постепенно прекратили голод; народ успокаивался; Август был затруднен своей полудиктатурой, с которой он не знал, что делать, или, скорее, которой он не хотел давать никакого употребления, в то время как оба избранных цензора, Мунаций и Павел, потерпели полную неудачу в своей миссии. Они начали свою деятельность ссорами, Павел вскоре умер, а Мунаций, со своей стороны, был человеком слишком порочным для того, чтобы исправлять нравы других; поэтому ни тот ни другой ничего не сделали.² Это было новым разочарованием для пуританской партии, раздражение которой было уже столь велико. Август обеспокоился им и, для того чтобы оно не вышло из границ, счел необходимым загладить хотя отчасти скандальную небрежность обоих цензоров, воспользовавшись своей полудиктаторской властью³ против наиболее важных злоупотреблений. Он запретил всадникам и сыновьям сенаторов появляться на сцене; он запретил некоторые публичные банкеты, а для других ограничил сумму издержек; чтобы воспрепятствовать магистратам соперничать в том, кто дает наиболее роскошные игры, он поручил

¹ Dio, LIII, 30. — Марцелл должен был умереть в 22, а не в 23 г., как обыкновенно думают. Веллей Патеркул (II, XCIII) действительно говорит нам, что Марцелл умер *ante triennium fere quam Egnatianum scelus erumperet*, а *Egnatianum scelus* было в 19 г. Место Плиния (N. H., XIX, I, 24) доказывает, что он умер после 1 августа 23 г., а не то, что он умер в 23 г.

² Velleius Paterculus, II, XCV, 3.

³ Сравнивая рассказ Диона (LIV, 2) с рассказом Веллея Патеркула (II, XCV, 3), видно очень ясно, как отдаленность во времени, поверхностное знание и идеи, заимствованные им из монархического режима, при котором он жил, изменили у Диона истину относительно управления Августа, заставив его впасть в ошибки относительно очень важных фактов. Дион говорит нам, что Август «несмотря на то, что были избраны цензоры, исполнял многие их функции». Поэтому кажется, что мы находимся перед фактом династической узурпации. Напротив, Веллей Патеркул, говоря нам то, что забыл Дион, — именно, что оба цензора по разным причинам оказались неспособными исполнить свою обязанность, — объясняет нам вмешательство Августа. Общество, так долго возлагавшее свою надежду на цензоров, должно было быть очень недовольно их неспособностью, и Август, как обычно, должен был стараться устранить это. Но в силу какой власти? Это было бы тайной, если не допустить, что в предыдущем году Августу было позволено издавать эдикты, имевшие силу законов, всякий раз, как он сочтет это нужным. Таковы были первые применения этой власти.

заботу об играх преторам; он назначил каждому из них известную помощь из сумм казначейства и определил для каждого одни и те же издержки; он ограничил число гладиаторов и занялся организацией команд для тушения пожаров, понимая, что нельзя заставлять народ оставлять гореть свои дома под тем предлогом, что аристократии ненавистен Эгнаций Руф, хотя сам критиковал действия Руфа. Он поручил тушить пожары курульным эдилам, дав им шестьсот рабов, т. е. штат более многочисленный, чем они до тех пор имели.¹

Тем временем между демократами и аристократами снова началась такая ожесточенная борьба по поводу Прима, что они втянули в нее Августа, желавшего оставаться беспристрастным зрителем. Прим не мог отрицать, что предпринял свою экспедицию без разрешения сената, но в свою защиту то говорил, что действует по приказанию Августа, т. е. главнокомандующего, то — что по приказанию Марцелла.² Очевидно, Прим выдумывал эти оправдания, ибо не осмелился вызвать Августа свидетелем,³ но он надеялся, что Август не опровергнет его. Впрочем, обвинители Прима так мало рассчитывали на поддержку Августа, что также не осмелились вызвать его в качестве свидетеля; все дело зависело от этого свидетеля, которого и обвинители и защитники ежедневно встречали на форуме и которого никто не хотел спросить. Но в день процесса Август сам явился перед трибуналом и в своем свидетельском показании утверждал, вопреки словам защитников, что он не давал никакого приказа правителю Македонии.⁴ Август, таким образом, прибавил осуждение Прима к серии уступок, при помощи которых старался заставить знать забыть о проскрипциях, Филиппах, конфискациях, гибели семейства Помпея и тирании триумvirата. И знать так обрадовалась этому вмешательству Августа, что сейчас же заставила сенат дать ему право созывать заседания сената по его желанию, как если бы он был консулом.⁵

Демократическая партия была очень раздражена, но дальнейшие события в точности неизвестны. Август, кажется, был предупрежден неким Кастрицием,⁶ потому что Мурена, Фанний Цепион и другие вожди демократической партии, за исключением, однако, Эгнация

¹ Dio, LIV, 3.

² Ibid., LIV, 2.

³ Август действительно *ἔξ τε τὸ δικαστήριον ἀπελαγμένος ἦλθε*. Dio, LIV, 3.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Sueton. Aug., 56. — Так как заговор Мурены не мог быть в 23 г., то он должен быть в 22 г.; следовательно, Мурена не был консулом 23 г., умершим до вступления в должность, и фрагмент консульских фаст, относящийся к нему, должен быть пополнен таким образом: *antequam iniret, mortuus est*. Я не могу присоединиться к противоположному мнению Vagliari (Rendiconti dell'Accademia dei Lincei, 19 decembr. 1897, 551 сл.), главным образом, по двум основаниям: 1) потому что Веллей Патеркул (II, XCIII) говорит нам, что смерть Марцелла последовала *circa Murenae Caepionisque coniurationis tempus*, а мы видели, что Марцелл умер в 22 г.; 2) потому что Дион (LIV, 3) ясно говорит нам, что заговор образовался по причине процесса Прима и, следовательно, после него. Между тем процесс Прима, несомненно, происходил тогда, когда Август не был более консулом; это так верно, что обвинители Прима заставили дать ему право созывать сенат, которое было правом консулов. Если бы он был консулом, то это новое право было бы для него бесполезным, так как он уже имел бы его. Наконец, когда Август отрекся от консульства, его товарищем был Кальпурний Пизон, поэтому вероятно, что Мурена тогда уже умер.

Руфа,¹ в негодовании на сделанное им показание составили заговор, чтобы убить его, подобно Цезарю. Точно нельзя сказать, был ли этот заговор серьезным или дело шло о каком-нибудь легкомысленном проекте, выраженном тотчас после процесса Прима в порыве гнева.² Напротив, достоверно, что Август, открывший это Меценату, сперва был склонен прекратить дело. Но оно получило огласку, как кажется, по вине Мецената и его жены, которая была сестрой Мурены.³ Снова вокруг личности принцепса разгорелась жестокая свара ненависти, преследований, клеветы и мстительности. Август, вследствие своей трибунской власти, был неприкосновенен: заговор против него был поэтому одним из наиболее тяжких святотатств. Общество, преклонявшееся перед Августом и сделавшееся очень благочестивым, совершенно потеряло голову и, не желая подробнее рассматривать вину или невиновность каждого, требовало только осуждений. Обвинять заговорщика сделалось модой и верным способом без большого труда приобрести популярность; достаточно было неопределенного указания, ложного свидетельства, каких-нибудь пустяков для того, чтобы уличить мирного гражданина в замыслах об убийстве. Партия знати тотчас воспользовалась этим, чтобы уничтожить последние остатки народной партии; все честолюбивые люди, склонные к новым консервативным идеям, выбирали себе противника и обвиняли кого-нибудь; заговор против Августа сделался предлогом для дикого преследования, в котором последний взрыв злобы гражданских войн был обращен против нескольких почти невинных жертв. Серьезные и мужественные люди осмеливались сопротивляться этому общему безумию, или протестуя против бездоказательных обвинений, или отказываясь обвинять, когда были судьями, или выказывая симпатию к обвиненным;⁴ но их протесты не имели никакого результата. Этими обвинениями много молодых людей воспользовались как средством публично заявить о своей принадлежности к новой партии знати, которая хотела разрушить демократическую традицию и восстановить, насколько возможно, древнюю аристократическую и консервативную политику. В числе их был Тиберий, выступивший с обвинением Цепиона.⁵

Август покидает Рим, сопровождаемый сожалениями

Август не возбуждал к преследованию, но и ничего не делал, чтобы остановить его; он был так утрачен этим народным бешенством и легкостью, с которой осуждали виновных и невинных, что предложил закон, по которому с этих пор для обвинения нужно было единогласное голосование.⁶ Потом он поспешил уехать. В Риме для него была более серьезная и более постоянная опасность, чем козни заговорщиков; это было народное преклонение, беспрепятственно преследовавшее его, избравшее его консулом на 21 г., несмотря на его протесты, и принуждавшее его каждую минуту пользоваться его диктаторскими правами. Уступая просьбам, а еще

¹ Эгнаций не был замешан в процессе; действительно, мы встретимся с ним позже.

² Дион (LIII, 3) говорит нам, что многие не считали серьезным ни заговор, ни обвинение.

³ Sueton. Aug., 66.

⁴ Dio, LIV, 3.

⁵ Sueton. Tib., 8.

⁶ Dio, LIV, 4.

более необходимости, он должен был действительно еще раз прибегнуть к ним в не столь важном, но весьма настоятельном деле. Повсюду в Италии жаловались на таинственное исчезновение людей, которых, как говорили, во время революционной анархии захватывали бесовестные собственники, чтобы запереть их в тюрьмах; повсюду говорили, что в те годы, когда партии набирали столько легионов, многие собственники открыли свои темницы молодым людям, желавшим избежать набора, предлагая выдать их за своих рабов, но что затем они обратили их действительно в рабов. Убежденный, что обычные магистраты не смогут ничего сделать, Август, который уже мог поздравить Тиберия с успехом его продовольственной миссии, поручил ему осмотреть тюрьмы, расспросить рабов и выпустить свободных людей, которых он смог найти.¹ Наконец, отказавшись от консульства и возвратив сенату Нарбонскую Галлию и Кипр, Август во второй половине 22 г. уехал из Рима, убегая, так сказать, от своей диктатуры. Он отправился на Сицилию, где хотел сделать первую остановку, чтобы окончательно устроить в различных прибрежных городах, числа и имен которых мы точно не знаем, колонии своих акционных ветеранов.² Но диктатура еще раз попыталась преследовать того, кто бежал от нее. Пока Август занимался этими колониями, к нему явилась делегация выдающихся граждан, прибывших из Рима, с просьбой возвратиться туда. Так как нужно было избрать консула на оставленное им место и так как явились два кандидата — Квинт Лепид и Марк Силан, то снова разразились крупные беспорядки, которых не могли подавить, а поэтому нельзя было приступить к выборам. Опять нуждались в Августе, как всегда во всем и для всего: он был торговцем хлебом, государственным банкиром, завоевателем, смотрителем за дорогами и начальником полиции. Оба кандидата также отправились к нему, вслед за депутатией, с целью защитить свое дело. Но Август не захотел вернуться; к обоим кандидатам он обратился с упреками и приказал им вернуться в Рим только после выборов. Его увещания остались бесполезны; беспорядки возобновились, как только снова попытались приступить к выборам, и новый консул не был выбран к 1 января 21 г. Август понял, что нужно что-нибудь предпринять, и, решившись снова в более широком размере воспользоваться своей дискреционной властью, отправил в Рим Агриппу в качестве правителя. Смерть Марцелла снова сблизила обоих старых друзей; затруднения в Риме окончательно побудили Августа примириться с Агриппой; он выдал за него замуж Юлию, вдову Марцелла, и в силу своих дискреционных полномочий дал ему управление Римом, от которого в 26 г. по истечении шести дней отказался Мессала. Делая Агриппу своим зятем, он возбуждал его усердие и давал большой авторитет перед народом.³ Затем, весной 21 г., он отплыл в Грецию. Несмотря на все его усилия вернуть жизнь старой конституции, несмотря на возвращение к аристократичес-

¹ Sueton. Tib., 8.

² Dio, LIV, 6—7; Plin. N. H., III, VIII, 8; C. I. L., X, 7345; Strabo, VI, II, 5.— Мы знаем только, что в тот год была основана колония в Сиракузах. Относительно же того, основал ли Август колонию в Палермо, существует разногласие.

³ Dio, LIV, 6.

кому духу и к культу республиканской традиции, Август принужден был брать на себя и выполнять неоднократно диктаторскую власть; и чтобы не сделаться окончательно диктатором, у него не было другого средства, как убежать подальше.

Путешествие тому ли, что, как дает понять одно место Диона, парфянский царь, Август получив своего сына, слишком медлил с выполнением принятых на на Восток себя обязательств, или потому, что Август хотел малоопасного театрального выступления, которое могло бы ослепить Италию, он решился вторгнуться с армией в Армению. Он знал, как легко разрушались мелкие восточные монархии; если после вступления римской армии в Армению парфянский царь пришлет ему знамена и пленных, то легко будет заставить Италию поверить, что Август своим вторжением в Армению принудил парфянского царя просить дружбы Рима.

V

Восток

Греция перед римским завоеванием.— Греция и римское завоевание.— Греция во втором веке республики.— Неспособность Рима вылечить бедствия Греции.— Театральный кризис в Риме.— Сирийские пантомимы.— Пилад из Киликии.— Храм Рима и Августа в Пергаме.— Малая Азия.— Промышленные города и греческие республики побережья.— Земледельческие монархии плоскогорья.— Культ Митры и культ Кибелы.— Единство Малой Азии.— Азиатский эллинизм и азиатские религии.— Греческие республики и азиатская монархия.— Малая Азия после столетия римского господства.— Общая слабость, кризис и беспорядки.— Кризис эллинизма и иудеи.— Распространение иудеев на Востоке.— Культ Рима и Августа в Малой Азии.— Эллинистическое возрождение.

Когда в 146 г. до нашей эры Рим объявил Грецию римской провинцией, эта страна уже давно катилась по наклонной плоскости после общего упадку. Ее сухопутные и морские владения постепенно римского отпали; ее торговое господство исчезло; ее капиталы были истрачены завоеваниями и ее промышленность разорена; ее науки и искусства находились в упадке; наконец, все источники ее древнего богатства иссякли. В Лаконии исчезли все кузницы, выделывавшие столько мечей, копий, шлемов, буравов, пил и молотов;¹ некогда столь деятельные и знаменитые бронзолитейни Аргоса закрылись;² закрылись и мастерские некогда столь славных художников Сикиона;³ Эгина постепенно потеряла свою морскую торговлю и закрыла свои знаменитые бронзолитейни, где уже не выделывались более мелкие бронзовые предметы, ранее бывшие ее специальностью;⁴ все чудесное богатство Афин было погребено под развалинами их морской империи. Их морская торговля умерла в тот день, когда, потеряв власть над морями, оказалось более невозможно поддерживать ее всякого рода привилегиями; республика должна была прекратить свои огромные расходы на флот, армию, общественные работы, когда лишилась подати союзников; вместе с афинской империей рухнула и та система клерухий и территориальных владений, благодаря которым афиняне могли потреблять в Афинах продукты разбросанных повсюду полей,

¹ Об этой индустрии, о которой уже не было более воспоминаний во времена империи, говорит Ксенофонт (Hell., III, III, 7).

² Pindar. у Atheneus, I, 50 (28); I, 49 (27D); Pollio, I, 149; Aelianus. Var. Hist., III, 25.— Впоследствии не было воспоминаний об этой индустрии.

³ Plin. N. H., XXXVI, IV, 1; Strabo, VIII, VI, 23.

⁴ Blümner. L'Attività industriale dei popoli dell'antichità classica in Biblioteca di Storia Economica. Milano: Società Editrice Libreria, vol. II, pt.1, 592.

лесов и рудников. Результатом этого был общий упадок; кораблестроение в пирейских доках упало, как и оружейное мастерство; миновала слава тех краснофигурных и чернофигурных аттических ваз, которыми Афины в течение веков украшали дома богачей во всех странах Средиземного моря; серебряные рудники Лавриона, первый источник афинского богатства, были истощены, и таким образом оскудели и почти исчезли все ремесла и искусства, работавшие на потребности и на роскошь Афин. Цветущий город, метрополия обширной империи и значительный торговый центр, сделался не более как опустевшей столицей небольшой страны в 40 квадратных миль, которая могла вывозить немного масла, немного меда, немного мрамора и некоторые пользовавшиеся известностью благовония, последние остатки той обширной торговой империи, скипетр которой некогда был в ее руках.¹ Посреди этого всеобщего упадка один Коринф пользовался благополучием благодаря своей торговле и своей индустрии.

Экономический упадок Падение крупных торговых и промышленных городов косвенно разорило всю Грецию; земледелие не приносило более выгоды, и ремесленники второстепенных городов не находили более работы; но в то же время повсюду, в самых отдаленных деревнях как мелких, так и крупных республик, по мере обеднения нации жители бросали земли и стремились в города, где с новой силой, вместо того чтобы исчезнуть, продолжали развиваться все пороки, порожденные богатством: роскошь, страсть к наслаждениям, алчность, страсть к игре, дух интриги и соперничества, муниципальная гордость. Таким образом, ужасное внутреннее зло терзало Грецию до римского завоевания. Чтобы сохранять за городами их искусственный блеск, платить художникам и рабочим, поддерживать атлетические школы, большие игры и интеллектуальные традиции, чтобы удовлетворять честолюбие бесчисленных политических олигархий крупных и мелких городов, Греция легкомысленно расточала все богатства, накопленные предками; она закладывала и компрометировала свое будущее. Партии и города, как бы пародируя свое бывшее могущество, бросались в войны и революции, в грабежи и насилия; эти войны, эти революции, оргии, наслаждения, частная и публичная роскошь еще более разоряли все области; безбрачие и долги — эти два ужасных бича античного мира, которые даже в наиболее цветущие эпохи всегда заставляли его страдать от недостатка капиталов и редкости населения, — вносили опустошение даже в деревни. Постепенно крупные поместья, населенные рабами, или даже пустыри заняли место некогда густонаселенных областей, в то время как в городах, несмотря на отчаянные усилия, искусство умирало; нравы развращались; учреждения гибли; нищета и расточительность, всегда связанные друг с другом, проникали во дворцы вельмож, в дома купцов и в бедные хижины поселян.

Результаты римского завоевания По этому гибельному склону скользила Греция, когда Рим занес над ней свою руку, но не для того, чтобы поддержать ее в момент ее падения, а чтобы еще скорее сбросить в глубину бездны. Если хотят понять, чем была в действительности Римская империя, пусть освободятся от одного из наиболее распространенных и застарелых

¹ См.: Blümner. Op. cit., 562 сл.

заблуждений, состоящего в вере, что Рим управлял своими провинциями, придерживаясь широких взглядов, надзирая за общим благом и руководясь мудрыми и благотельными принципами, имевшими в виду, главным образом, благо подданных. Никогда ни Рим, ни какая другая империя не управляли покоренными странами с такими взглядами; только в очень редких случаях чье-нибудь господство бывает выгодно для подданных; напротив, повелители всегда стараются извлечь наибольшую выгоду с наименьшим риском и усилиями. Рим в действительности оставлял в Греции, как и во всех покоренных странах, положение дел в их естественном течении, безразлично к добру или злу, до тех пор, пока это не было для него опасно или убыточно. Разрушая Коринф, последний великий торговый и промышленный город Греции, он заставлял эту страну жить умеренными ресурсами своей территории и теми жалкими средствами, к которым прибегают гибнущие народы. Греция принуждена была эксплуатировать свои древности и свои памятники, показывая их иностранцам, и извлекать прибыль из чудесных исцелений Эпидавра. Потом он разделил всю Грецию на бесконечное множество мелких государств, большинство которых охватывало только территорию одного города; лишь Спарта, Афины и несколько других городов сохранили независимость и несколько более обширную территорию: Спарта — часть Лаконии, Афины — всю Аттику и несколько островов. Связанные с Римом союзными договорами, эти города продолжали управляться своими древними учреждениями и законами, не платя никакой подати и не подчиняясь власти чужеземного правителя. Остальная территория была включена в Македонию и разделена на очень большое число городов, плативших подать и управлявшихся каждый по своим законам и своими учреждениями, но под наблюдением правителя и римского сената. Таким образом был установлен порядок в стране, ранее терзаемой столькими войнами и революциями. К несчастью, порядок, когда он является результатом не естественного внутреннего равновесия, а внешних сил, есть не что иное, как оцепенение, вызванное наркотическим средством, уничтожающим на мгновение боль, но увеличивающим болезнь; поэтому рах Ромула не возродил Грецию, он не принес ей даже значительных выгод, ибо то немногое, что мир сберег, было разграблено Римом. Сперва большая война с Митридатом, потом гражданские войны тридцати последних лет, налоги, грабежи, подати, налагаемые партиями в добавление к обыкновенным контрибуциям и ростовщичеству откупщиков, довели Грецию до смертельного изнеможения, обременяя новыми долгами и так уже обремененную крупную собственность, лишая мужества мелких собственников, уменьшая население, ослабляя уже и так поколебленные правительством и расхищая последние капиталы. К моменту прибытия Августа в Грецию даже сокровищница храма в Дельфах была пуста. Недавно столь богатая, прекрасная и могущественная Греция, мать эллинизма, ходила теперь по миру, прося милостыню, в числе других рабов Рима, дряхлая, отвратительная, в лохмотьях, покрытая язвами.

Если бы мечта людей, желавших украсить мир по своему же- Неспо- ланию, могла исполниться, если бы власть человека над человеком собность могла измениться в ущерб властелину и к выгоде для побежденных, Рима то Август мог бы попробовать сделать чудеснейшее предприятие облегчить в римской истории — возрождение Греции. Как ни велико было бедствия

восхищение Августа стихами Вергилия, все же не из них он черпал свою политическую мудрость. Он слишком хорошо знал, что могущество Рима весьма ограничено по сравнению с его именем и что империя отчасти покоится на огромном заблуждении покоренных народов, которые, будучи разделены, невежественны и лишены храбрости, воображают Рим гораздо сильнее, чем он был на самом деле. Он не забывал, что в большинстве провинций Рим не мог содержать войска; что он уже с трудом посылал всякий год в каждую провинцию по правителю и по несколько бессильных чиновников; что нигде он не может ввести, как некогда сделал в Италии, свои законы, свою религию, новые учреждения или какой-либо моральный принцип, который прочно привязывал бы страну к метрополии; и почти повсюду вынужден довольствоваться тем, что управлял подчиненными народами при помощи их старых национальных учреждений. Он знал поэтому, что не мог почти ничего сделать для Греции и что она была страной, в которой ему было бы всего труднее применить великий совет Вергилия: *pacis... popere popem*. С материальной стороны великим бичом Греции была бедность, имевшая много причин: долги, уменьшение населения, недостаток капитала, падение промышленности. Но Рим делал все что мог, работая над восстановлением Коринфа с целью смягчить эти бедствия, помимо же этого Греция для восстановления своего богатства могла рассчитывать только на собственные силы. Впрочем, нельзя сказать, чтобы у нее совсем не было средств для возрождения. Ей их давали ее прошлое и ее территория. Коринф, например, поднялся быстро не только благодаря римской помощи, но также и потому, что открыли в оставленных Муммием развалинах целые копи древностей, которые продавали очень дорого, главным образом в Рим. Таким образом можно было восстановить новый город из остатков пепла старого.¹ Точно так же элидские собственники начали возделывать текстильные растения: коноплю, лен, хлопчатник; много женщин поселилось в Патрах, чтобы прясть эти материалы и особенно превосходный виссон, который начали вывозить.² Кроме того, во многих местностях Греции росло дерево Паллады, олива, а в древности это было дерево с золотыми плодами, ибо оливковое масло имело самое разнообразное употребление: его употребляли как приправу, для освещения, как лекарство, вместо мыла и мази, особенно в гимназиях, в банях, в школах атлетов. К несчастью, бедность Греции была следствием не одних внешних обстоятельств; она происходила и от многочисленных моральных пороков, общественных и частных, как-то: роскоши, распущенности, порчи нравов, подкупности, смеси гордости и гражданской индифферентности, духа сутяжничества, недостатка честности, господства небольшой кучки богачей и низости бедняков, составлявших большинство. И Греция, и Рим были одинаково бессильны

¹ Strabo, VIII, VI, 23.

² Pausanias, V, V, 2; VII, XXI, 14.— Что эти культуры начались в Греции именно в эту эпоху, по моему мнению, весьма вероятная гипотеза по двум основаниям: во-первых, в эту эпоху, как мы увидим, много других аналогичных попыток было сделано в разных частях империи; во-вторых, если в 14 г. до Р. X. Август устроил колонию в Патрах, то этот город должен был уже показать некоторые признаки будущего процветания и что, следовательно, в нем уже была текстильная промышленность, как раз являющаяся причиной этого процветания, а следовательно, в Элиде должно было уже начаться возделывание текстильных растений.

против этих пороков. Время от времени Рим мог обуздывать некоторые наиболее вопиющие злоупотребления, но он не мог исправить пороки, коренящиеся в национальных учреждениях, которыми должны были пользоваться римские правители; в традициях, которые они должны были почитать; в интересах, которые они не могли нарушать, и в умах, которые было опасно оскорблять.

Пребывание Августа в Греции было для него только этапом в Политика его путешествии, конец которого был неблизок, а цель совершенно Августа иная. В Македонии приготавливали армию, которую он должен был в Греции летом или осенью перевести в Азию, чтобы следующей весной она вторглась в Армению одновременно с армией, предводительствуемой царем каппадокийским Архелаем. Август со своей немногочисленной и скромной свитой явился в опустошенную провинцию не с тем, чтобы отнять последнее рублище у жалкого нищего, бродящего по дорогам мира как символ бренности человеческого величия; он пришел и не для того, чтобы восстановить его жилище, применяя поэтическую политику Цицерона и Вергилия; он пришел за тем, чтобы приспособить к новым временам старую греческую политику Тита Квинкция Фламинина и аристократической партии, политику, состоявшую в сокрытии бессилия Рима под преувеличенным почтением к греческой свободе и предоставлении Греции разлагающему влиянию ее пороков, так, чтобы она могла винить в своих бедствиях скорее самое себя, чем Рим. Во время своего пребывания в Греции Август выполнил много реформ и составил проект еще других, выполненных позже; цель их была смягчить политику угнетения, которой следовали в прошлое столетие, и вернуть Греции некоторые следы, или, скорее, призраки, ее прежней свободы.¹ Он отделил Грецию от Македонии, образовав из нее под названием Ахайя одну провинцию, охватывавшую Фессалию, Эпир, Ионийские острова, Эвбею и несколько островов Эгейского моря. Правитель этой провинции должен был жить в Коринфе.² Он реорганизовал старый совет амфикитионов, ежегодно собиравшийся в Дельфах, заседания которого некогда были так торжественны, и постарался устроить сейм, на который должны были посылать по одному представителю все города новой провинции Ахайи и который должен был собираться ежегодно.³ Он дал свободу многим городам, в том числе союзу лакедемонских городов, занимавших южную часть Лаконии.⁴ Он точно установил границы территории Афин и Спарты и запретил Афинам продавать, как они делали, звание гражданина: несчастный город действительно слишком злоупотреблял этим низким средством.⁵

¹ Я отношу сюда очень справедливое замечание Герцберга из *Histoire de la Grèce sous la domination romaine* (Traduction française de Bouché-Leclercq. Paris, 1887, vol. 1, 465): «Август принял ряд мер, окончательно определивших положение некоторых греческих городов; это произошло между 22 и 19 гг. до Р. X., когда император объехал большую часть восточных провинций империи и дал окончательную форму провинциальному управлению... К несчастью, мы знаем содержание и дату только немногих из этих мер». Так как невозможно определить дату всех этих мер, то я гипотетично отношу их к этому путешествию.

² См.: Hertzberg. *Op. cit.*, 464 сл.; утверждение, что это разделение было сделано в данный момент, — только гипотеза.

³ Hertzberg. *Op. cit.*, 474 сл.; Mommsen. *Provinciae romanae da Cesare a Diocleziano*. Roma, 1887, vol. I, 244.

⁴ Pausanias, III, XXII, 6.

⁵ Dio, LIV, 7.

Податей Август, кажется, не увеличил: провинция была для этого слишком бедна; напротив, он, по-видимому, постарался извлечь выгоду из тех имуществ, которыми республика владела в Греции; крупной лаконской фамилии, тому Евриклу, который сражался вместе с ним при Акции, он дал, конечно при условии уплаты известной подати (vectigal), остров Киферу, бывший собственностью государства.¹ Затем, осенью 21 г., когда армия стала переправляться через Босфор и вступала в Вифинию, он отправился на Самос, где рассчитывал провести зиму, подготавливая экспедицию в Армению и наблюдая за малоазийскими делами.

Борьба в Риме по поводу театра В это время Агриппа женился на Юлии, и Рим после последних волнений снова успокоился.² Но едва прекратились уличные беспорядки, как в метрополии возгорелась новая война — война между актерами, имевшая полев битвы римские театры. Окружавшая Августа аристократия выскочек, чтобы скрыть свое недавнее происхождение, выказывала сильное преклонение перед прошлым Рима; снова пыталась пустить в ход театр Энния, Невия, Акция, Пакувия, Цецилия, Плавта, Теренция, другими словами, греческий театр, которому подражали эти римские писатели. Теперь считалось гражданским долгом тесниться на представлениях классических вещей, шумно аплодировать, громко заявлять при всяком удобном случае, что никогда не напишут ничего лучшего, что нужно вернуться к национальному театру, распространявшему среди народа моральные и патриотические идеи. Все добрые граждане должны были работать над этим благородным предприятием. Самому Горацию советовали надеть котурны; но Гораций был умеренный гражданин; некогда при Филиппах он бросил свой щит, а теперь не имел никакого желания выступать на сцене под свистки римской публики.³ Еще хуже было то, что он умел критиковать этих, столь почитаемых, старых авторов; их стихи, по его мнению, были нескладны, их язык груб и нечист.⁴ По счастью, не было недостатка в гражданах, более ревностных, чем Гораций, которые для блага республики готовы были делать все, даже писать трагедии. Много их написал Азиний; сам Август составил или набросал по крайней мере одну под названием «Аякс»,⁵ хотя вообще он предпочитал ободрять других денежными подарками. Он дал, например, очень значительную сумму Луцию Вару Руфу за его «Тиеста», которого все считали образцовым произведением.⁶ Писатели из среднего класса, ставшие своим пером приобрести расположение знатных лиц, также писали многочисленные пьесы. Таков был тот Кай Фунданий, чьи трагедии иногда забавляли Горация,⁷ и, без сомнения, многие другие, чьи имена не дошли до нас. Но в то время как столько римлян старались

¹ Dio, LIV, 7.

² Hor. Epist., II, I, 44 сл.

³ Ibid., 177—193.

⁴ Ibid., 156—176.

⁵ Sueton. Aug., 85.

⁶ См.: Teuffel-Schwabe. Geschichte der römischen Litteratur. Leipzig, 1890, Bd I, 480, § 2.

⁷ Hor. Sat., I, X, 40, и Comm. Porph.: Solum illis temporibus Fundanium dicit comediam bene scribere at Pollionem trageediam, quae trimetris versibus fere textitur, epicum autem carmen validissime Varium, molle vero ait et elegans Vergilium. Sed apparet, cum hoc Horatius scriberet, sola adhuc Bucolica et Georgica in notitia fuisse.

в благородных ямбических стихах представить величие Аякса, Ахилла и Тiestа, с Востока прибыли Пилад из Киликии и Бафил из Александрии, в тот же год поставившие новый вид театральных представлений, еще неизвестный римлянам, — пантомимы.¹ Невидимые голоса, сопровождаемые приятной музыкой, в песнях излагали рассказ; актер, мим, с лицом, покрытым грациозной маской, одетый в красивый шелковый костюм, подражал с размеренными жестами сцене, рассказываемой невидимыми голосами; когда сцена оканчивалась, актер исчезал и, пока внимание зрителей занималось приятной музыкальной интермедией, переменил костюм, из мужчины становился женщиной, из молодого человека стариком, из человека — богом и возвращался, чтобы передать своими жестами следующую часть рассказа. Мимы обыкновенно выбирали свои сюжеты из бесчисленных приключений эллинских богов, из гомеровских и киклических поэм, из древних греческих мифов, популяризованных трагедий, отдавая предпочтение чувственным эпизодам и страшным катастрофам, вроде безумия Аякса. Иногда произносимые ими стихи были написаны известными поэтами; но их главной целью, подчинявшей себе стихи и музыку, было шекотать или потрясать нервы зрителей большим числом различных сцен, трагических или комических, целомудренных или чувственных, нежных или ужасных, связанных между собой тонкой нитью плана. Таким образом, не нужно было делать никаких усилий, чтобы понимать и наслаждаться спектаклем; достаточно было смотреть и слушать, следя за ежеминутно убегающими деталями, которые можно было немедленно забывать. Если считать, что произведение искусства тем совершеннее, чем более оно походит на живое тело, от которого нельзя отделить никакого члена, и чем более оно выражает вечных истин в человеческих лицах, то нельзя не смотреть на эти пантомимы как на совершенно выродившееся произведение по сравнению с настоящей трагедией. Но они так нравились римской публике, что Пилад скоро сделался идолом народа. Изысканным умственным наслаждением, требующим известной умственной работы, которые могли дать великие классические произведения, общество предпочитало легкое и чувственное удовольствие пантомим, доказывая этим пустоту разращенного мира; но, может быть, не было вины в предпочтении живых, подвижных и колоритных мимов современным им трагедиям, с трудом подражавшим великим образцам, важность которых они сохранили, не имея их поэзии, и становившимся, таким образом, одновременно тяжелыми и скучными.

Но авторы этих скучных трагедий, национальные актеры, почтенные и серьезные люди воздевали руки к небу и энергично протестовали: как! Пилад из Киликии и Бафил из Александрии прогоняют из римских театров Акция и Пакувия! И, конечно, эта маленькая театральная революция не была такой пустой вещью, какой часто ее представляют. Она показывала, как в театрах, точно так же как в нравах и управлении, факты идут совершенно вразрез с людскими намерениями. Хотели во всем вернуться к старым римским традициям, а получили только восточные новости. Противоречие делалось все более и более резким. Но если Август думал, что общественные

Август
в Пергаме

¹ St. Heironymus ad Chron. Euseb., an. 732/22.

спектакли вполне заслуживают внимания главы государства, то в эту эпоху он все же не мог заниматься римскими актерами и их ссорами, ибо сам старался дать малоазийским народам на более обширной сцене совершенно иной спектакль, чем мимы Бафила и Пилада; он готовился живым взойти на небо, совершенно подобно актеру, поднимаемому остроумно придуманной машиной на воздух в заключительной сцене какого-нибудь великого спектакля. Почтение Азии принуждало его взойти на старый и очень расшатанный аппарат, который уже возносил к облакам египетских царей, и предпринять довольно опасное воздушное путешествие. Как кажется, 25 ноября он высадился на Самосе,¹ у врат древних монархий Пергама и Вифинии, т. е. тех двух провинций — Азии и Вифинии, которые после Акция просили у него позволения воздвигнуть ему, подобно своим древним царям, два храма в своих столицах, Пергаме и Никомерии. Постройка храмов еще не была окончена,² тем не менее Август нашел, что его культ быстро распространяется по всей греческой Азии. Пергам не только работал над окончанием пергамского храма и организовал вокруг него культ Августа наподобие культа Зевса, но и привлек к этой задаче всю Азию, *ἡσίαν*, *Ἀσίαν*, сейм азийских городов, который собирался уже в эпоху Антония. Пергам желал, чтобы храм выражал набожность не одного города, а целой страны.³ И действительно, вся Азия с жаром отдалась новому культу и новому богу; во многих городах понимался вопрос об устройстве торжественных игр в честь Рима и Августа; в других городах, например Миласе,⁴ Нисе,⁵ Митилене,⁶ занимались постановкой алтарей и храмов принцепсу Римской республики; в Алабанде присоединили его культ к культу одного из городских божеств. Митилена в одной надписи говорит, что ни в коем случае «тот, кто низок по участи и по природе, не может равняться с существами, которые имеют божественное сияние и превосходят богов»; она, кажется, находит, что недостаточно одной дивинизации, и торжественно обещает не пренебрегать ничем, чтобы сделать Августа еще более божественным, если к этому представится удобный случай.⁷ Другая надпись, к несчастью, поврежденная, содержит декрет, устанавливающий культ Августа, неизвестно в каком городе, и решает, чтобы доски, на которых награвирован декрет, были помещены не только в пергамском храме, но во многих городах империи. Имена некоторых из них можно прочесть: Акции, Брундизий, Тарракона, Массалия, Антиохия Сирийская.⁸ Азийским городам было недостаточно обожать президента латинской республики; они хотели также, чтобы всюду знали об их благочестии, как бы побуждая другие на-

¹ См.: Gardthausen. *Augustus and seine Zeit*. Leipzig, 1891, Bd II, 466, пр. 3.

² Одна монета (Cohen, I², 75, № 86) указывает нам, что пергамский храм был освящен во второй половине 19 или в первой половине 18 г.

³ Что храм, предположенный сначала Пергамом, построил *καὶὸν Ἀσίαν*, доказывает важная надпись, найденная в Митилене, — I. G. I., II, 58: [ἐν τῷ ναῶι κατασκευασμένῳ ὑπὸ τῆς Ἀσίαν, и монетами, указанными у Cohen, I², 75, № 86; храм имел шесть колонн с надписью на архитраве: *Rom. et Aug.*, а рядом — *Com[mune] Asiae*. Это важный факт, доказывающий, что культ Августа возник из широко распространенного общественного настроения.

⁴ C. I. G., 2696.

⁵ Ibid., 2943.

⁶ I. G. I., II, 58, B.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., A.

роды освятить таким же способом свои цели, меняя свое рабство на религиозную обязанность.

Скептический политик падающей республики, племянник ростов-Имперашика из Веллетр, был обожаем наравне с Зевсом, Аресом, Герой, и торский это в той Малой Азии, том опасном Эльдорадо, где Рим находил со-культ и кровивица и страшные поражения, которую он приобрел, не ударив положение палец о палец, и которую мог сохранить, только пролив потоки крови. Малой Август в эту зиму, вероятно, был занят, главным образом, парфян-Азиискими делами и экспедицией в Армению, которая должна была начаться весною; но он должен был найти время обдумать, чего требовали от него восточные народы в обмен на этот культ и эти храмы. Это был совершенно новый культ. Даже во времена монархии обожествление живых царей практиковалось, кажется, только в Египте, между тем как в Малой Азии для помещения государей в число богов ожидали их смерти. Почему это египетское растение, которое никогда не могло приняться в Малой Азии, внезапно так быстро пустило там корни? Почему в то время, когда в Италии старались восстановить республиканские учреждения, этот культ живых властителей, высшее преувеличение династического чувства, так быстро распространялся между малоазийскими греками, подобно плющу прицепляясь к личности первого магистрата новой республики? Высадившись в Малой Азии, Август ступил ногой в одну из трех больших промышленных областей античного мира, которыми были Малая Азия, Сирия и Египет. На берегах Малой Азии, являющихся рядом заливов и мысов и по климату и культуре схожих с берегами противоположащей Греции, в плодородных речных долинах, простирающихся по направлению к плоскогорью, в областях, соответствующих древним царствам Пергамскому и Вифинскому, после македонского завоевания возникло на территории, населенной фригийцами, карийцами, ликийцами и мезийцами, большое число греческих городов. Они сделались фабричными центрами, продолжая каждый управлять своей областью при помощи классических учреждений греческих республик; существовали: еkkлeсия, или собрание всех граждан; булэ, или городской совет, избиравшийся народом; стратеги, архонты, пританы, наконец, магистраты, носившие разнообразные имена и избиравшиеся народом для ведения общественных дел. Сарды, столица Лидии, вывозили во все страны красивые вышитые шерстяные одеяла¹ и пурпур, менее, быть может, ценный, чем тирийский, но также очень известный;² Тиатира была центром приготовления пурпурных тканей;³ Пергам был известен своими занавесами, своими шитыми золотом одеялами⁴ и тем материалом, соперником папируса, который называется пергаментом;⁵ пурпуровые ткани готовились и в Милете; там же ткали шерстяные ткани, одеяла для постелей и занавесы для дверей;⁶ Траллы фабриковали и вывозили керамические изделия,⁷ так же как

¹ Athen., VI, 67 (255).

² Plin. N. H., VII, LVI, 196.

³ Act. Apost., XVI, 16; С. I. G., III, 3496 (Βαφεῖς). — Другие надписи, где упоминается текстильная промышленность Фиатиры, см.: С. I. G., 3480 и 3504.

⁴ Valer. Maxim., II, I, 5; Plin. N. H., XXXIII, III, 63; XXVI, XV, 115; XXXVII, I, 12.

⁵ Plin. N. H., XIII, XI, 70.

⁶ Servius ad Verg. Georg. III, 306; Athen., XI, 72 (486); XV, 42 (691); Plin. N. H., VIII, XLVIII, 190.

⁷ Plin. N. H., XXXVI, XII, 161.

и Книд;¹ алабандские хрустальные изделия повсюду пользовались известностью;² Лаодикея изготовляла и продавала различные шерстяные ткани, носившие ее имя;³ Гиерополю давали известность и богатство его красильни;⁴ Родос ежегодно грузил на свои суда бесчисленные амфоры, наполненные своим знаменитым вином,⁵ и изготовлял также в большом количестве оружие и железные инструменты;⁶ Кос вывозил вино и один, может быть, из всех античных городов прял, ткал и красил шелк;⁷ Самос торговал маслом,⁸ Хиос — своим знаменитым вином и своими мазями.⁹ Таким образом, корабли этих городов развозили по всем странам античного мира вино, ткани и другие товары и возвращались в гавани Эгейского моря, привозя много золота и серебра в монете и слитках. Это золото и серебро постепенно распространялось вдоль берегов по домам купцов и ремесленников, по деревням, по красивым жилищам собственников и по крестьянским хижинам, поднимаясь по долинам рек в области плоскогорья. После Александра Великого эллинская цивилизация заблестала в греческих городах Азии всем блеском этого богатства, накопленного ткачами и красильщиками. Это богатство придало городам частную и общественную роскошь, ободрило искусства и науки, увеличило торжественность религиозных церемоний, вскормило многочисленных рабочих и продолжило учреждение греческого *λόβις*'а, сделав ими города, население которых состояло преимущественно из ремесленников и купцов. Родос, Венеция Эгейского моря, доказал, что аристократия купцов и судовладельцев могла при помощи греческих учреждений управлять государством, население которого состояло преимущественно из рабочих классов и было, следовательно, подвержено социальным волнениям; успех этого управления зависел от щедрости к народу, предоставления ему празднеств и развлечений, уменьшения при помощи денежных раздач дороговизны съестных продуктов, столь частой в населенных городах, и оказания помощи всякий раз, когда положение становилось затруднительным.¹⁰

Контраст между победоносной культурой, гордостью, духом предприимчивости, торговой алчностью и честолюбием, ненасытная жажда власти, удовольствий, знания были руководящими чертами этих греческих городов и их населения; внутренняя эллинская культура обладала насколько блестящей, настолько же и частью опасной способностью к распространению. Побуждаемые этим вожделенным стремлением и поддерживаемые своим богатством, эти республики давно добивались власти над туземцами внутренней части

¹ Lician. Lexiph., 7; см.: С. I. G., III, p. XIV — XVI, tab. II.

² Plin. N. H., XXXV, VIII, 62.

³ Ramsay. The Cities and Bischoprics of Phrygia. Oxford, 1895, t. I, 40.

⁴ Strabo, XIII, IV, 14; С. I. G., 3924 (*ἐργασία τῶν βαφείων*).

⁵ С. I. G., III, p. V — XIII, tab. I.

⁶ Strabo, XIV, II, 5.

⁷ Aristot. Hist. Anim., V, 19; Plin. N. H., II, XXII, 76—77.— Место Плиния указывает нам, что шелковичный червяк Коса был не *Bombux mori*, питающийся листьями шелковицы, а другая гусеница, питающаяся листьями кипариса, терпентинного дерева, ясеня и дуба. *Bombux mori*, который один теперь дает шелк в Европе, был ввезен гораздо позднее, в V столетии нашей эры. Мы увидим далее, что, судя по частым упоминаниям поэтов, *soae vestes* были очень распространены в Риме в эту эпоху.

⁸ Athen., II, VI, I (66).

⁹ Plin. N. H., XXXVI, VII, 59.

¹⁰ Strabo, XIV, II, 5.

страны, чтобы извлекать из них все, что они могли дать, и ассимилировать их себе. С одной стороны, это было легкое, а с другой — трудное предприятие, в котором сам эллинизм значительно изменился к худшему. Поднимаясь от смеющихся берегов к плоскогорью, которое, монотонное и огромное, является началом Центральной Азии, эллинизм входил в чуждую и враждебную страну, где ничто более не согласовалось с тем миром, в котором он родился и вырос. Там не было богатых промышленных городов, но, как теперь в наименее населенных областях России, огромные леса, обширные, засеянные льном и хлебом поля, пастбища, и только время от времени встретишь несколько бедных деревень и несколько стад. Человек лишь изредка и со страхом появлялся в диком и зловещем молчании этой пустынной природы. Там не было маленьких, волнующихся, мятежных республик, постоянно изменявших свой вид, а были обширные сонливые монархии, тем более почтенные, чем древнее было их происхождение, восходившее, как утверждали, к Ахеменидам и Персидской империи. Там не было бодрого, подвижного и любознательного населения, бунтовавшего против всякого господства, как божеского, так и человеческого, стремившегося к власти, богатству, знанию, наслаждению, опасностям. Исключение составляла единственная монархия, основанная на юге Понта, в сердце Малой Азии, ордами галлов, переселившихся туда в третьем веке; она была населена смесью фригийцев и кельтов, сохранивших беспокойный и смелый дух завоевателей. Повсюду в других местах это были варварские, жестокие расы, созданные для покорности власти людей и богов во всех ее проявлениях, неспособные к инициативе, готовые служить в качестве рабов, допускать набирать себя под оружие, повиноваться властелину, почитать богов и их жрецов. Умственные способности этих рас исключали всякую возможность политической мысли и интеллектуальной культуры; они состояли из грубого и насильственного мистицизма, который питали две религии, огромные и однообразные, подобно плоскогорью, на котором они распространялись, два из тех метафизических, неопределенных и космополитических верований, которые, подавляя умы тяжестью абсолютного, во все эпохи запугивали народы и подготавливали их к рабству. Более новой из этих религий был культ Митры, принесенный и распространенный по малоазийскому плоскогорью персидским владычеством. Этот суровый культ, произошедший из смешения первобытного маздеизма с семитическими доктринами Вавилона, почитал Митру; в одно и то же время Солнце и Справедливость, высшее и почти неприступное начало жизни и добродетели; он утверждал, что ведет немощное человечество к этому неприступному принципу, обременяя его обрядами и темными символами; он видел в царях человеческое воплощение этого принципа, а в монархии — слабый, но почтенный человеческий образ божества.¹

Культ Богини-Матери, называвшейся в одних областях Диндиме-ной, в других — Кибелой, был, напротив, очень древней религией дикой природы, опирающейся на тайну рождения и основанной локими жрецами из желания обогатиться и властвовать. До завоеваний Александра Великого они действительно сумели собрать огром-

Культ
Кибелы

¹ Franz Cumont. Les Mystères de Mythra. Bruxelles, 1902, ch. I и III; см. особенно с. 78—80.

ные церковные богатства и начальствовали над варварскими расами плоскогорья, наставляя их разыскивать божество по ту сторону правил условной морали и искусственных связей семьи и общества, в двух крайних и противоположных силах, над которыми господствует инстинкт воспроизведения. Богиня-Мать, т. е. Природа, не посещает городов, где греки теснятся ради своей торговли и ссор; она живет в пустынных горах, на уединенных берегах озер, далеко от людей, сопровождаемая стадами животных, львов и оленей, живущих согласно с природой. Человек должен следовать за богиней из городов в дикие вертепы пустынной природы, туда, где свободно совершается великое божественное таинство воспроизведения, примиряющее вечное единство с временным разнообразием,— таинство, благодаря которому целое остается непогибающим, хотя отдельные существа появляются, живут и исчезают. Человек погружается в божество особенно тогда, когда он освобождает этот инстинкт, в котором состоит его божественная сущность, от связей и цепей, которыми оковывает его искусственная цивилизация. Это была темная теология, но не лишенная некоторых глубоких идей, благодаря которым жрецы могли эксплуатировать две таинственные и противоположные силы, существующие в темных безднах любви,— влечение и отталкивание полов. Они открыли в храмах публичные дома под покровительством Богини-Матери и убеждали благочестивых женщин, что они выполняют достойное дело, занимаясь проституцией под сенью храма и оставляя богине, т. е. ее служителям, приобретенные таким путем деньги; в то же время они эксплуатировали аскетические тенденции, помещая в число благочестивых дел рядом с проституцией целомудрие и даже кастрацию; они составляли корпорацию жрецов-евнухов и приглашали на свои кровавые празднества всех, желавших пожертвовать своей мужественностью в честь богини.¹

Единство Это неизмеримое различие климата, расы, языка, правления и Малой религии тем не менее уже давно производило в Малой Азии темное, Азии невидимое, но сильное стремление к единству и синтезу. Такое явное противоречие объясняется при взгляде на социальную структуру этих стран. Дороги, по которым внутренние монархии сообщались со средиземноморским миром, проходили через греческую территорию; дороги, по которым греческие города сообщались с Персией, проходили через территории монархий. Если туземные жители плоскогорья были земледельцы и пастухи, то греки были ремесленники и купцы; они продавали другим много предметов, сфабрикованных в их городах; в обмен они брали кожи, шерсть, лен, лес, минералы, а особенно рабов. Когда в греческих городах, вследствие естественного уменьшения городского населения, образовывались пробелы и была потребность в новых руках, Фригия вместе с Лидией и обширными царствами Понта и Каппадокии поставляли людей. Крестьяне этих местностей не считали несколько жестоким и постыдным рожать и воспитывать детей для того, чтобы затем продать их торговцам рабами, уведившим их в промышленные города, где чувствовался недостаток в людях. Если эллинизм не

¹ Относительно этого культа см.: Ramsay. The Cities and Bishoprics of Phrygia. t. I. Oxford, 1895, 87, 93; Showermann. The Great Mother of the Gods (Bulletin of the University of Wisconsin № 43). Madison, 1901; Hepding. Attis, seine Mythen und sein Kult. Giessen, 1903.

овладел всем плоскогорьем, то он своими блестящими лучами коснулся по крайней мере его вершин; царские дворы, все усвоившие греческие моды, платили деньги художникам и с большими издержками строили или увеличивали некоторые города, бывшие как бы рассадниками эллинизма. С другой стороны, азиатский эллинизм при соприкосновении с туземными расами потерял значительную часть своего политического духа, проникнувшись духом религиозным. Рабочая чернь, состоявшая отчасти из карийцев, фригийцев, лидийцев, принесших в города свою врожденную религиозность, постепенно сделалась более привязанной к храмам, чем к городам. Высшие классы, состоявшие в большинстве из богатых купцов, посреди стольких странных религий, производивших приятное впечатление, поражающих воображение и возбуждающих чувства, охотно посвящали богам часть времени, которое, по греческому взгляду на жизнь, они должны были уделять государству.

Эллинические боги постепенно приняли в свои храмы местных богов и постарались уподобиться им, подобно Артемиде; местные храмы открылись для греческих богов, и божества обеих метафизических религий сделались греческими по форме и виду. В группе Митры-быкоубийцы пергамская школа олицетворяла неопределенное божественное сияние, изобретенное персидским умом,¹ в образе прекрасного греческого эфеба во фригийском колпаке. Таким образом, с ослаблением гражданского духа увидели, что религия, с ее бесчисленными служителями, ее пышными и очень богатыми храмами, ее многообразными культами, ее частыми и бесконечными праздниками и церемониями, заняла первое место после промышленности и торговли в общественной и частной жизни азиатских греков.² Соприкосновение с туземными расами произвело дальнейшие результаты. Эти расы образовались столетиями монархического режима, и влияние промышленных интересов, вместе с влияниями религиозного азиатского духа, побудило греческие города Малой Азии попытаться примирить монархию и республику, с тех пор как монархия, завоеванная пришедшими из Европы искателями приключений, сделалась греческой и принялась покровительствовать эллинизму, помогать этим республикам и пользоваться ими вместо того, чтобы с ними сражаться. Торговые интересы почти всех греческих городов Азии были гораздо шире их территории; они нуждались в мире, спокойствии и порядке в тех странах, куда не проникало их маленькое политическое могущество. С другой стороны, мистицизм, торговля, медленное проникновение монархических идей плоскогорья ослабили у азиатских греков гражданский и республиканский дух. Таким образом города легко признали в монархии величайшую силу, способную координировать их интересы. Диадохи, постоянно воюя между собой, отдавали себе отчет в своей общей миссии и не только уважали республиканские городские учреждения, стараясь пользоваться ими для эллинизации туземных рас, но и сами основывали, преимущественно во внутренней части страны, много таких республик; греки, в свою очередь, обожали эту координацию своих интересов в личности царей. В этом воздухе, наполненном горячим мистицизмом, самые мо-

¹ Franz Cumont. *Les Mystères de Mithra*. Bruxelles, 1902, 18.

² Относительно важности религии в малоазийском эллинизме см. прекрасную работу: Chapot V. *La Province romaine proconsulaire d'Asie*. Paris, 1904, 395 сл.

нархические склонности принимали религиозный оттенок: с одной стороны, был пример отдаленного Египта, а с другой — местные учения митраизма, и азиатские греки поняли, что лучшим средством внушения всем малоазиатским народам почтения к этим царям было делать их богами и полубогами. Таким образом, полубожественные монархии и апофеоз умерших царей не были в Малой Азии чудовищной лестью выродившихся греков, но одним из многочисленных процессов, которыми пользовался эллинизм, чтобы выполнить свои великие проекты экономического и интеллектуального господства над туземными расами Азии и Африки. Эти мелкие республики купцов, ремесленников, ученых не имели недостатка в деньгах, но были слабы с военной и дипломатической точки зрения; они поэтому пользовались новыми эллинистическими монархиями как оплотом против отдаленной Персии, против мелких полуперсидских монархий, находившихся на плоскогорье между древней империей Ахеминидов и побережьем; они пользовались ими и обожали их как синтез своего самостоятельного существования, как силу, которая издалека озаряла и покровительствовала их торговле на суше и на море.

Мало- Теперь, спустя столетие после падения Персидского царства, азийские не умерший царь, а живой республиканский магистрат был провинции предметом обожания для жителей Малой Азии. Они падали ниц перед Римом, имя которого они имели более оснований ненавидеть, чем любить. Наследовав пергамским царям, Рим продолжал их политическую традицию, но не историческую миссию. Он объявил свободными, т. е. освобожденными от подати, не зависящими от сената и проконсула, и союзными, на условии равенства, многие города: Книд, Миласу, Хиос, Митилену, Илион, Лампсак, Кизик, Родос, которые были в таком положении еще в момент прибытия Августа в Азию.¹ Другие города Рим поместил под власть проконсула и наложил на них подати, оставив, однако, народу право собираться, законодательствовать, избирать советы и магистратов, управляться своими законами, но под надзором, очень редко, впрочем, осуществляемым, сената и проконсула. Последний был простым контролером и казначеем, которому поручалось ежегодно собирать и отправлять в метрополию подать. Но Рим нисколько не заботился защищать, подобно азиатским монархиям, жизненные интересы эллинизма, благоприятствовать распространению его культуры, поддерживать его главенство над туземными расами, покровительствовать его торговле, координировать усилия различных городов. Рим был далеко. В течение двух предшествующих столетий его представителем в этих местностях был проконсул, менявшийся ежегодно, слишком обремененный сенатом, делами, издающий законы не непрерывным образом, как все собрания, и плохо знающий страну и народы.

Единственной заботой Рима до сих пор было отнять у греческих городов наибольшую часть золота и серебра, которые они собирали в обмен на свои товары, и следить за тем, чтобы ни одна из монархий плоскогорья: Понт, Армения, Каппадокия, Галатия, Коммагена — не осмеливалась спуститься к побережью с целью более тщательно собрать наследие Атталидов, чем делал это Рим. Таким образом, ма-

¹ Chapot. La Province romaine proconsulaire d'Asie. Paris, 1904, 114 сл.

ло-помалу он предоставил всему в Малой Азии возможность идти своим путем и ослаблял, не разрушая окончательно, жизненные элементы этого разнородного общества — как эллинизм, так и местные традиции; он полуразорил греческие республики, почти уничтожив в них умственную деятельность во всех ее видах; одновременно с тем он ослабил все монархии плоскогорья, постоянно передельвая их границы, исключая, может быть, Галатию. В этой стране в эпоху Августа под властью аристократии богатых собственников, а также под властью царя, бывшего самым богатым из собственников,¹ жило очень храброе фригио-кельтское население крестьян и солдат, обрабатывающих землю, пасших огромные стада, вывозивших шерсть,² сантонин³ и некоторые лекарственные смолы, добываемые из акации.⁴ Находясь в союзе с Римом уже несколько столетий, они собрали большие богатства, состоя в последние пятьдесят лет наемными войсками на службе Рима — преимущественно против Понта. После Акция Август считал этот народ достаточно сильным, а его царя Аминту достаточно способным, чтобы присоединить к его территории Ликаонию, Памфилию, Писидию и восточную Киликию, т. е. самые дикие части Малой Азии, где находились гнезда разбойников и пиратов, опустошавших Восток. Аминте было поручено разрушить все эти гнезда, но во время этого предприятия царь умер, и Рим, не найдя никого, кто бы желал взять на себя его царство, превратил его в провинцию. На плоскогорье, таким образом, остались только слабые, робкие и очень бедные владетели. Рим сохранил их, чтобы пользоваться последними следами еще существовавшего их авторитета над туземцами. Палемон, ученый грек из Лаодикии, сын знаменитого оратора Зенона, управлял Понтом, этим славным царством Митридата, которое, теперь изолированное и забытое, искупляло великую мечту об азиатской империи, всецело отдаваясь незаметным мирным работам. Его многочисленные и различные расы занимались только обработыванием земли, эксплуатацией рудников,⁵ пастьбой стад, воспитанием детей и почитанием богов. Немногие греческие колонии Черного моря, которые были единственными важными городами страны, — Синоп, Амис, Трапезунт — не имели более ни честолюбия, ни воинского духа; они довольствовались развитием своей промышленности, ловлей тунцов, вывозом дерева, шерсти, железа⁶ и некоторых редких и ценных лекарственных трав, как-то лакрица⁷ и чемерица.⁸ Каппадокия, где царствовал Архелай, была еще более бедной: это была обширная область, населенная малоинтеллигентной расой, кормившейся также земледелием, разведением стад, эксплуатацией рудников,⁹ говорившей на особом языке и имевшей всего два города — Мазаку и Коману.¹⁰

¹ Strabo, XII, VI, 1.

² Ibid.

³ Plin. N. H., XXI, XXI, 160.

⁴ Ibid., XXIV, XII, 109.

⁵ Относительно понтийских рудников см.: Strabo, XII, III, 19; XII, III, 30; XII, III, 40.

⁶ По поводу Понта см.: Blümner. *l'Attività industriale dei popoli dell' antichità classica* в *Bibliotheca di Storia Economica*, vol. II., pt. I., 539; Milano. Società Editrice Libreria.

⁷ Plin. N. H., XXII, IX, 24.

⁸ Ibid., XXV, V, 49.

⁹ Strabo, XII, II, 10.

¹⁰ Ibid., 6.

Положение страны Но если туземные расы плоскогорья, за исключением галатов, были разрезаны, обеднены, унижены римской политикой, если они потеряли лучшую свою кровь в ужасных войнах, зажженных Римом по всей Малой Азии, то их древние завоеватели, греки из городов, пострадали и потеряли не менее их. Принужденные уже столетия к новой сизифовой работе — брать у Италии в обмен на свои товары драгоценные металлы, которые Рим отбирал у них в виде податей и процентов, с тем чтобы снова лишиться их, когда они будут накоплены в достаточном количестве,— греческие малоазийские города, наконец, истощились. После вторжения Митридата, нового завоевания Суллы, опустошений пиратов, нашествия римских откупщиков, произведенных генералами Помпея конфискаций, грабежей Брута и Кассия, поборов Антония вся страна находилась в ужасном положении. Богатые классы, разоренные и обедневшие благодаря стольким катастрофам и слабо поддерживаемые Римом, авторитет которого падал, были неспособны более, особенно в последнее тридцатилетие, придавать прежний блеск дорогостоящим литургиям, а вместе с тем престижу эллинизма, который от них зависел. Учреждения *λοισῶν* а поэтому пришли в полный беспорядок; искусства и науки были в упадке; во всех городах находились у власти развращенные котерии нищих политиканов, эксплуатирующие пороки и невежество народа; финансы были в жалком состоянии, памятники в развалинах, школы в пренебрежении, правосудие продажно, общественное мнение капризно и жестоко, честные люди в ужасе от распущенности, одновременно непереносимой и неизлечимой. И в Малой Азии, как на всем Востоке, над этим ужасным социальным распадом, внесенным в эллинизм римской политикой, молчаливо, медленно и упорно, подобно растущим на развалинах растениям, росли две силы: разбойники и иудеи.

Ирод Великий Жившие разбоем народы убили недавно в Киликии Аминту и поставили Рим в очень затруднительное положение. Прибыв в Азию, Август оказался лицом к лицу с удивительной новостью, которую ни один умный человек не мог бы вообразить себе сто лет тому назад. Обнаружилось, что после смерти Аминты единственным восточным царем, приковавшим к себе если не уважение, то по крайней мере всеобщее внимание, был иудейский царь Ирод. Последний был варвар, идумеянин, семейство которого только недавно обратилось в иудейство; в беспорядках последних гражданских войн ему удалось рядом насильственных актов узурпировать в Иудее царское достоинство у древней фамилии Асмонеев. Он сделался таким образом царем маленького, неизвестного и малообразованного народа, судьбой которого, как давно казалось, было увеличивать добычу победителя посреди опустошавших Восток войн. Однако Ирод домогался теперь занять первое место между римскими вассалами на Востоке; он никогда не упускал случая привлечь внимание к себе и к Иудейскому царству. Он доставил отряд солдат для экспедиции, совершенной в Йемен Элием Галлом. Он дал Самарии имя Севасты, бывшее греческим переводом имени Августа;¹ он начал постройку города, который хотел назвать Кесарией;² он хотел также устроить в Иудее,

¹ Ios. A. I., XV, VIII, 5.

² Ibid., IX, 10.

между тамошними варварами, эллинистическую монархию, полную пышности и щедрости, и с этой целью приказал начать во всех частях своего царства крупные общественные работы; он установил в Иерусалиме пятилетние игры в честь Августа; он занимался сооружением большого театра и амфитеатра; он приглашал отовсюду греческих художников и приказал чеканить свою монету с греческими надписями. Ирод, иудейский араб, царь столь мало образованных иудеев, хотел быть не только первым вассалом Рима на Востоке, но и покровителем эллинизма!

Желание играть такую роль не было безумием с его стороны, Национальный ибо положение иудеев изменилось в течение последнего века на национальный всем Востоке. Иудеи уже тогда имели некоторые из качеств, которые характер еще теперь составляют их силу: они были экономными работниками; иудеев посреди стольких чувственных религий они жили под охраной Бога, бывшего строгим стражем нравов, а не снисходительным покровителем пороков; наконец, они были очень плодотворны, что было весьма важным качеством в ту эпоху, когда цивилизация так быстро истощала расы. Уже давно принужденные эмигрировать в большом числе иудеи нашли в предшествовавшее столетие чудесное средство распространения и самые счастливые случаи разбогатеть при распадении эллинизма; они образовывали значительные, богатые и цветущие колонии во всех городах Востока: в Египте, особенно в Александрии;¹ в городах Малой Азии,² а также по ту сторону границы в городах Персии, например в Вавилоне;³ повсюду они образовывали необходимую часть городского населения в качестве ремесленников, купцов или банкиров.⁴

Большинство жило очень скромно; некоторые приобретали зажиточность, наконец, немногие скапливали огромные богатства на Востоке, были уже Ротшильдами того времени; все вместе они образовывали колонии, имевшие свои особые нравы, законы, идеи, отличные от греческих, и ни за какую цену не желавшие их оставлять. Особенно они восставали против религиозного эклектизма, столь обычного среди древних; они желали поклоняться только своему Богу, стремились пропагандировать свой культ и старались строго соблюдать везде, где они находились, обряды своей религии, даже если те оскорбляли чувства туземных жителей. Там, где законы города находились в противоречии с предписаниями их религии, они отказывались подчиняться законам или уходили из города; они не смешивались с приютившим их населением, жили между ним, образуя, так сказать, народ в народе, государство в государстве.⁵ Многочисленные, объединенные, трудолюбивые, ненавидимые вследствие своей обособленности и страшные своими богатствами, они не переставали обращать свои духовные взоры и вздохи своей души к Иерусалиму и его храму. Они никогда не забывали священной земли, где Иегова имел свое святилище, часто возвращались в свое

¹ Ios. Contra Apion., II, 6.

² Philemon. Legat. ad Caium, 33; Joseph. A. I., XVI, II, 3; Chapot. La Province romaine proconsulaire d'Asie, 183.

³ Philemon. Legat. ad Caium.

⁴ См.: Chapot. La Province romaine proconsulaire d'Asie, 185.

⁵ См. интересный отрывок Николая Дамасского у Muller (Frag. Hist. Graec., t. III, 420).

отечество и посылали туда огромные суммы денег, поддерживавшие существование нации. Таким образом иудеи своими колониями, своей торговлей и своими деньгами приобрели на Востоке большую власть над падающим эллинизмом. Политика Ирода была только необходимым следствием самопроизвольного рассеяния еврейского народа, и Ирод хорошо понимал, что Иудейское государство не должно было более замыкаться в самом себе, в то время как его народ распространялся по свету; что оно должно было следовать за своим народом, заставить себя бояться себя, заставить себя полюбить, заставить себя бояться даже за своими пределами, чтобы повсюду быть в состоянии покровительствовать иудейской эмиграции и уменьшать отвращение и затруднения для своих колоний.

Его политика была основана на двух принципах: сделаться клиентом и вассалом Рима без сожаления, без задней мысли, лояльно, чтобы повсюду обеспечить иудейским колониям покровительство великой республики; и попытаться примирить, насколько возможно, иудаизм, который, несмотря на свое усиление, был не способен один управлять Востоком, с эллинизмом, ослабевшим, но все же живым, стремившимся к власти и богатству и еще способным к новому возрождению.

Жиз-
ненность
эллинизма

Пергамский храм, культ Августа и Рима, действительно, показывали, что эллинизм еще не думал умирать. Уже десять лет на Востоке царил мир; царствовал известный порядок и возрождался кредит; по всей Малой Азии снова начало распространяться текстильное ремесло, чаны красилен снова стали наполняться красками, а торговые суда распускать свои паруса. В то же время там, на отдаленном горизонте, где в течение столетия можно было различить только неопределенные очертания сената, азиатский эллинизм увидел появление и возвышение фигуры одного человека, в которой издали, вследствие вполне естественной иллюзии, он мог признать столь знакомую ему фигуру монарха. Не из трусливого и робкого духа Азия с таким рвением начала готовить место на своем Олимпе, наполненном разнообразными богами из всех стран, последнему богу, немного неожиданно пришедшему из Италии во плоти. Этот бог должен был быть не менее благодетельной силой, чем солнце, почитаемое в образе Митры, или природа, обожаемая в образе Кибелы; он должен был быть силой, координирующей частные интересы греческих городов, их оплотом против Персии, покровителем их торговли, подобно древним монархиям диадохов. Азийский эллинизм уже сто лет ожидал эту благодетельную силу, призывал ее и тщетно желал; он начал с обожествления Рима, потом он попытался обожествить поочередно быстро менявшихся проконсулов. Испытанных в течение ста лет разочарований было недостаточно для того, чтобы навсегда отнять надежды у азиатских греков. Ожидаемый человек, казалась, наконец, пришел; времена сделались более спокойными; эллинизм начинал надеяться, что он будет в состоянии подняться из своего упадка; и его культ Августа символизировал эту надежду. Воздвигая ему и Риму храм в Пергаме, устанавливая вокруг этого храма правильный культ, азиатский эллинизм приглашал Августа выполнить великую историческую роль, которую играла в Азии эллинистическая монархия и которой пренебрегал Рим.

VI

Armenia capta, signis receptis

Август и эллинистическая монархия.— Соглашение с парфянами и азиатская политика.— Римский протекторат на Востоке.— Реформы Августа в Азии.— Мир с Парфянской империей.— Историческая важность этого мира.— Сирия.— Сирийская империя наслаждений.— Внутренние затруднения в Иудейском царстве.— Август и Ирод.— Издание «Од» Горация.— Кандидатура Эгнация Руфа в консулы.— Новые интриги знати.— Возвращение Августа в Рим.

Восток предлагал Августу великодушную миссию, но мог ли тот Август и принять ее? Мог ли один и тот же человек в Италии олицетворять азиатские старую латинскую республику, а в Малой Азии эллинистическую провинцию монархию? Август, имея в Малой Азии храмы, не имел более там гигантского домена пергамских царей, бывшего прочным основанием их могущества, их огромных лесов, громадных земель, бесчисленных фабрик, ковров, золотой парчи, пергамента и массы царских рабов (βασιλική).¹ Присоединение царства рассеяло этот гигантский домен: царские рабы были отпущены на свободу, крупные фабрики разбиты на бесчисленное число мелких частных мастерских, которые в своей совокупности были, вероятно, гораздо более деятельны, чем старые огромные фабрики; земли сделались собственностью Римской республики, которая разделила их как ей было угодно. Кое-что еще могло остаться из этих богатств, но и эти остатки принадлежали Риму, а не Августу.² Его собственные имения, правда, были значительны, у него была масса рабов, но все же его нельзя было сравнивать в этом отношении с древними пергамскими царями. Очень богатый для своего времени, Август, однако, обладал только скромной зажиточностью по сравнению с бесчисленными богатствами

¹ Foncart. La formation de la province romaine d'Asie в Mémoire de l'Institut national de France. Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, XXXVII, 1-re pt. Paris, 1904, 305 сл.

² Императоры имели в Малой Азии обширные домены (см.: Chapot. La Province romaine proconsulaire d'Asie. Paris, 1904, 373 сл.), но, кроме упоминания об асга Liviана, имеющиеся у нас надписи и указания относятся к очень позднему времени; с другой стороны, не вполне достоверно, что асга Liviана обозначает имения, принадлежавшие жене Августа. Во всяком случае, имения пергамских царей сделались собственностью республики и должны были остаться ею в эпоху Августа, хотя были уступлены членам аристократических фамилий при условии уплаты небольшого взноса (vestigal) вместо того, чтобы быть сданными на откуп публиканам. Ничто не показывает, чтобы Август присвоил их себе, а за неимением доказательств мы не можем предположить вещь, столь маловероятную саму по себе, принимая во внимание конституционный характер его реформы.

древних властителей Азии; к тому же большую часть своего богатства ему нужно было тратить в Италии. Поэтому в Азии он был как бы без денег и без грома, и оказанные ему почести скорее выражали чрезмерные надежды, возлагавшиеся на него азийцами, чем действительное чувство почтения и страха, которым они были бы охвачены в его присутствии. Если бы Август обманывался относительно этого, то два факта должны были бы открыть ему глаза. Вскоре после его приезда на Самос жители Кизика на глазах у нового бога во время одних беспорядков произвели один из тех небольших погромов римских граждан, которые со времени великой резни Митридата периодически повторялись то в том, то в другом из азиатских городов.¹ Несколько ранее Август, по совету своего учителя Афинодора из Тарса, захотел положить конец некоторым хищениям в управлении тарсийской гимназией, совершаемым кoterией политиканов, образовавшейся там в эпоху Антония; для изгнания этих грабителей он послал самого Афинодора. Но, несмотря на свой почтенный возраст, поддержку всех уважаемых людей, свою известность и покровительство Августа, Афинодор в самом городе подвергся насмешкам и угрозам со стороны преследуемой партии, дошедшей до того, что однажды ночью она послала лиц, которые совершили непристойность перед дверями его дома. Философ принужден был наказать это оскорбление только остротой: собрав народ, он произнес к нему речь и сказал, что по испражнениям города можно видеть, насколько последний болен.²

Революция
в Армении

Август заимствовал свой божественный или человеческий авторитет от Рима, подобно тому, как луна заимствует свой свет от солнца; поэтому даже ради азиатской политики ему прежде всего нужно было заключить соглашение с парфянами, известие о котором поразило бы удивлением Азию и подняло его значение в Риме. Судьба и на этот раз пришла к нему на помощь. События в Армении в желаемом им направлении шли быстрее, чем он думал. Зимой 21/20 г., в то время как римские военные силы и каппадокийские отряды стягивались к границам Армении, чтобы весной вторгнуться в Армянское царство, там разразилась революция, низвергнувшая царя и объявившая готовность признать верховенство римлян.³ В Азии было только два крупных государства: Рим и Парфянская империя; мелкие промежуточные монархии: Понт, Каппадокия, Коммагена, Армения — были скорее ничего не значащими тенями, чем реальностями; Рим и Парфия, когда один не мешал другому, могли делать с ними все что угодно. Август, однако, не присоединил Армению к империи и, оставив политику своего отца, возвратился в этом случае к политике аристократической партии.⁴

¹ Dio, LIV, 7.

² Strabo, XIV, X, 14; время этого случая, однако, неопределенно. Страбон говорит, что это случилось, когда Афинодор «в старости вернулся в свое отечество».

³ Dio, LIV, 9; Velleius, II, 94; у обоих писателей, однако, содержится много неточностей.

⁴ Mon. Anc., V, 21—28: Armeniam majorem... cum possem facere provinciam, malui majorum nostrorum exemplo regnum id... Tigrani tradere. Август, следовательно, противопоставляет недавнюю политику Цезаря и Лукулла прежней политике, т. е. аристократической политике пятидесяти лет, следовавших за второй пунической войной, и признается, что он следовал последней политике.

Римские пропреторы или проконсулы без затруднения сделали Эфес правительственным центром прежнего Пергамского царства, т. е. греческой промышленной и республиканской Азии; из Эфеса они легко контролировали греческие города, между которыми была распределена вся территория, и обычное управление этой провинцией, хорошее ли или дурное, состояло в поддержании городских учреждений. Напротив, на плоскогорье с уничтожением монархий проконсул должен был управлять населением, рассеянным по обширным областям, без армии, без помощи местных учреждений, без знающих страну чиновников, при помощи только уважения и страха, внушенных именем Рима, сила которого, однако, уменьшалась по мере удаления от моря. Так как эти области с незапамятных времен привыкли повиноваться только жрецам и династам, то было благоразумнее управлять ими, руководя их правителями как орудиями политики, нити которой были в руках Рима. Август поэтому решил дать Армении нового царя и выбрал для этого Тиграна, брата умершего царя; он захватил его в плен после Акция в Александрии и воспитал в Риме. Будучи не в состоянии лично отправиться в Армению, Август приказал своему пасынку Тиберию возложить на голову Тиграну царскую диадему в торжественной церемонии, происходившей в римском лагере.¹

Протекторат по сравнению с присоединением имел и еще выгоду: Реформы он меньше беспокоил парфян, между тем признание парфянами Августа произошедшей перемены означало значительное увеличение могущества и влияния Рима на Востоке. Но согласились ли бы парфяне в Азии признать это дипломатическое поражение? Многие сомневались в этом и страшились возобновления борьбы между Римом и Парфией; вся Азия была в тревоге; в приморских городах, например в Византии, где цена на хлеб возрастала, была парализована вся торговля.² Но Август, как кажется, уже имел полное основание думать, что Фраат уступит; ибо посреди всего этого волнения он спокойно начал заниматься азийскими делами. Не играя явно роли настоящего царя, преемника диадохов, он попытался, в некоторых отношениях по крайней мере, примирить интересы азиатских городов. Наиболее важен был долгой вопрос. Если ткацкие мастерские снова пошли в ход, если суда стали распускать свои паруса, то недостаток в деньгах все же был велик; частные лица, города, купцы, землевладельцы были обременены долгами; сам Родос, бывший наиболее богатым городом, понес очень большие потери в гражданских войнах;³ другие города находились в еще более жалком положении. Мы уже видели, что многие города, постигнутые землетрясением, прибегли к помощи Рима; Хиос допустил разрушение своего чудесного портика;⁴ во всех городах виднелись развалины и покинутые жилища. Зло, быть может, излечилось бы само собой, но с чрезвычайной медленностью. Август, по-видимому, понимал, что необходимо было принять радикальную меру, и разрешил городам совершенно и окончательно кассировать свои долги.⁵ Этой возможно-

¹ Mon. Anc., V, 24—28; Sueton. Tib., 9; Velleius Pater., II, 94.

² Рассказ Валерия Максима (VII, VI, 6), по-видимому, относится к этой эпохе.

³ Ios. A. I., XIV, XIV, 3.

⁴ Ibid., XVI, II, 2.

⁵ Dio Chrysostom. Orat., XXXI, § 66 (ed. Arnim. Berlin., 1893); Sueton. Aug., 47: ... alias (urbes) aere alieno levavit. Cp.: Dio, LIV, 7.

стью не преминули воспользоваться многие местности, хотя мы знаем, что Родос, например, отказался от нее. Затем Август занялся лучшим распределением, сообразно со средствами городов, наложенных на них податей, уменьшая подати обедневших городов и увеличивая подати городов более богатых.¹ Он ввел также кое-какие конституционные реформы в некоторых из этих городов, вероятно, по их собственной просьбе;² он заставил Кизик искупить убийство римских граждан, отняв у этого города его свободу.³ Наконец, он установил некоторый порядок в областях плоскогорья. В восточной части, охватывающей горную цепь Амана, он восстановил прежнее царство Таркондимота, погибшего во время Акцийской войны под знаменами Антония, призвав на трон его сына, носившего то же самое имя, и возвратив ему все имущество его отца.⁴ Артавазд, царь Малой Армении, умер незадолго до этого, и Август отдал его страну Архелаю, царю Каппадокии.⁵ На северной границе Сирии маленькое Коммагенское царство было как бы передовым постом против Парфии, его трон, оставленный одновременно и Парфией и Римом, был вакантным уже десять лет. Август воспользовался этим случаем, чтобы восстановить там национальную династию в лице ребенка, носившего имя Митридата.⁶ Между тем, как кажется, 12 мая прибыли в римский лагерь, одновременно с пленниками и знаменами, возвращенными Фраатом, парфянские послы, которым было поручено заключить окончательный мирный договор с Римом.⁷

Мир с парфянами Азия в оцепенении дивилась великому триумфу римской политики. Никто не ожидал, чтобы Парфянская империя после трех победоносных войн сделала такие уступки. Август, следовательно, был настоящий бог, приезд которого изменил все положение. Парфия сама отступала, а Рим делал громадный шаг вперед, потому что приобретал неоспоримое верховенство во всей Малой Азии. Италия также была в изумлении, не отдавая себе отчета в том, что протекторат над Арменией был мелочью по сравнению с завоеванием Парфии, которое ей обещали и на которое она рассчитывала. Август, предвидя, что многие будут его порицать за то, что он не присоединил Армению и не продолжил политику своего отца, благоразумно включил в письма, отправленные в сенат с целью испросить утверждение своих распоряжений, рассуждение о внешней политике, в которой он возобновил древние доктрины Сципиона и аристократии, указывая, что Рим не должен более присоединять новых провинций к империи.⁸

¹ Dio, LIV, 7.

² Во всяком случае, во время этого путешествия были изданы эдикты, о которых говорит Плиний (Epist. ad Troian., 79 и 84 (Keil)).

³ Dio, LIV, 7.

⁴ Ibid., 9.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Gardthausen. Augustus und seine Zeit, II, 476, pp. 23.

⁸ Дион (LIV, 9) говорит нам, что Август оправдывал свою азиатскую политику в письме к сенату, в котором он разбирал вообще римскую внешнюю политику, высказываясь против новых завоеваний. Это доказывает нам: 1) что Август боялся критических замечаний против своей политики и 2) что он желал заставить сенат ратифицировать ее. Известия Диона побеждают нас думать, хотя он прямо этого не говорит, что Август просил сенат утвердить его распоряжения, сделанные в силу предоставленных ему чрезвычайных полномочий, как сделал это Помпей после своего азиатского проконсульства.

Но эта предосторожность была излишней: его друзья поспешили набросить на истинную картину восточных событий, которая была строгим произведением архаического стиля, завесу легенды, написанной в элегантном цезарианском стиле, на которой представляли Армению завоеванной, а парфянского царя стоящим на коленях перед Римом и просящим прощения за прежние оскорбления, возвращающим знамена и умоляющим о мире. Если сенат рассматривал письмо Августа как чудо мудрости, то народ удивлялся Августу, как если бы он завоевал Армению и Парфию и сделал как раз противоположное тому, что последний объявлял полезным и мудрым в своих письмах.

...От Цезаря право и власть, на коленях
Стоя, Фраат восприял...

— писал в этот год Гораций,¹ несколько злоупотребляя предоставленным поэтам правом говорить ложь. Вычеканили монеты с надписью: *Armenia capta*,² на которых парфянин, стоя на коленях, протягивает знамена;³ та же самая сцена была распространена на картинах, одна из которых, как кажется, была найдена на Палатине.⁴ Представляя так ложно события, Италия, впрочем, имела основания радоваться им более, чем она думала; этот договор установил на целое столетие мир на Востоке благодаря разумному соглашению между двумя великими соперничавшими империями. Парфяне по этому договору окончательно отказывались от средиземноморской политики; они предоставляли Риму Малую Азию и Сирию и отказывались спускаться через плоскогорье к прекрасному морскому побережью, к которому так горячо стремилась вся политика Ахеменидов. Рим, со своей стороны, оставлял программу Александра Великого и обязывался не проникать в Центральную Азию. Мы довольно хорошо знаем основания, которые привели Рим к такому мудрому решению; но нам совершенно неизвестно, почему парфяне отказались от древней политики Персидской империи в тот момент, когда Рим был так слаб. Как бы то ни было, это был торжественный час в истории, ибо в момент заключения этого мира родилась современная нам Европа. Благодаря этому миру Рим приобрел полную свободу действий в Европе, и благодаря ему же он скоро оказался в состоянии начать в Галлии ту политику, из которой родилась европейская цивилизация. Если бы Рим продолжал быть занятым постоянными войнами с парфянами на берегах Евфрата, Рейн, дикая и неизвестная граница отдаленных варваров, тщетно ожидал бы легионов и римских законов.

Получив знамена и пленников, Август отправился в Сирию,⁵ Август страну столь любимых в Риме в ту эпоху пантомим. Он хотел в Сирии реорганизовать взимание сирийских податей и разрешить некоторые затруднения, порожденные в Иудее политикой Ирода.⁶ Хотя ма-

¹ Hor. Epist., I, XII, 27.

² Cohen, I, № 8—9, 11—12, 56.

³ Ibid., 54 и 358.

⁴ Bernonilli. Römische Ikonographie. Bd I, 24.

⁵ После весеннего равноденствия. Ios. В. I., I, XX, 4; А. I., XV, X, 3; см.: Gardthausen. Augustus und seine Zeit, II, 469, пр. 25.

⁶ Иосиф (В. I., I, XX, 4; А. I., XV, X, 5) говорит, что Август поставил всех своих прокураторов под управление Ирода; это доказывает нам, что Август не был

кедонское завоевание принесло в Сирию учреждение греческого полиса и распространило в ней эллинизм, однако эта семитическая нация, чувственная, мистическая, индифферентная к политике, к войне, к философии, к суровым искусствам, жадная только до денег и наслаждений, работала, как после македонского, так и после римского завоевания, только над тем, чтобы поддерживать в мире то, что можно было бы назвать сирийской империей наслаждения, и сохранить первое место во всякой торговле, промышленности и профессии, касающейся удовольствия. Пользуясь крестьянами как полусвободными, класс мелких, очень интеллигентных собственников умел возделывать в своих знаменитых садах ¹ самые превосходные плоды и самые сочные овощи; область Лаодикеи производила вино, которое вывозили даже в Индию,² ее знаменитые фиги,³ сушеные сливы⁴ и фисташки⁵ вывозились во все страны света. Ремесленники были не менее ловки, чем рабочие. Тир и Сидон посреди стольких войн и политических переворотов сохранили свою старую славу своими ткацкими мастерскими, красильнями и производством стекла. Их пурпур ценился выше всякого другого.⁶ Тир, несмотря на ужасную грязь своих узких густонаселенных улиц, полных красильнями, оставался хотя и заразной, но богатейшей столицей пурпура. В каждой из его красильен несколько рабочих (а часто и один) окрашивали пурпурные ткани, самые знаменитые во всем мире, а сирийские купцы затем всюду развозили их на продажу, извлекая из этой торговли большую прибыль. В древности не было более ловких и деятельных купцов; не довольствуясь вывозом местных продуктов, они привлекали к Сирии часть торговли Парфии, Китая и Индии со средиземноморскими странами.⁷ Они основали также торговые дома и конторы по всему бассейну Средиземного моря; почти во всех приморских городах в эту эпоху были маленькие семитические колонии сирийских торговцев, как в более древнюю эпоху почти везде были поселения финикийян.⁸ Одновременно со своими торговцами Сирия посылала во все богатые города танцоров, слуг, акробатов, музыкантов, мимов; большинство музыкантов, рассеянных по империи, как мужчин, так и женщин, были сирийцы; уроженками Сирии было и большинство куртизанок, особенно в Риме, где грациозные *ambubaiae* так нравились молодым людям, и не одной своей прекрасной игрой на флейте.⁹ Таким образом, тысячу

доволен отправлением этими прокураторами их обязанностей и что он считал реорганизацию необходимой. Отсюда и является предположение, что такова была одна из целей его путешествия.

¹ Plin. N. H., XX, V, 33: Syria in hortis operosissima.

² Peripl. maris Erythraei, 49.

³ Plin. N. H., XV, 83.

⁴ Ibid., 91.

⁵ Hehn. Piantе coltivate e animali domestici. Firenze, 1892, 373.

⁶ Strabo, XVI, II, 23.

⁷ Mommsen. Le Provincie romane de Cesare a Diocleziano. Roma, 1890, vol. II, 460.

⁸ Например, в Путолах: С. I. G., 5853 (поздняя эпоха); С. I. L., X, 1576—1579, 1601; 1634; в Остии: С. I. G., 5892; С. I. L., XIV, 5; в Равенне: С. I. L., XI, 198а; в Аквилее: С. I. L., V, 1142; в Тергесте: С. I. L., V, 1633, 1679. Они встречаются также в долине Дуная — в Сармизегетузе: С. I. L., III (suppl.), 7954; в Апуле: С. I. L., II (suppl.), 7761; в Сирмии: С. I. L., III, 6443; в Келее: С. I. L., III (suppl.), 11701.

⁹ Mommsen. Le Provincie romane de Cesare a Diocleziano, vol. II, 456.

способами гибкие, умные и хитрые семиты Сирии во всех частях империи извлекали золото и серебро в обмен на наслаждения и роскошь; приобретенное богатство они снова тратили в Сирии на роскошь и наслаждения; но в этой вечной и утомительной погоне за удовольствиями, которую люди склонны были оплачивать на вес золота, в этом постоянном соприкосновении со сладострастием, которым наслаждались или приказывали наслаждаться, это общество, наконец, подверглось моральному вырождению. Эта страна купцов и судокозьев никогда не была способна усвоить ни одной из великих философских концепций, ни одной из великих политических идей, ни одного из великих художественных или литературных стремлений эллинизма, которые могли бы вести ее к более высоким целям. Ее литература состояла только из плохих греческих романов, наполненных волшебными, любовными и разбойническими историями, которые можно сравнить с наиболее грубыми из наших фельетонов. В Сирии пренебрегали великими искусствами, как-то скульптурой и архитектурой, требующими не только остроумия и ловкости, но и мощи духа и воли.¹ Религия там сводилась к тем эротическим культам, распространение которых мы уже видели в Малой Азии, и в грубой практике суеверия, в оргиях и скучных празднествах они расточали весь философский дух, который может поставить людей в соприкосновение с бесконечным.² Повсюду жизнь была легкой и несерьезной. Звуки кротал и систра усыпили остатки энергии и силы, на которых основывались республиканские учреждения греческого полиса. В сирийских городах не было более ни борьбы, ни партий; изобилие, развращения, сладострастные культы, легкость сношений с богатыми классами — все это более, чем угрозы закона, поддерживало теперь порядок; сами крестьяне покорно подчинились теперь своему полурабству, не бывшему, впрочем, тяжелым. Если беспокойный дух сирийцев вызывал по временам беспорядки, особенно в индустриальных городах, то они без труда успокаивались сами собой. Привыкнув к легкой прибыли, вся страна платила безропотно, с покорным безразличием свою подать, т. е. наибольшую часть сумм, необходимых для содержания римской армии. Она не жаловалась на подать и, однако, не отдавала себе отчета в том, что благодаря этой армии, охранявшей границы и обеспечивавшей мир, она может наводнять империю своими купцами, своими слугами, своими увеселениями и своими куртизанками.

Для Сирии во время своего пребывания там Август сделал Внутренние немногое. Он только отнял у Тира и Сидона их свободу вследствие беспорядков, разразившихся в этих городах незадолго до того.³ в Иудее Иудея, напротив, доставила ему большие заботы. Политика Ирода, какой бы благоразумной она ни была, была плохо принята этим странным еврейским народом, которым было управлять так же трудно, как легко было управлять сирийцами. Фанатические поклонники традиции, полные национальной гордости, не отвечавшей их могуществу, постоянно недовольные, постоянно оппозиционно

¹ Mommsen. *Le Province romane de Cesare a Diocleziano*. Roma, vol. II, 454 сл.

² См.: Luciani *De Dea Syria*, — картину религиозных нравов в Сирии во втором веке, которую можно применить также и к эпохе Августа.

³ Dio, LIV, 7.

настроенные к господствующей политике, иудеи ненавидели Ирода. Этому недавно обратившемуся в иудейство идумеянину, этому сыну слуги, узурпировавшему трон своего господина, ставили в упрек его романофильскую политику как измену и его эллинофильские чувства как безбожие. Ирод безуспешно старался преодолеть свою непопулярность, прибегая к самым остроумным средствам; сторонники низложенной фамилии и уцелевшие ее члены, которых он ввел в свой дворец, женившись на Марианне, племяннице двух последних Асмонеев, в тщетной надежде узаконить таким образом свою узурпацию, не переставали разжигать ненависть народа. Ненавидимый как узурпатор, непопулярный как раз за то, что было всего более умного и выгодного в его политике, малоуверенный даже в своих близких, этот жестокий, чувственный и подозрительный араб установил господство шпионства и террора и по несправедливым основаниям приказал убить Марианну. Этим он еще усилил народную ненависть. Города и частные лица постоянно жаловались Августу на жестокости Ирода, и в данный момент жители города Гадары прибегли к нему с просьбой включить их город в состав провинции Сирии.¹ Август мог поэтому спросить себя, не вызовет ли он, продолжая поддерживать Ирода, глубокое и сильное волнение в Иудее, ответственность за которое падет на Рим.² Положение было трудное: Рим мог рассчитывать на Ирода, но его непопулярность сделалась столь великой, что он не мог, не подвергаясь величайшему риску, продолжать пользоваться этим верным, но опасным вассалом.

Август и Ирод В Сирии Август увиделся с Иродом, дал аудиенцию жителям Гадары, рассмотрел положение со всех сторон и убедился, что, несмотря на свои ошибки и заблуждения, Ирод честно работал одновременно для блага Рима, восточных провинций и иудеев. В своем маленьком царстве Ирод, подобно Августу в его огромной империи, находился в положении, полном противоречий, и был принужден прибегать к опасным средствам для реализации самых мудрых идей. Август поэтому отказал в просьбе жителям Гадары; он продолжал выказывать расположение к Ироду; и видя, что это был человек умный, деятельный и верный, сделал его своим главным прокуратором в Сирии, поручив ему надзор и руководство различными прокураторами, рассеянными в этой богатой провинции. Когда умер Зенодор, незначительный царек Абилы в Антиливане, Август отдал его владения Ироду.³ Потом при приближении зимы Август возвратился на дорогой ему Самос,⁴ в то время как Тиберий отправился провести зиму на Родосе.⁵

Гораций и пуританская партия В Риме между тем замешательство все возрастало. Соглашение с парфянами не остановило брожения пуританского духа, которым средние классы, образованные круги и наиболее серьезная часть аристократии продолжали протестовать против неполной аристократической реставрации 27 г. Общество, более и более раздраженное, обращало свое дурное расположение на всех: на аристократию,

¹ Ios. A. I., XV, X, 3.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Dio, LIV, 9.

⁵ Sueton. Tib., 11.

развращенные нравы которой более, чем когда-либо, возбуждали его негодование; на последние остатки демократической партии, тщетно старавшейся снова завоевать народное расположение, и на Горация, который, наконец, опубликовал свои оды. После стольких лет, проведенных в уединенных трудах, целью которых было пересадить и акклиматизировать в Италии наиболее прекрасные размеры, наиболее грациозные формы и наиболее чудесные мотивы греческой лирической поэзии, он, вполне довольный, наконец, своей работой, опубликовал ее, ожидая от публики похвал. Но и критика, и публика встретили ее холодно и почти враждебно. Оды понравились только немногим, способным их оценить, и особенно Августу, назвавшему их «бессмертным трудом»;¹ но литераторы, профессиональные критики и публика находили тысячи упреков, которые можно было сделать этому маленькому томику. Рим читал его, ибо Гораций сделался столь известным писателем, что нельзя было игнорировать его произведения, но Рим не понял этого капитального труда своей литературы и вместо того, чтобы восхищаться им, предпочитал распространять даже на его вечную красоту смутное недовольство данного момента.² Пуританская партия была раздражена его эротическими стихотворениями и обвиняла их в безнравственности;³ критики мстили ему за презрение, которое он, держась в стороне, выказывал мелким литературным кружкам; тупая публика, хотевшая находить все современное хуже древнего и привыкшая за целые века к монотонной торжественности гекзаметра и простому размеру двустиший, не умела оценить ни разнообразие размеров, которое неожиданно дал ему поэт, ни тем более его столь утонченный язык и его чудные описания; она упрекала в недостатке оригинальности этот труд, который не нравился ей именно потому, что был слишком оригинален. Да, говорили тогда, эти стихи грациозны и их можно читать, но они все — подражание Архилоху, Алкею и Сапфо.⁴ Италия боялась, так сказать, признать свое собственное изображение в этих неразрешимых противоречиях и предпочитала, рассматривая подробности и форму, воображать, что это было подражание греческим произведениям. В это же время в Риме снова разразился крупный и ужасный беспорядок, когда Эгнаций Руф, столь известный эдил

¹ Sueton. Vita Hor.: Scripta... ejus... mansura perpetuo opinatus est, ut non modo saeculare carmen componendum iniunxerit, sed et Vindellicam victoriam Tiberii Drusique. Суждение относительно вечности сочинений Горация, как кажется, относится преимущественно к одам.

² Hor. Epist., I, XIX, 35.

³ Первое послание первой книги, как мне кажется, доказывает существование такого упрека. Он говорит, что не хочет более писать легкомысленные стихотворения, а займется моральной поэзией; v. 10—11:

Так-то и я оставляю стихи и другие забавы;
Всею душою ищу я того, что истинно, честно.

Эти стихи указывают, что он не был удовлетворен приемом, оказанным его одам, и так как мы находимся в эпохе, когда готовились знаменитые социальные законы 18 г., то мне кажется вероятным, что Горация побудило к занятиям моральной философией общественное мнение, которому оды не нравились ни по содержанию, ни по форме. Многие открыто говорили, что Рим нуждается не в легкомысленных поэтах, а в суровых писателях, способных давать хорошие жизненные уроки.

⁴ Hor. Epist., I, XIX, 19.

и столь ненавистный аристократии пожарный, выставил свою кандидатуру в консулы.

Кандидатура Аристократия, привыкшая уже много лет, как в давно прошедшие прекрасные времена, занимать оба консульских поста, Эгнация ни за что не хотела, чтобы человек столь незнатного происхождения, хваставшийся своей независимостью от знати, был избран консулом. Но Эгнаций был, может быть, единственным кандидатом, который мог теперь надеяться иметь успех в Риме даже без помощи маленькой властвующей олигархии и несмотря на возрастающее отвращение к новым людям. Эгнацию противопоставили двух очень могущественных кандидатов: Гая Сенция Сатурнина, знатного древнего рода, и самого Августа, несмотря на его отсутствие и неоднократные отказы. Эгнаций должен был удалиться, Август и Сенций были избраны, а когда Август отказался, долго откладывали дополнительные выборы, так что 1 января 19 г. Сенций один вступил в отправление должности.¹ Полный господствовавшего тогда архаического и пуританского настроения, он хотел быть консулом древних времен. Он применил суровые меры к голодной орде, разграблявшей общественные финансы и не имевшей более связей, друзей, влияния или богатства, нужных для того, чтобы остановить эти взрывы такого жестокого и непредвиденного бешенства. Мелким откупщикам, привыкшим к снисходительному отношению, он предписал строгое соблюдение их контрактов; он заставил проверять счета до последнего сестерция; он с неумолимой строгостью потребовал долгов, еще не уплаченных государству,² и потревожил таким образом многих бедняков для того, чтобы сделать государству экономию в несколько тысяч сестерциев и заставить удивляться себе всех дураков и прислужников аристократии, видевших в нем спасителя морали и республики. Это, думали они, действительно человек, достойный древних времен. Сенций поэтому очень возгордился и, когда нужно было приступить к выборам ему товарища, счел себя достаточно сильным для того, чтобы быть в состоянии поступить с Эгнацием Руфом, как с мелкими римскими откупщиками: он объявил, что, если Эгнаций Руф выставит свою кандидатуру, он откажется вписать его в число кандидатов. Но Эгнаций Руф был популярен, смел и честолюбив; он не испугался и выставил свою кандидатуру против кандидатуры Лукреция Веспиллона, знатного, бывшего в числе проскриптов 42 г. и сражавшегося при Филиппах, а когда Сенций вычеркнул его имя из списка кандидатов, он не подчинился этому и продолжал искать голосов, бросая вызов консулу и всем тем, кто его поддерживал своими аплодисментами и похвалами.³ Консерваторы и народная партия еще раз собрали все свои силы для борьбы за и против Руфа; Сенций в гневе объявил, что, даже если Руф будет избран, он не объявит его консулом;⁴ с обеих сторон прибегли сперва к деньгам, а потом к силе. Начались беспорядки, и пролилась

¹ Dio, LIV, 10; Velleius Paterculus, II, 92: [Saturinus] forte solus et absente Caesare consul...

² Velleius Paterculus, II, XCII.

³ Ibid., 4.

⁴ Ibid.

кровь;¹ аристократическая котерия, несмотря на свой возраст, обрела весь пыл молодости; она хотела дать урок и требовала, чтобы Сенций произвел набор и начал резню. Но здесь у грозного консула не хватило мужества; он отказался, не желая подражать Опимию и Назике. Обе партии были принуждены бороться друг с другом взаимной обструкцией, настолько же смешной, насколько и жестокой, которая наполняла весь Рим беспорядками; это продолжалось так долго, что второй консул не был избран еще в июне месяце.² Наконец, аристократическая котерия поняла, что она одна никогда не одолеет неукротимого пожарного, и снова обратилась к Августу, прося его прийти ей на помощь.

Посреди этих волнений был открыт новый водопровод Aqua Virgo, устроенный Агриппой;³ это было замечательное предприятие в том усовершенствовании городского управления, которого все требовали в Риме. В этом пункте никто не сожалел о прошлом. Что касается Августа, то, хотя сенат и отдельные лица просили его возвратиться в Рим, он остановился по дороге в Афинах,⁴ где в это же время находился Вергилий. Последний предпринял продолжительное путешествие на Восток с целью посетить места, где протекала его поэма, ранее, чем в последний раз приложить к ней руку, и встретился в аттической столице со своим знаменитым другом. Август медлил, вероятно, по тем же основаниям, по которым аристократия просила его возвратиться: он думал об опасностях, какими грозило ему присутствие в Риме, тогда как другие видели в этом присутствии выгоды для них; и он выжидал, надеясь, что обе партии покончат наконец свой раздор и что ему можно будет ждать восстановления спокойствия, чтобы возвратиться в Рим. Дела, однако, в Риме шли все хуже и хуже, и ему пришлось решиться вернуться туда. Поэтому в августе месяце он выехал в Италию, увозя с собой Вергилия, здоровье которого пошатнулось и который отказался от своего едва начатого путешествия. В Брундизии, чувствуя, что болезнь усиливается, поэт сказал последнее прости своему великому другу и покровителю, для которого он составлял свой труд. Август продолжал свой путь к Кампанию, куда навстречу ему выехала депутация из наиболее выдающихся людей Рима. Их сопровождала часть преторов и трибунов, и с ними был Кв. Лукреций Веспиллон, кандидат, тщетно оспаривавший место у Эгнация. Предлогом для депутации служило желание оказать почесть Августу от имени всего города и сообщить ему о печальном состоянии, в каком находился Рим, но в действительности аристократическая котерия желала приобрести его поддержку. *Principes viri* просили президента устранить кандидатуру Эгнация и имели такой успех, что убедили Августа в необходимости прибегнуть, как к единственному средству, к своей дискреционной власти и самому назначить консула вместо

¹ Dio, LIV, 10; мне кажется вероятным, что волнения, о которых говорит Дион, разразились в эту последнюю стадию борьбы, которая должна была быть наиболее жестокой.

² Надпись С. I. L., XI, 861, доказывает нам, что в июне консулом был еще один Сенций; а надпись С. I. L., XI, 2255,— что в середине августа назначение ему товарища еще не было известно в Испании.

³ Frontin. De Aquaeduc., 10.

⁴ Dio, LIV, 11; Mon. Anc., II, 34.

обращения к комициям. Август уступил и еще раз дал победу консерваторам, выбрав Лукреция, прежнего проскрипта.¹ Аристократическая партия готовилась принять Августа в Риме с большой торжественностью под предлогом победы над парфянами, которую преувеличивали, успеха его восточной политики и умиротворения Востока, но в действительности в благодарность за оставление Эгнация. Удар, нанесенный слишком ревностному пожарному, имел в их глазах большее значение, чем все восточные успехи. Но благоразумный Август, никогда не желавший доводить до отчаяния тех, кого принужден был оскорбить, не согласился на эту триумфальную манифестацию: он без шума приблизился к Риму и неожиданно в ночь с 11 на 12 октября незаметно вошел в него, подобно простому смертному.² Утром партия, готовившаяся торжествовать над побежденными своими празднествами в честь Августа, узнала, что последний находится уже в своем доме на Палатине и что все ее прекрасные приготовления бесполезны.

¹ Dio, LIV, 10.

² Ibid.

VII

Великие социальные законы 18 года до Р. Х.

Смерть Вергилия.— Гораций пишет свои «Послания».— Решение оказать Августу новые почести.— Требование реформы нравов.— Гораций и пуританское движение.— Нравственность и законы.— Август и пуританское движение.— Конец первого десятилетия принципата.— Затруднения в законодательстве о нравах.— Агриппа и Август как президенты республики.— Очищение сената.— *Lex de maritandis ordinibus*.— Браки между гражданами и вольноотпущенниками.— Поощрение браков.— Кары на холостяков.— Утверждение закона.— Новая агитация пуританской партии.— Юлия.— Колебания Августа.— *Lex Iulia de adulteriis*.— *Adulterium est iudicium publicum*.— *Adulterium, lenocinium, stuprum*.— Цель и характер этих законов.— Тимократическая реформа конституции.

Незадолго до этого, 21 сентября,¹ Вергилий скончался в Брун- Смерть
дизии, где он только что высадился и составил завещание, по которому оставил половину своего состояния, полученного им от своих Вергилия;
друзей и простиравшегося до 10 миллионов сестерциев, своему сводному брату, четверть — Августу, двенадцатую часть Меценату, а остальное двум своим ученым друзьям, Луцию Варию и Плотию «Энеида»
Тукке.² Таким образом, всего в пятьдесят два года кроткий поэт георгик и эклог навсегда опустил свою главу на свой неоконченный труд, оставляя только несовершенное собрание удивительных отрывков, еще плохо связанных друг с другом. Он не мог соединить в одно целое столь многочисленные и столь разнообразные материалы, которыми он пользовался при составлении своей поэмы: элемент драматический и элемент символический, латинскую археологию и греческую мифологию, философию и легенду, историю и поэзию. Второстепенные персонажи поэмы, например Дидона и Турн, живы и человечны; но Эней является благочестивым автоматом, нити от которого в руках тех богов, которые уже не человеческие существа, живущие и действующие на гомеровском Олимпе, но еще и не абстрактные символы метафизических религий. Описание пожара Трои — чудо движения и красок, но поэме нехватает эпического вдохновения, потому что все в ней заранее предустановлено: Эней, эта благочестивая кукла, будет победителем, ничего не делая, кроме произнесения скучных речей, а Турн, несмотря на свою храбрость, силу и пылкость, будет побежден, потому что это необходимо для судеб Италии. С историей Дидоны и Энея мы снова вступаем в

¹ Donat. Vita, 62 sq. R.— St. Hieron., ad ann. 2000. У Сервия (Vita, 2 L.) ошибка.

² Donat. Vita, 63 R.; Probus, 1, K.; Servius Prooem. Aen., 2.

человеческую область, но сама эта история грубо обрублена, так как этого требовали философские потребности поэмы, заставляющие Энея автоматически уехать, как заставили его приехать и влюбиться в царицу, чтобы оправдать будущие войны между Римом и Карфагеном.

В описании первобытного Лация есть свежесть и почти музыкальная нежность; но это описание невыгодно расположено, будучи вставлено в военную поэму, в которой слишком чувствуется подражание «Илиаде» и которая полна битв, весьма суммарному рассказу о которых не хватает ясности. Чувствуется, что Вергилий никогда не замечал, что он воспроизводит описание, сделанные другими, беря отсюда и оттуда живописные подробности, но не умея сделать целое действительно живым. План поэмы гигантский; он настолько выше плана «Илиады», насколько больше были дела Рима в политике и цивилизации и насколько они превосходили деяния Греции. «Энеида» не просто человеческая драма, подобно ссоре Агамемнона и Ахилла; Вергилий хотел изложить в ней всю философию длинной истории великого народа, вывести в сумеречном видении будущность святого города, властвующего над миром; вдохновленный эпическим величием, его труд старался собрать и оживить в полном жизни рассказе все предания древней умирающей религии. Если бы выполнение соответствовало величию замысла, Вергилий написал бы шедевр всемирной литературы; он превзошел бы Гомера, и Данте не мог бы равняться с ним. К несчастью, как все римские творения, и это, план которого был столь грандиозен, осталось неоконченным. Вергилий сам первый это сознавал и, умирая, завещал Варию и Тукке сжечь свою рукопись. Он не предвидел, чем сделается со столетиями его труд в воображении людей, что мир, сделавшийся христианским, увидит пророческую ясность в этом туманном видении Рима как святого города, которое он рисовал, созерцая прошлое. Десять миллионов сестерциев, данных поэту политической аристократией Рима, пропали: Италия не имела бы столь долго и столь нетерпеливо ожидаемой национальной поэмы, если бы Варий и Тукка, повинаясь приказанию умирающего, сожгли драгоценную рукопись...

Послания Вергилий, несмотря ни на что, был поэт, достойный зависти: он **Горация** умирал, пользуясь огромной популярностью, оплакиваемый плененной им Италией, которая ожидала от него образцового произведения уже слишком долго и с чрезмерным доверием, для того чтобы не найти оставленную им поэму, какова бы она ни была, полной возвышенных красот. Если указывали на ее недостатки, то в них винили судьбу, не позволившую художнику окончательно отделать свое творение. Гораций, напротив, недовольный и упавший духом вследствие холодного приема, оказанного его одам, и обеспокоенный упреками пуританской партии, принялся заниматься моральной философией и старался занять место среди тех, кто хотел исправить современные нравы. Он возвратился к сатирическому жанру, но с умом более зрелым и более уравновешенным, с иронией более тонкой и более глубокой и принялся писать «Послания», в которых, говоря о каких-нибудь недавних происшествиях, с фонарем философа прогуливался среди пороков, лжи и противоречий своей эпохи. Но очень часто он шел наугад, следуя капризам своего воображения, своих впечатлений и своего чтения, никогда не принуждая себя следовать пути, проложенному какой-либо доктриной.

Если ты спросишь, кто мной руководит и кто мой наставник,
Я не обязан никем повторять за учителем клятву,
А куда занесет погода, являюсь там гостем.¹

Но хотя эти моральные послания были написаны, вероятно, с целью снова приобрести расположение римской публики, натура у Горация была сильнее его намерений, так что даже в этих сатирических и философских исканиях, как и в лирических исканиях предшествующих лет, ему постоянно приходилось противоречить народным влечениям. Эпоха была столь странной, что поступки никогда не приводили к той цели, которую можно было предвидеть. Август задумал удалиться из Рима и отправиться заключать соглашение с парфянами, чтобы избежать внутренних затруднений; а заключенное им соглашение привело его, более чем когда-либо, к этим затруднениям. Сенат, нисколько не пав духом вследствие его тайного въезда в Рим, постарался еще яснее выразить ему нетерпение, с которым его ожидала Италия, объявив праздничным днем 12 октября, день его возвращения, установив в этот день новые празднества, *Augustalia*, решив воздвигнуть у Капенских ворот возле храма Чести и Силы алтарь Фортуны возвращения и приказав понтификам и весталкам ежегодно совершать жертвоприношение на этом алтаре.² Этими почестями сенат выражал общественное мнение, которое уже давно с нетерпением желало засвидетельствовать Августу свое уважение за совершенные на Востоке подвиги и поручить ему еще более важную миссию — реформу нравов. Последние скандалы до такой степени возмутили пуритан и поклонников традиций, что с этих пор все, хотя и по различным мотивам, требовали серьезной и радикальной социальной реформы. Раздраженная долгой борьбой, вызванной кандидатурой Эгнация Руфа, ободренная настроением общества и окончательным триумфом, партия знати осмелилась, наконец, открыто потребовать того, чего она так давно желала втайне: очищения сената, изгнания из него революционных выскочек; возвращения если и к не вполне аристократической конституции, то по крайней мере к тимократической, т. е. основанной на цензе, и недопущения к занятию государственных должностей лиц, не имевших известного состояния. Средние классы, лучшие из всадников, интеллигенция, все эти слои, все более и более недовольные и стремившиеся к невозможному совершенству, так же, хотя и по другим мотивам, хотели такого очищения. Не опасаясь, что они сами загораживают себе дорогу в сенат, они громко говорили, что нужен сенат немногочисленный, составленный из влиятельных лиц, а не огромное собрание, подобное сенату того времени, состоявшему из восьмисот или девятисот членов. Они требовали также, и на этот раз более настоятельно, законов, которые принудили бы богачей вести ту же скромную и добродетельную жизнь, к которой принуждала их бедность, и которые подавляли бы наиболее скандальные беспорядки частной жизни. Человека мудрого и сильного, стремящегося к общественной пользе, который сумел бы вернуть в Рим Стыд, изгнанный столькими ужасами, — вот чего требовали повсюду в Италии. И кто мог быть этим человеком, кроме Августа?

¹ Hor. Epist., I, I, 13 sq.

² Mon. Anc., II, XXVII, 33 (lat.); VI, 7 — 14; C. I. L., I², 332; Dio, LIV, 10; Cohen, 78 — 79; 138; Aug., CII, 107 — 108.

Требования реформы Поэтому немедленно по своем возвращении Август увидел себя осажденным настойчивой толпой поклонников, желавших тем или другим способом принудить его быть спасителем Рима, Италии, империи и мира. Еще до окончания года предложили назначить его *praefectus morum* с цензорской властью.¹ Постоянно являлись депутаты, повторявшие, что Рим и Италия устали от беспорядков, и умолявшие его исправить все злоупотребления, как он найдет нужным, издавать столько законов, сколько ему угодно, и очистить, наконец, отвратительную клоаку мира.² Этот важный вопрос до такой степени занимал общество, что Тит Ливий, дойдя в составляемой им истории до 195 г., когда был уничтожен *Lex Orbia* против женской роскоши, счел своим долгом подробно изложить тогдашние споры, речь Катона и ответ его противников и ввел туда, вероятно, большое число аргументов, которые выставляли тогда за или против законов о нравах.³ Общественное течение было теперь столь сильным, что никто не осмеливался более противиться этому; один Гораций, осужденный с этих пор думать обо всем иначе, чем его сограждане, щедро расточал в своих посланиях иронические опровержения по поводу этого пуританского движения, которое думало возродить мир написанными на бумаге законами, тогда как порок и добродетель находятся внутри человека и суть привычки чувства и мысли. Если люди не приучаются с детства различать добро и зло и обуздывать свои порочные страсти, если они позволяют себе слишком увлекаться почестями, удовольствиями, богатством, если они слушают то, что говорит *Ianus summus ab imo* — биржевой курс, сказали бы мы теперь...

Граждане, граждане! прежде всего заботьтесь о деньгах:
Доблесть монете вослед...⁴

Если за меру достоинства они принимают ценз, необходимый для выполнения общественных повинностей, то добродетель постоянно будет бесполезной химерой.

Если б спросил меня римский народ случайно, зачем я,
Так же как колоннад, не держусь всеобщих суждений,
Не иду, но бегу я того, что сам-то он любит
Иль ненавидит, отвечу, что древле хитрячка лисица
Льву больному сказала: «Следы меня очень пугают,
Все они повернулись к тебе, а обратных не видно».
Многоголовый ты зверь. За чем я пойду иль за кем я?
Часть людей стремится снять откуп, иной на охоту
За скупыми вдовами, взяв яблок да пряников, ходит
Да стариков подловляет и тут же в садок их сажает;
У премногих богатство растет в ростовщичестве тайном.
Но пусть склонен один к одному, другой же к другому,
Те же люди способны ль хоть час того же держаться?»⁵

Сущность нравственности есть здоровое воспитание ума и сердца, привычный экзамен, который каждый должен производить своим мыслям и чувствам.⁶ «Илиада» и «Одиссея» кажутся Горацию чудесным руководством практической морали, ибо высшие классы,

¹ *Mon. Anc.*, III, 11 — 12; см. примечание Моммзена ad I и ниже, пр. 1 на с. 178.

² *Dio*, LIV, 10.

³ *Titus Livius*, XXXIV, 2 — 8.

⁴ *Hor. Epist.*, I, I, 53 сл.

⁵ *Ibid.*, 70 сл.

⁶ Напр.: *Ibid.*, I, II, 32 сл.

стремящиеся исправлять чужие недостатки, могут беспрестанно открывать там свои собственные. В чудном стихе Гораций сжато выражает всю политическую философию:

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi —
Сходят с ума-то цари, а спины трещат у ахейцев.¹

Общему стремлению к роскоши и наслаждению Гораций любил противопоставлять свою простую жизнь, свою любовь к деревне, свою независимость, отвечая таким образом всем своим противникам и критикам из пуританской партии, что его дела стоят более, чем их слова.

Как от жреца убежавшему, жертвенных яств мне не надо;
Хлеб для меня вкуснее медовых лепешек.
Ежели жить сообразно с природою нам подобает
И чтобы выстроить дом, мы почву ищем сначала,
Знаешь ли место к тому ты лучше блаженной деревни?²
.....
В городе чище ль вода стремится по трубам свинцовым
Той, что с легким журчаньем струится по речке наклонной?³

И мы видим, что он ссорится со своим арендатором, желающим идти служить в Рим, куда его привлекают всегда открытые кабаки и злачные места.⁴ Как можно надеяться привлечь в деревни свободных граждан и вольноотпущенников, когда так трудно удержать там рабов? Гораций, очевидно, мало любил модный тогда искусственный пуританизм; ему нравилось показывать своим современникам, что в них самих находятся признаки всех болезней развращенной цивилизации, которые они не хотели видеть: сильное и всеобщее желание приобрести деньги,⁵ необузданная гордость,⁶ любовь к роскоши и удовольствию, та бесцельная деятельность, которая во всех цивилизациях является результатом чрезвычайного богатства и безопасности; та чрезмерная нервная чувствительность, которую Гораций называет *strenua inertia*,⁷ благодаря которой богачи постоянно недовольны, постоянно хотят то того, то другого и, получив страстно желаемое, тотчас же бросают его. А еще важнее, что бедные начинают хворать тою же болезнью, что и богатые.

Что же бедняк-то? Смешно, — он меняет каморку, диваны,
Бани, цирюльни, ему в наемной лодке не меньше
Тошно, чем богачу, что едет на собственной яхте.⁸

Вывод из этой философии очень прост. Счастье или несчастье зависит от душевного настроения, а не от внешних причин. Люди, не знающие этого, глупо воображают, что можно достигнуть благополучия, преследуя его на корабле с распущенными парусами или на колеснице, вскачь везомой лошадьми.⁹ Гораций имеет смелость говорить всем, с утра до вечера требовавшим уважения к законам, что

¹ Hor. Epist., I, II, 14.

² Ibid., I, X, 10 — 14. Перевод А. А. Фета.

³ Ibid., 20.

⁴ Ibid., 21.

⁵ Ibid., I, I, 43 сл.; II, VI, 29 сл.

⁶ Ibid., I, VI, 49.

⁷ Ibid., I, II, 28.

⁸ Ibid., I, I, 91 — 94.

⁹ Hor. Epist., I, II, 28.

жалка та добродетель, которая состоит только в почитании сенатус-консультов, законов и гражданского права. Сколько дурных поступков можно совершить, даже почитая законы! Общество видит честного человека в том, кто приносит, как должно, в жертву богам свинью или быка, даже если затем он шепотом просит у Лаверны, богини воров, возможности безнаказанно и сльва за благочестивого человека совершать обманы и кражи. Это значило ясно сказать, что современный Горацию пуританизм казался поэту только более утонченной формой плутовства.

Август и пуританское движение Но Гораций был любящий уединение поэт, которому достаточно было его ренты для существования, тогда как Август был повелителем мира. Первый мог думать и писать, что ему было угодно; второй, напротив, был слугой толпы. Противоречия, которым критический ум поэта объявлял войну из глубины своего рабочего кабинета и над которым он хотел одержать бесплодную победу критической мысли, главе империи представлялись, напротив, как силы, бесконечно превосходящие его собственные. Были ли они химерическими или нет, безразлично: пуританские домогательства сделались так настоятельны и так всеобщы, что трудно было бы не считаться с ними. Август много сделал для римского плебса и аристократии, но средним классам, требовавшим этих законов, он дал только платоническое удовлетворение мира с парфянами и очень медленное исправление дорог полуострова, а поэтому он не мог смотреть на эти домогательства со скептицизмом Горация. Конечно, они питались старой ненавистью и сомнением, но они исходили также из здорового понимания жизни и соответствовали долгой национальной традиции. Многочисленные законы, подобные тем, которых требовали в данное время, были предложены и утверждены в прошлые столетия. Это было очевидным доказательством, что многие поколения считали их действительными, по крайней мере для того, чтобы задержать процесс порчи нравов. Почему же эти законы не сохранили своей силы и в настоящее время? Пример древних должен был ободрить такого горячего сторонника традиции, каким был Август. Август действительно не отказывался от цензурской власти¹ и *сига тогит*, но он не хотел пользоваться ими с такой быстротой и в таких широких размерах, как требовало нетерпеливое общество; он решил с большим вниманием

¹ Современные историки не хотят согласиться с Дионом (LIV, 10) и Светонием (Aug., 27), которые, правда, давая различные подробности, говорят, что Август имел *сига тогит* и, следовательно, принял ее. Они, напротив, соглашаются с противоположным утверждением: Моп. Апс. (Gr.) III, 11 — 21. — Однако Август не мог произвести *lectio senatus* следующего года в силу трибунской власти, как он говорит в Моп. Апс., где он, очевидно, упоминает о предложении *leges Juliae*. Эта *lectio* должна была быть произведена в силу полномочий цензора, которые ему были переданы вместе с *сига тогит*. Должно прибавить, что Дион (LIV, 16) передает о другой мере, принятой Августом в силу своих цензурских полномочий, и что мы увидим впоследствии и другие его мероприятия, которые можно объяснить только полномочиями, предоставленными ему *сига тогит*. Все эти соображения заставляют меня думать, что Дион и Светоний не так далеки от истины, как кажется, а Моп. Апс. не так правдив. Август лишь очень редко прибегал к цензурским и иным полномочиям, предоставленным ему вместе с *сига тогит*; он работал над реформой нравов не путем этих полномочий, а предлагая в качестве трибуна законы в комициях. Но неточно сказать, что он никогда не прибегал к этим полномочиям и что, следовательно, он не принимал их. В Моп. Апс. Август в конце своей жизни мог сказать то, что он сказал из преувеличения, и утверждать, что никогда не прибегал к власти, которой в действительности пользовался в крайне редких и исключительных случаях, так

приняться за изучение законов столь давно начатой реформы и поручил комиссии из сенаторов¹ приготовить прежде всего закон против безбрачия. В таком важном деле он не хотел принимать опрометчивых решений; путем этих предварительных обследований он хотел только дать первое удовлетворение обществу и подготовить путь для того, чтобы позже, когда не будет более возможности откладывать реформу, она была бы более легкой и менее опасной. Благоприятный случай не замедлил представиться. 15 декабря освятили алтарь Фортуне возвращения; 19 г. до Р. X. приближался к концу, начинался 18 г., последний год принципата Августа. Полномочия принцепса должны были закончиться в конце этого года.

Но никто не хотел допустить возможности удаления Августа. Окончание одного года не могло быть достаточно для удачного окончания столь первого важной задачи, как реформа нравов; поэтому общим желанием было десятилетия удержать Августа во главе государства для того, чтобы он предложил принципата эти законы, как десять лет тому назад хотели, чтобы он восстановил мир. И Август, потому ли, что сам хотел этого, или потому, что не мог поступить иначе, или по той и другой причине, был склонен принять продолжение своих полномочий. Он, однако, не хотел вновь брать на себя одного столь тяжелое бремя, которое с каждым годом становилось все тяжелее вследствие требований общества, и задумал новую организацию верховной власти, третью уже в течение десяти лет. Он хотел иметь своим товарищем Агриппу и разделять с ним почести и заботы, привилегии и ответственность. Поэтому он пригласил Агриппу возвратиться из Галлии, где тот только что выполнил несколько важных мероприятий, о которых мы скоро будем говорить. Дождаясь его прибытия в Рим и обсуждая с комиссией сенаторов различные сделанные предложения, Август спас от уничтожения поэму Вергилия и сохранил таким образом Италии творение, в котором все национальные стремления были переданы в мелодичных стихах. Благодаря его вмешательству Варий и Тукка, душеприказчики Вергилия, осмелились нарушить волю умершего поэта и, вместо того чтобы сжечь «Энеиду», работали над восстановлением рукописи. Странная ирония событий: в тот момент, когда вся Италия требовала возвращения к нерушимому авторитету законов, Август при всеобщем одобрении отменял последнюю волю умершего, которая для древних римлян имела силу нерушимого закона. Литературный шедевр для этого поколения стоил, сле-

что Дион и Светоний не совсем неправы. Дион (LIV, 10) ошибается, когда говорит, что в 19 г. суга погит была дана Августу на пять лет. Август в Моп. Алс. (Gr.) III, 11—12, говорит нам, что суга погит была дана ему в 19 и 18 гг. Почему два раза и с годичным промежутком? Наиболее вероятно, что в 19 г. она была ему дана до конца 18 г., т. е. до десятилетнего принципата, и что в 18 г. она была дана ему на пятилетие с 17 по 12 г., т. е. на тот срок, на который были продолжены и другие его полномочия. Дион мог, таким образом, смешать первое и второе дарование суга погит. Действительно, было бы странным, что в 19 г. суга погит была дана Августу на пять лет, когда не знали, примет ли он продолжение других своих полномочий. Таким образом объясняются слова Августа, что в 11 г. ему снова дали суга погит. Мы увидим тогда, как нужно понимать *regimen perpetuum*, о котором говорит Светоний.

¹ Август, по указанию Диона (LII, 21), таким образом обычно выработывал все сколько-нибудь важные законы и, таким образом, он должен был приступить и к выработке этих столь важных и опасных социальных законов, затрагивавших столько интересов. Сам Дион в другом месте (LIV, 16) дает нам понять, что этим законам предшествовали долгие переговоры с сенатом и наиболее влиятельными партиями.

довательно, святотатства. Это было благородной смелостью для высококультурного и утонченного государства, но дурным началом для страны, стремящейся возвратиться к дисциплине военного управления. Но Тит Ливий уже сказал: „Nec vitia nostra nec remedia pati possumus“.

Затруднения, против безбрачия, выяснялось, что всякая подобная реформа не будет в состоянии выйти из неразрешимого противоречия. Издать законом закон против безбрачия значило декретировать более или менее против явным образом обязательство для всех граждан вступать в брак, безбрачия как это и было предложено сто лет тому назад, когда зло еще только начиналось, Квинтом Метеллом Македонским в его знаменитой речи *De prole augendo*. Но было очевидно, что сделать, как некогда, брак обязанностью, от которой нельзя было уклоняться, значило бы вернуть отцу права, некогда соответствовавшие этой обязанности: права над его женой, над его детьми, над их собственностью; снова нужно было бы ограничить все свободы, которые мало-помалу разрушили древний деспотизм отца семейства; в особенности нужно было бы заставить исчезнуть феминизм, ту прогрессивную эмансипацию женщины, которая приближалась теперь к полной свободе. Все действительно были согласны, что эта свобода являлась главной причиной распада древней семьи. Но хотя Август, как мы сейчас видим, был противником феминизма, он не хотел вести реформу по слишком трудному пути или посягнуть на какую-нибудь из свобод, разрушивших древнюю семейную организацию. Слишком уж давно высшие классы пользовались и злоупотребляли этими свободами, затрагивавшими теперь слишком много интересов и застаревших привычек. Таким образом впадали в новое противоречие: государство было потрясено распадом семьи, и задачей этого государства было работать над ее реорганизацией. Август предпочитал посмотреть, нельзя ли при помощи искусственной системы наград и наказаний побудить граждан-эгоистов к браку, сохраняя, однако, существующий режим опасной свободы. Но предприятие было нелегким, и месяцы проходили, не приводя ни к какому заключению. К счастью, Агриппа, наконец, возвратился в Рим, и, когда Август имел рядом с собой своего энергичного друга, правительство снова обрело некоторую устойчивость.

Реорганизация верховной власти Начали с установления в подробностях новой организации верховной власти. Все полномочия Августа вместе с *сига тогит* были продолжены на пять лет; ему дали в товарищи Агриппу с такими же полномочиями, т. е. с трибунской властью, высшим надзором за провинциями, правом издавать эдикты и, может быть, с *сига тогит*. Современные историки, загнипотозированные предвзятой мыслью, что Август хотел основать монархию, не понимали ни важности, ни смысла того акта, в силу которого Август, после того как он один стоял во главе правления в течение десяти лет, снова ввел в эту высшую, еще столь неопределенную должность один из наиболее древних и всеобщих принципов республиканских магистратур, коллегиальность, рискуя вновь нарушить единство государства, казавшееся восстановленным благодаря принципату. Из этого видно, как мало он думал об основании монархии и династии. Республика, в продолжение стольких веков имевшая во главе двух ежегодно избираемых консулов, должна была иметь

теперь над консулами двух принцевов, избранных на пять лет.¹ После того как сенат и народ одобрили эту новую организацию верховной власти и сохранили за Августом на пять новых лет *сига тогит*, он решил при помощи Агриппы попытаться очистить сенат. В этом деле он действовал со своим обычным благоразумием. Он полагал, что для очищения сената необходимо уменьшить число сенаторов по крайней мере до трехсот,² но, чтобы не создать слишком много недовольных, решил допустить в новый сенат шестьсот членов. Делая эту уступку правам, приобретенным сенаторами, он не хотел вызвать ненависть даже необходимыми исключениями и придумал для выбора сенаторов особый способ, благодаря которому двести или триста сенаторов, которые доолжны были быть исключенными, в одно прекрасное утро оказались бы выброшенными за дверь сената, незаметно для себя и особенно без всякой возможности быть на кого-либо в претензии. Принеся торжественную клятву, что в этом деле он будет иметь в виду только общественное благо, Август избрал как часть сената тридцать наиболее достойных, по его мнению, граждан; последние, принеся такую же клятву, должны были каждый представить список пяти граждан, по их мнению, наиболее достойных сделаться сенаторами, и из каждого из этих списков по жребию вынимали одно имя. Тридцать граждан, указанных таким образом их товарищами и жребием, должны были присоединиться к тридцати сенаторам, назначенным Августом, и, в свою очередь, должны были каждый составить список пяти граждан, из которых один выбирался сенатором, как прежде, по жребию. К такому способу нужно было прибегнуть двадцать раз, для того чтобы число сенаторов достигло шестисот. При этом никто не был бы исключен лично кем-нибудь, и удаленные сенаторы могли бы возмущаться только против жребия. Из стольких гениальных мыслей этого искусного политика ни одна, может быть, не была более гениальной. В действительности она была даже слишком гениальной и, как часто бывает в подобных случаях, не имела успеха. Все имевшие какое-либо основание думать, что они не попадут в списки, тотчас же возмутились. Как только Август объявил способ, которым он задумал произвести выбор сенаторов, наиболее выдающиеся лица были завалены кучей просьб от своих менее известных соотечественников; утомленные этими просьбами, многие из них сделали то же, что обычно делал Август в затруднительных положениях, — уехали из Рима. Таким образом, при самом начале выборы столкнулись с первым затруднением: некоторых избранных сенаторов не было в Риме, и они не могли составить свои списки. Попробовали помочь делу, выбрав по жребию для замещения отсутствующих сенаторов из числа уже избранных; операции благодаря

¹ Dio, LIV, 12.— Неопределенная фраза, в которой идет речь о продолжении полномочий Августа (*αὐτὸς... προσέβητο*), могла бы навести нас на мысль, что Август решил сам это продолжение, которое, напротив, должно было быть утверждено сенатом, а может быть, и народом. Дион часто делает подобные ошибки. Но место, где он говорит: *τῷ Ἀγρίππᾳ ἀλλὰ τε ἐξ ἴσου καὶ αὐτῷ καὶ τῆν ἐουσίαν τὴν δημοκρατικὴν (?)*... ἔδοκε, по-видимому, указывает, что Агриппа имел те же самые полномочия, что Август, а следовательно, и *сига тогит*, чем, как кажется, доказывается факт, что Агриппа в конце своего пятилетия участвовал, как увидим, в *lectio senatus*.

² Dio, LIV, 14.

этому могли продолжаться, правда, медленнее, чем думали вначале, хотя дело шло о том, чтобы внести в список наиболее известные имена, которые нельзя было исключить; но затруднения, препятствия, медлительность удвоились, когда дошли до множества неизвестных лиц, между которыми было необходимо, но и крайне трудно сделать выбор. Неведомые солдаты революции, видя себя лишенными столь долго желанной почести, которой они достигли с опасностью для своей жизни, принялись за бесконечные происки. Интригами и обманами каждый старался склонить жребий в свою пользу. Раздраженный и утраченный, Август одно время думал ограничить число сенаторов тремя первыми сотнями, которые были уже избраны и были, конечно, лучшими. Потом, боясь, чтобы эта мера не показалась слишком радикальной, он сам пополнил число сенаторов до шестисот, избирая тех, которые казались ему лучшими или менее недостойными.¹

Результаты Ожидания Августа, что очищение сената причинит ему бесконечные тревоги, вполне оправдались. Все исключенные являлись **попытки** перед ним с протестами, требованиями и мольбами; каждый просил **очищения** рассмотреть его дело, которое, разумеется, совершенно отлично от дел всех других; у каждого из них был также влиятельный друг, поддерживавший его. Несмотря на то что в теории все были сторонниками серьезного очищения сената, теперь, когда от разговоров перешли к действиям, каждый спешил помочь своим друзьям и все приводили доводы, что большинство оставленных в сенате не лучше исключенных. Август находился, таким образом, между сциллой и харибдой. Если бы он отказался выслушивать все просьбы, он возбудил бы против себя слишком сильное неудовольствие; если же он дал бы все, что у него просили, то раздражил бы аристократическую партию, желавшую постепенно и без шума возратить в курию тех сенаторов, которые были изгнаны из нее массой. Август начал с исправления некоторых слишком бросавшихся в глаза несправедливостей; потом он постарался утешить исключенных сенаторов, призывая их к терпению.² Время все должно было устроить. Результаты этого первого опыта не могли расположить Августа к производству других реформ. Скоро отовсюду он стал получать доносы о заговорах против его жизни, и начались судебные процессы.³ Серьезные или воображаемые, эти обвинения побуждали Августа держаться настороже;⁴ легко мог найтись человек, который в награду за его труды отправит его преждевременно присоединиться к Цезарю в его блаженном местопребывании и по тому же пути.

Закон Однако, когда было окончено это очищение сената, Август **против** постарался дать большее удовлетворение пуританской партии и **безбрачия** всем, бывшим верными традиции или считавшимся таковыми. В качестве народного трибуна он предложил тщательно выработанный закон против безбрачия, *lex Julia de maritandis ordinibus*.⁵

¹ Dio, LIV, 13; Sueton. Aug., 35: vir virum legit.

² Dio, LIV, 14.

³ Ibid., 15.

⁴ Sueton. Aug., 35.

⁵ Такое заглавие дает ему Светоний (Aug., 34) и Дигесты. Порядок, в каком были предложены эти законы, очень сомнителен: можно утверждать только, что, как мы изложим далее, *lex de maritandis ordinibus* предшествовал *legi de adulteriis* и, может быть, также *legi sumptuariae*. Если следовать порядку Диона (LIV, 16), то

Этот закон был остроумной, но очень искусственной серединой между историческими традициями и современными потребностями, между древним идеалом семьи и пороками, эгоизмом и интересами современников. Он был поэтому сплошным рядом противоречий: с одной стороны он разрушал то, что создал с другой; он беспрепятственно прибегал для восстановления традиции к средствам, которые должны были ускорить окончательно ее падение. Установив обязанность брака для всех граждан,¹ не преступивших: мужчины — шестидесяти, а женщины — пятидесяти лет,² закон смелым и революционным образом разрубил важный вопрос о связях между свободными мужчинами и вольноотпущенницами. Эти сожителства были часты в Риме и в Италии, особенно в среднем классе, по уже вышеизложенным причинам, а также потому, что в Риме в свободном классе было гораздо более мужчин, чем женщин; следовательно, при всем желании каждый не мог жениться на свободной женщине.³ Август, желавший видеть увеличение числа браков, был склонен признать и поощрять эти связи, которые многие из граждан находили более удобными, чем *iustae nuptiae*, в тех случаях, когда от этих связей у них были дети; но пуритане и поклонники традиций ужасались им: они были противны аристократической гордости, и, кроме того, лица, имевшие дочерей в брачном возрасте, с прискорбием видели, что плебеи, всадники и даже сенаторы имеют таким образом наложницами вольноотпущенниц, в то время как столько честных людей принуждены держать своих дочерей у себя дома, не будучи в состоянии выдать их замуж, ибо не могли дать им большого приданого, без чего никто не заботился более обзаводиться своим домом.⁴ Август придумал такой средний путь между традицией и необходимостью: он запретил жениться на вольноотпущенницах, т. е. иметь от них законных детей, только сенаторам, их сыновьям, внукам и правнукам по мужской линии; всем другим гражданам он позволил эти браки.⁵ Человек, олицетворявший в сенате могущество Рима,

первым был издан *lex de ambitu*. Этот вопрос будет рассмотрен далее в связи с другими законами.

¹ Tertullianus. *Apologia*, 4.

² Ulpianus., XVI, 3.

³ Dio, LIV, 16. — Самый факт, что Август решился узаконить эти связи, доказывает нам, что они должны быть очень многочисленны. См. Bouché-Leclercq. *Les lois démographiques d'Auguste* в *Revue historique*, vol. LVII, 258.

⁴ Dio, LIV, 16; *Digesta*, XXIII, II, 44 (Paulus); Ulpianus. *Frag.*, XIII, 1.

⁵ *Digesta*, XXV, VII, 4 (Paulus): *Concubinam ex sola animi destinatione aestimari oportet*. Несомненно, что вольноотпущенницу можно было сделать по своему желанию своей наложницей или женою: для доказательства достаточно указать Ulpianus. *Dig.*, XXV, VII, 1, *prooemium* и § 3. Но имели ли такое же право, когда дело шло о женщине *ingenua* et *honestae*? Указание Маркиана (*Dig.*, XXV, VII, 3, *prooem.*) заставляет думать утвердительно: *in concubinato potest esse et aliena liberta et ingenua, et maxime ea quae obscuro loco nata est vel quaestum corpore fecit*. Казалось бы, следовательно, что наложницей может быть и свободная женщина, особенно если она незнатного происхождения, простолодинка. Но, очевидно, это был весьма спорный пункт, ибо в том же месте (*Dig.*, XXV, VII, 1) Ульпиан говорит, что согласен с Атилицином: *puto solas eas in concubitu haberi posse sine metu criminis, in quas stuprum non committitur*, чем исключаются *ingenuae honestae*. Римский принцип должен был начать с полного исключения из наложниц *ingenuas honestas*, но с течением времени и распушенностью нравов суровый принцип был смягчен, особенно благодаря юрисконсультам и их спорам.

представлявший его в провинциях, начальствовавший над легионами, не должен был более иметь матерью красивую сирийскую танцовщицу или грациозную служанку-еврейку. Он должен был быть сыном римской матроны, происходившей от несмешанной свободной латинской расы, чтобы сохранить сущность традиции во всей ее целостности и силе; у прочих, напротив, по необходимости терпели ту смесь рас, благодаря которой в последующие века не осталось ничего от чистоты древней римской крови. Женщины были таким образом разделены на два класса, права которых на брак были различны: *ingenuae honestae* — аристократия брака, обладавшая полным нравственным достоинством, — могли быть только законными женами; *libertae* — средний класс брака — могли по воле мужчины быть и законными женами, и наложницами. К этим двум классам по точному смыслу древних обычаев, реализуя то высокое римское представление, которое ставило законность брака в зависимость не от известных легальных формальностей, более или менее символических, а от условия нравственного достоинства женщин и свободного соглашения супругов, Август предположил присоединить третий класс, который должен был быть плебеем брака и состоять из женщин, не обладавших нравственными достоинствами и не могших быть законными женами, а только наложницами; таковы были проститутки, сводни, вольноотпущенницы своден, прелюбодейки и актрисы.¹

Принуждения встретился с большей трудностью: ему нужно было найти средства к браку принудить мужчин и женщин вступать в брак. Мы уже говорили, что Август не думал ограничивать свободу и автономию семьи. Поэтому он придумал применить к эгоизму холостяков остроумную систему наград и наказаний; были награды за ответственность и заботы, неотделимые от брака, но были также и наказания, чтобы воспрепятствовать слишком большим удобствам холостой жизни. Странные методы этого законодательства и его многочисленные противоречия были очень необыкновенны. Между целями и средствами политики Августа было неразрешимое противоречие, состоявшее в желании навязать римлянам гражданский идеал военной аристократии, искусственно комбинируя его с эгоизмом эпохи, неудержимо стремившейся к демократическому равенству и торговому утилитаризму. Август должен был покориться этому противоречию. Поэтому он не поколебался растоптать древние уважаемые традиции, например, дурное отношение римлян ко вторым бракам, рассматривавшимся всегда как род посмертного прелюбодеяния. Новый закон категорически предписывал второй брак вдовам и разводам; вдовы имели годовую отсрочку, разводки — всего только шестимесячную.² Как кажется, Август предложил затем уменьшить препятствия к браку, проистекавшие от родства, и запретил только браки между лицами, снова женившимися, и детьми от первого брака, между свекром и снохой, тещей и зятем, иначе говоря, в тех случаях, когда родственные отношения вредили достоинству главы семьи.³

¹ Ulpian. Frag., XIII, 2; Digesta, XXIII, II, 43.

² Ulpian. Frag., 14.

³ См.: Heinecch. Ad legem Juliam et Papiam Poppaeam. Genavae, 1747, 308 сл.

С еще большей смелостью Август заставил закон вмешаться в Законодательства и в семейные отношения, т. е. в ту область, границы которой закон до сих пор уважал с почти религиозной точностью. Он предложил, чтобы всякий наследник или участник в завещаниях освобождался от обязательства безбрачия или вдовства, когда такое обязательство устанавливалось завещанием;¹ если отец или опекун отказывали в своем согласии на брак или в приданом, то сын или дочь, опекаемый или опекаемая, имели бы право обратиться к претору, который должен был рассмотреть мотивы отказа и, если находил их несправедливыми, обязать отца или опекуна дать свое согласие или приданое.² Выгоды, даваемые женатым, вносили такую же путаницу в область древнего публичного и частного права. Эти выгоды были многочисленны и, естественно, различны для разных полов и для различных классов общества. В пользу сенаторов, имевших жену и детей, закон устанавливал известные привилегии, из которых нам известны три: из двух консулов тот, который имел больше детей или был женат, в то время как другой был *otibus* (женат, но бездетен) или холост, имел первое право на фации.³ Женатые граждане, имевшие детей, имели некоторые преимущества, точнее неизвестные, в замещении магистратов, умерших во время управления своих функций,⁴ и в распределении провинций.⁵ Всякий гражданин мог домогаться магистратуры за столько лет до указанного законом возраста, сколько он имел детей.⁶ Это распоряжение должно было побуждать вступать в брак и ввести в государственное управление более молодые элементы. В области частного права *lex Julia* окружал мать троих детей известным внешним почетом, давая ей право носить столу; он предоставлял ей гражданскую правоспособность и освобождал женщину от последних остатков опеки.⁷ Это была прекрасная реформа, ускорявшая окончательную эмансипацию женщины, но которая, если давала женщинам сильнейшее желание быть матерями, должна была сделать отцовство еще более страшным для мужей, не имевших теперь никакой законной власти над своей женой с того дня, когда она родила третьего ребенка. Наконец, по

¹ Digesta, XXXV, I, 72, § 4; 79, § 9. Так как из Дигест (XXXVIII, XIV, 6, § 4) можно видеть, что ничтожность аналогичного условия, налагаемого при освобождении раба, была освящена законом Юлия *de maritandis ordinibus*, то мне кажется вероятным, что это положение было в законе Юлия *de maritandis ordinibus*, а не в *lex Papia Poppaea*.

² См.: Digesta, XXIII, II, 19; Gaius, I, 178; Ulpianus, II, 20: магистратом, на которого это было возложено в Риме, мог быть только претор.

³ Aul. Gel., II, 15.

⁴ См. неясное упоминание у Тацита, *Annal.*, II, 51.

⁵ См.: Dio, LIII, 13.— Несомненно, ошибочно относить к 28 г. до Р. X. меры, установленные законом Юлия *de maritandis ordinibus*, как дает нам понять это Аул Геллий в вышеуказанном месте. Это место действительно доказывает нам, что привилегии общественного характера были установлены законом Юлия.

⁶ Digesta, IV, IV, 2.— Присутствие такого положения в *lex Julia* или *lex Papia Poppaea* заставляет меня допустить то обстоятельство, что, как мы позднее увидим, *ius trium liberorum* помогает нам объяснить карьеру Тиберия и Друза.

⁷ См.: Gaius, I, 145. *Ius trium liberorum*, конечно, должно было быть установлено или законом Юлия, или законом Папия и Поппея; а с другой стороны, если бы оно было установлено последним, то было бы непонятно, как сенат дал его в 745 г. Ливии (Dio, LV, 2); следовательно, оно должно было быть установлено законом Юлия. См.: Jörs. Ueber das Verhältniss der *Lex Julia de maritandis ordinibus* zur *lex Papia Poppaea*. Bonn, 1882, 25.

отношению к вольноотпущенникам закон санкционировал привилегии, существенно ослаблявшие права патрона, хотя Август собственным примером старался восстановить их авторитет. Закон позволял жениться¹ вольноотпущенникам обоих полов, получившим свободу только при условии не вступать в брак (такое условие патроны часто ставили с целью наследовать своим вольноотпущенникам); он освобождал вольноотпущенников, имевших двоих или более детей, от обязательных *operae, dona* и *munera*;² имевших двоих детей в то время, когда они были в зависимости от патрона, или имевших даже одного ребенка в возрасте пяти лет он освобождал от обязательных *operae* и таким образом уничтожал наиболее важные экономические права патрона. Из этой привилегии он, однако, исключал вольноотпущенников, бывших комедиантами или гладиаторами.³ Вольноотпущенная освобождалась от обязательных *operae*, когда она выходила замуж с согласия своего патрона.⁴ Закон отнимал, наконец, у жены вольноотпущенника возможность развестись без согласия ее мужа.⁵ Но закон, столь благоприятный для тех, кто выполнял свою обязанность перед расой, причинял беспокойство холостякам в их слишком мирном уединении и угрожал им многочисленными карами: две из них мы знаем вполне точно. Первая, очень тяжелая в ту эпоху, когда развлечения и зрелища были в руках государства, отлучала холостяков от участия в публичных празднествах и зрелищах.⁶ Государство отказывалось увеселять их, так как они эгоистически избегали беспокойств, необходимых для процветания государства. Кроме того, закон отнимал у холостяков право принимать наследство, которое оставили бы им по духовному завещанию лица, бывшие от них далее чем в шестом колене,⁷ прочие статьи завещания должны были, однако, оставаться в силе. Это была очень важная мера, ниспровергавшая один из основных принципов древнего права, закон из публичного интереса не уважал более воли усопших. Лишая холостяков наследств, которые могли оставить им их друзья, закон отнимал у богатых классов очень употребительное средство для увеличения своего состояния и поддержки пошатнувшегося богатства.

Критика
закона Этот закон оскорблял столько принципов традиционного права, что он не мог не быть предметом критики со стороны юристов, наиболее верных традиции. Римский сенат не был еще собранием рабов, и Антистий Лабен, наиболее знаменитый представитель традиционного римского права, громко порицал революционный дух законодательства, под предлогом восстановления традиций так грубо

¹ Digesta, XXXVII, XIV, 14, 6, § 4.

² Ibid., XXXVIII, I, 37. — Можно видеть из Cod. Just., VI, III, 6, § 1, что это постановление было в *lex Julia de maritandis ordinibus*, а не в *lex Papia Poppaea*.

³ Digesta, XXXVIII, I, 37.

⁴ Ibid., 14.

⁵ Ibid., II, leg. un., § 1.

⁶ Это распоряжение упоминается в *Acta ludorum secularium*, открытых несколько лет тому назад: *Ephem. Epigr.* VIII, 229, v. 54 сл. Оно подтверждается Дионом, VI, 30.

⁷ *Sozom. Hist. Eccl.*, I, 9; *Gaius*, II, 111; II, 144; II, 286. — Место Гая (II, 286a) слишком точно говорит нам, что *lex Julia* ограничивал в правах наследства *caelibes*, а *lex Papia Poppaea* — *orbos*, чтобы при отсутствии противных свидетельств можно было сомневаться, что это было именно таким образом. Впрочем, это вероятно и само по себе: мера, примененная к *caelibes*, была уже достаточно сурова, и неудивительно, что Август сначала ограничился ею.

становившегося между патроном и вольноотпущенником, завещателем и наследником, отцом и сыном.¹ Но если такие чисто юридические аргументы мало действовали на общество, желавшее этих законов, то пуританская партия выставляла более серьезные возражения; закон, утверждала она, вместо того чтобы уничтожить зло в его корне, употреблял опасные средства, которые рисковали еще увеличить его; таковы были, например, постановления, совершенно эмансипирующие женщину. Мужчины извиняли свое стремление к безбрачию возрастающей независимостью женщины, которая делала ее характер более надменным, ее желания более необычными и ее эгоизм более легкомысленным. И вот закон, вместо того чтобы обуздать эту свободу, еще увеличивает ее. Август, однако, не затруднился добиться сперва одобрения сената, как это было в добрые аристократические времена, а затем и народа.² Умы были слишком ослеплены этим законом и слишком верили в его чудесное действие, для того чтобы кто-нибудь смел реально ему воспротивиться. Впрочем, если закон угрожал позднее причинить много затруднений, то он обещал многим и немедленные выгоды: он узаконивал связи с вольноотпущенниками; он улучшал положение многих отпущенных

¹ Я думаю найти доказательство этого в важном фрагменте Атея Капитона, сохраненном нам Авлом Геллием (XIII, XII, 1): *Agitabat hominem (Antistium Labeonem) libertas quaedam nimia atque vecors, tamquam eorum (sc. legum atque morum p.r.), Augusto iam principe et rempublicam obtinente, ratum tamen pensumque nihil haberet, nisi quod iustum sanctumque esse in romanis antiquitatibus legisset*. Присоединив к этому слова Порфирия (Ad. Hor. Sat. I, III, 82) и Тацита (Ann., III, 75) по поводу отвращения Антистия к Августу и об угодливости Атея, увидим, что одним из мотивов раздора между двумя юристами было, вероятно, это революционное законодательство Августа. На что другое, действительно, мог намекать Атей Капитон, когда говорил, что Антистий хотел рассматривать справедливым и священным только то, что было в римских древностях? Это, конечно, не был ум, слишком узкий и традиционалистический в интерпретации и применении принципов. Помпоний (Dig. I, II, 47) говорит нам, что Лабеем *plurima innovare instituit* и что, напротив, Атей Капитон был консервативнее Лабеена. Раздор должен был возникнуть не по поводу метода интерпретации, а по принципиальным вопросам, и особенно по поводу законодательства Августа, ниспровергнувшего эти принципы по стольким пунктам: таким образом примиряются два противоположных утверждения Капитона и Помпония, и это объясняет нам обвинения в политическом сервиллизме, направленные аристократией против Капитона.

² По этому поводу было много споров, которые недавно были разобраны в упомянутой выше весьма ученой статье Буше-Леклерка в *Revue Historique*. Мне кажется невозможным отрицать, что *lex Iulia de maritandis ordinibus* был утвержден в 18 г. до Р. X. В *Acta ludorum secularium* (Eph. Epigr., vol. VIII, p. 229) есть, действительно, пункт о людях, qui tenentur lege de maritandis ordinibus. С другой стороны, чтобы сенат в 745 г. (Dio, LV, 2) дал Ливии *ius trium liberorum*, нужно, чтобы *lex Iulia* уже был утвержден. Нельзя относить к этому закону и к 18 г. слова Светония (Aug., 34): *prae tumultu recusantium perfecte non potuit*. Светоний ясно говорит, что дело идет о добавлениях и поправках к *lex Iulia de maritandis ordinibus*, а не о самом законе, который должен был быть уже утвержден, так как дело шло о поправках к нему. В речи, которую Дион (LVI, 7) заставляет произнести Августа, вопрос идет о двух законах относительно брака, которые предшествовали *lex Papia Poppaea*. Не должно ли видеть во втором эти добавления и поправки, о которых говорит Светоний? Итак, в 18 г. до Р. X. *lex Iulia de maritandis ordinibus* был утвержден комициями, и позднее (мы скоро постараемся определить дату) Август представил изменения и прибавления, вызвавшие живое противодействие. Против этого нельзя выставлять как аргумент стихи *Carminis saecularis: patrum... decreta super iugandis feminis*, ибо Гораций сейчас же добавляет: *prolisque novae feraci lege marita*. Эти два стиха обозначают другое: Гораций упоминает *decreta patrum* и *lex*, чтобы дать понять, что и сенат, и народ принимали участие в новом законодательстве; первый давал первоначальное одобрение, второй окончательно утверждал закон.

на свободу рабов; он предоставлял привилегии и давал надежды всем тем, кто уже имел детей, наконец, за закон стояли все женатые люди и все отцы семейств. Находя момент благоприятным, последние были сильнее холостяков. Следовательно, не было серьезной оппозиции, но, напротив, почти все думали, что этого закона недостаточно: хотели других, еще более энергичных, которые вырвали бы зло с корнем. Ободренная легким утверждением этого закона, партия традиционалистов тотчас же начала агитацию с целью добиться закона, который восстановил бы порядок в семье. Напрасно создавать при помощи *lex de maritandis ordinibus* столько семей, если каждая из них должна была сделаться гнездом прелюбодеяний, разврата, раздоров и позора! Какой серьезный и честный человек согласится основать семью, если будет не в силах принудить повиноваться сыновей или обуздать безумную расточительность, капризную роскошь и легкие нравы жены, которая, чтобы не казаться вульгарной женщиной, будет считать своим долгом не повиноваться мужу? Женщины действительно были теперь склонны ко всем порокам благодаря непрочности брачных уз, плохому воспитанию, друзьям, литературе и приданому.¹

Дальнейшие требования пуритан Так как семья не имела более силы самостоятельно поддержать порядок, то нужно было поддержать ее изданием законов. Требовали законов для обуздания роскоши, обуздания распущенных нравов молодых людей и объявления прелюбодеяния преступлением, наказываемым законом. Вопрос был поднят в сенате и после горячих споров был передан непосредственно на рассмотрение Августа вместе со всеми высказанными предложениями.² Но Август по различным мотивам, иные из которых, без сомнения, были личного характера, вовсе не был склонен уступить этому новому требованию.³

В качестве верховного должностного лица республики ему нужно было бы подавать пример соблюдения этих законов под страхом навлечь на себя общественное порицание, всегда суровое к высшим. Самому Августу нечего было страшиться своего закона *de maritandis ordinibus*. Он был женат и имел дочь; последняя была замужем уже за вторым мужем; от Агриппы в 20 г. у нее был сын Гай, которому шел тогда третий год, и она готовилась иметь второго сына, Луция. Тиберий был уже женат на Агриппине, до-

¹ Несмотря на свою краткость гл. 16 LIV книги Диона очень важна: она доказывает нам, что *lex de adulteriis*, а вероятно, также и *lex sumptuaria* были, благодаря существованию партии или определенному течению умов, следствием закона *de maritandis ordinibus*. Я высказал в тексте, как оба эти закона происходили из первого: нельзя принуждать людей жениться, если не дать им средства управлять своей семьей. Положение Августа доказывает нам, что он противился этому дополнительному законодательству. Что *lex sumptuaria* был утвержден при этих условиях и по этим основаниям, доказывается, по моему мнению, тем, что в обсуждениях, о которых говорит нам Дион, Август занимался одеждой и *κόσμος* женщин. С другой стороны, Светоний (*Augustus*, 34) цитирует всех *sumptuaria* между другими законами, утвержденными в этот год: следовательно, мы принуждены отнести его к той же дате.

² Dio, LIV, 16.

³ Если читать Диона (LIV, 16) без предвзятой мысли, то, мне кажется, очень ясно видно, что Август сначала старался выжидать, что показывает его нерасположение к этим новым законам. Дион буквально цитирует такую фразу Августа: «Это ваше дело давать вашим женам приказания и советы, какие вам угодно, как делаю это я в своей семье». То есть он хочет сказать: рассчитывайте на свой собственный авторитет, а не на авторитет законов, которых вы у меня требуете.

чери Агриппы от его первой жены, которая была дочерью Аттика;¹ скоро должен был жениться Друз, второй сын Ливии, которому было тогда двадцать лет от роду. Новый закон против роскоши, напротив, мог причинить ему некоторые неудобства. Сам он жил очень просто, согласно древним традициям. Огромные богатства, подобно золотой реке, ежегодно стекались в его обширное жилище, чтобы затем разливаться тысячьо ручейков по Риму, Италии и империи; но он сохранил нравы италийской буржуазии, из среды которой вышел; его тоги были вытканы в его доме его служанками под наблюдением Ливии;² он любил показываться в лавке торговца пурпуром, где покупал материи для своих церемониальных костюмов;³ его дворец был обширен, но не пышен, и его комната была обставлена с архаической простотой, которая вошла в поговорку;⁴ на пирах, которые он давал, всегда была та любезность и тот оттенок аристократизма, который неотделим от простоты: за его столом было обычно три прибора, а шесть — только в очень торжественных случаях. Тиберий также выказывал себя горячим поклонником традиций. Юлия, напротив, имела совершенно иные вкусы. Красивая, умная, образованная, привлекательная своей юностью — ей было всего двадцать два года, — она казалась рожденной скорее быть азиатской принцессой, чем римской матроной. Она любила литературу, искусства, элегантность, роскошь, обширные виллы, красивые дворцы, шелковые платья, избранное общество, празднества⁵ и с каждым годом освобождалась от давления авторитета своего отца и своего мужа. Нельзя было надеяться, чтобы она легко подчинилась новому закону о роскоши. Еще более опасным казался закон о нравах и прелюбодеянии. Август мог раздавать миллионы, работать с утра до вечера над столькими различными делами, улыбаться всем и играть то одну личность, то другую. Но он с его прошлым не мог взять на себя еще и обязанность быть стражем нравственности. Задача казалась ему слишком трудной.

Не только прошлое, но и настоящее могло смущать его. Тот красивый архаический фасад скромности и чести, который показывало обществу его семейство, был отчасти лживым и поддельным. Верно или нет, но в Риме утверждали, что Август был в слишком интимных отношениях с красавицей Теренцией, женой Мецената.⁶

¹ Sueton. Tiber., 7: дата брака, впрочем, не известна с точностью.

² Sueton. Aug., 73.

³ Ibid., 72 — 73.

⁴ Ibid., 74.

⁵ Macrobian Saturn., II, V, 1: Sed indulgentia tam fortunae quam patris abutebatur: cum aloqui literarum amor multaque eruditio, quod in illa domu facile erat, praeterea mitis humanitas minimeque saevus animus ingentem foeminae gratiam conciliantibus qui vitia noscebant tantam pariter diversitatem. Макробий ясно, таким образом, говорит, что Юлии приписывали выдающиеся качества, которые не знали как примирить с приписывавшимися ей пороками. Это обстоятельство должно возбудить в нас недоверие к рассказам историков, говорящих о ее чудовищных пороках, и подозрение, что эти рассказы преувеличены. Мы увидим, по мере того как будем следить за историей Юлии, что так и было в действительности; с другой стороны, несомненно, что Юлия любила роскошь так же, как искусство и литературу. Макробий (Sat., II, V, 1) упоминает о profusos cultos perspicuosque comitatus, в которых упрекал ее Август, и цитирует в той же главе много подобных фактов.

⁶ Dio, LIV, 19.

Агриппа часто отсутствовал по делам государства, и во время его отсутствия Юлия была в слишком свободных отношениях с красивой аристократической молодежью, так что Август неоднократно должен был указывать ей на это.¹ Она, может быть, уже начала слишком часто и со слишком большим удовольствием видаться с молодым человеком знатной фамилии, Семпронием Гракхом, потомком славных трибунов.²

Единственной примерной четой, любившей друг друга и жившей уединенно, о которой самые злые языки не могли сказать ничего дурного, были Тиберий и Агриппина.³

Lex sumptuaria Август сначала сопротивлялся; он произносил речи в сенате, чтобы защитить от странного революционного пуританизма своей эпохи великую римскую традицию, доказывая, что муж и отец должны, как некогда, поддерживать порядок в семье только своим собственным авторитетом и мудростью. Он однажды привел в пример самого себя. Пуританская партия постаралась тогда поставить его в затруднительное положение, воспользовавшись беспорядками, смущавшими его семейство, и предложила ему изложить в сенате тот метод, при помощи которого он управлял своей семьей. Он принял предложение: в длинной речи развил истинно традиционные идеи о семье и дал идеальное описание своего дома, которое никто, естественно, не посмел объявить ложным. Тогда, чтобы напугать его, прибегли к другим средствам: так как он был цензором, то ему донесли на молодого человека, женившегося во время гражданских войн на женщине, любовником которой он раньше был, т. е. это был как раз случай Августа и Ливии; этим путем, как кажется, угрожали ему снова раскопать его страшное прошлое, если он откажется дать удовлетворение партии крайних пуритан.⁴ Влияя таким путем на общественное мнение и сенат и действуя глухими угрозами против самого Августа, пуританская партия победила его и на этом пункте. Август решил выработать, при помощи комиссии, составленных, без сомнения, из горячих пуритан, два новых закона: закон против роскоши⁵ и знаменитый *lex Iulia de iudicia et de coercendis*

¹ Sueton. Aug., 64.— Анекдот по поводу Виниция может относиться к этой эпохе.

² Tac. Ann., I, 53: ...Sempronium Gracchum, qui familia nobili, solers ingenio et grave facundus, eamdem Iuliam in matrimonio temeraverat... Это единственное серьезное обвинение, выставленное против Юлии в этот период ее жизни. Грязная история, рассказываемая Макробием (Sat., III, V, 6), чтобы доказать, что Юлия в то время tam vulgo potestate corporis sui faceret,— очевидно, одна из многочисленных выдумок, изобретенных после ее падения с целью загрязнить всю ее жизнь. Однако в этой истории признается, что между детьми Юлии и их отцом существовало чрезвычайное сходство, доказывавшее, во всяком случае, что они были действительно его дети. Объяснение, которое Макробий заставляет Юлию дать по этому поводу, может быть только грубым злословием. Оно было придумано, чтобы обвинить Юлию в чудовищной порочности в ту эпоху, когда было живое доказательство ее чести: лица ее детей. Впрочем, вероятно ли, чтобы кто-нибудь осмелился обратиться к Юлии, дочери Августа и первой женщине Рима после Ливии, с вопросом, подобным тому, на который Макробий заставляет ее отвечать? Тацит, в иных отношениях столь суровый к этой фамилии, смотрит на эту историю как на басню и ставит в упрек Юлии в этот момент только ее связь с Семпронием Гракхом. Обращаем внимание, наконец, что Тацит не говорит, подобно Светонию (Tib., 7), что жена Агриппы пыталась соблазнить Тиберия.

³ Dio, LIV, 16.

⁴ Ibid.

⁵ См. примечание I на с. 460.

adulteriis.¹ Дух первого легко угадать, но точно мы знаем только некоторые из его пунктов: мы знаем, что он старался обуздать роскошь в постройках, которую Гораций постоянно оплакивал в своих одах;² мы можем предполагать, что в отношении дамского туалета этот закон ограничивал употребление шелка, этой сладострастной ткани, которая, по словам пуритан, раздевает женщин под предлогом их одевания;³ мы знаем, наконец, что этот закон ограничивал расходы на пиршества. На пир в обыкновенные дни можно было тратить не более 200 сестерциев (50 франков), а если пир происходил в календы, иды, июны или другие праздничные дни, то не более 300 (75 франков); наконец, на свадебный пир нельзя было тратить более 1000 сестерциев (250 франков).⁴ Этот закон, без сомнения, был очень популярен; он немедленно удалял с глаз Рима пышные банкеты, которые давали столичные крезы и рядом с которыми казались слишком бедными скромные обеды сенаторов, всадников и небогатых плебеев; он отнимал у богатых матрон костюмы и драгоценности, которым так завидовали более бедные женщины; он старался свести огромные и пышные дворцы, создание alexandрийских архитекторов и художников, к скромным пропорциям бедных латинских домов, населенных простолюдными. Наивные люди надеялись, что сбереженные этим законом деньги послужат воспитанию детей.

Lex de adulteriis,⁵ со своей стороны, имел целью не только Lex de наказать прелюбодеяние, но и очистить семью от всех пороков, adulteriis запятнавших ее в два предшествующих столетия. Этим законом государство еще раз посягало на абсолютный авторитет главы семейства. Закон сохранял за римским *pater familias*, как последний след его древней власти, право убить дочь-прелюбодейку и ее сообщника на месте преступления.⁶ Он сохранил за мужем право убить любовника своей жены, если он застанет его у себя в доме и если тот был комедиант, певец или танцовщик, был привлечен к публичному обвинению и не восстановлен в правах или был отпущенник семьи;⁷ жену же муж мог убить только в том случае, если она была захвачена с сообщником в его доме. После обнаружения прелюбодеяния мужу, а если муж не принимал никаких мер, то отцу — когда они были римскими гражданами, — давался срок в

¹ Мы не знаем, так ли он назывался и не были ли это два различных закона; этот пункт, как и многие другие в знаменитых законах Августа, очень темен.

² Светоний (Aug., 89) говорит нам, что Август приказал вновь опубликовать *Orationes Q. Metelli de prole augenda et Rutilii de modo edificiorum*; quo magis persuaderet uitamque rem non a se primo animadversam, sed antiquis iam tunc curae fuisse. Из этого следует, что Август старался обуздать роскошь в строительстве. Мне кажется поэтому вероятным, что эти постановления содержались в законе о роскоши (*lex sumptuaria*), о котором говорит Светоний (Aug., 34).

³ См. по поводу шелковых тканей Plin. N. H., II, XXII, 76.

⁴ Aul. Gel., II, XXIV, § 14 — 15.

⁵ Dig., XLVIII, V, 1: Haec lex lata est a divo Augusto.

⁶ Ibid., 20; 22, § 2; 23, § 4.— Что касается того случая, когда любовники совершают свое преступление в доме *patris familias*, то, из Dig. (XLVIII, V, 23), мне кажется, можно вывести заключение, что, хотя этот случай не был прямо упомянут в *lex Iulia*, он был, как следствие, постепенно извлечен путем толкований юристов. Если бы закон был ясен относительно этого, то было бы непонятно, почему Ульпиан цитирует для поддержания своего положения мнения различных юристов, в том числе Лабеоны и Помпония.

⁷ Dig., XLVIII, V, 25; ср.: Cod. Iust., IX, IX, 4.

шестьдесят дней, чтобы привести нарушившую верность жену, римскую гражданку, к претору и в судебную комиссию (*quaestio*),¹ которая, вероятно, была учреждена одновременно с изданием закона. Если муж или отец не выступали обвинителями в продолжение еще четырех месяцев после этих шестидесяти дней, то всякий мог подать жалобу, ибо процессы о прелюбодеянии были включены в число *iudicia publica* наравне с государственной изменой и подделкой монеты.² Наказания были крайне суровы: для прелюбодея это было пожизненное изгнание (*relegatio*) и конфискация половины состояния; для прелюбодейки — пожизненное изгнание, потеря половины ее приданого, трети ее состояния, запрещение нового брака, что означало, что она могла впредь жить с мужчиной только в качестве наложницы.³ Содействие прелюбодеянию предоставлением своего дома для свиданий любовников, или если муж извлекал выгоду из позора своей жены, или сохранял ее у себя после раскрытия прелюбодеяния — эти поступки составляли преступление сводничества (*lenocinium*) и наказывались так же, как прелюбодеяние.⁴ Наконец, закон запрещал и наказывал так же, как *adulterum* и *lenocinium*, и *stupra*, разумея под этим названием отношения, которые не могли быть узаконены через *matrimonialis affectio* и которые рассматривались как неподзволительные вследствие способа их возникновения; это была связь со свободной женщиной уважаемой семьи и честной репутации, вдовой или взрослой девицей.⁵ Женщина, с другой стороны, не могла обвинять в прелюбодеянии своего мужа,⁶ который мог безнаказанно иметь связи с женщинами при условии, что они незамужние и не *ingenuae honestae*; если же он имел связь с замужней женщиной, то он мог быть обвинен, но не в неверности по отношению к своей жене, а в совершении *stuprum* или *adulterium* с женой другого.

Результаты этого законодательства

Таким образом в царстве Афродиты установился террористический режим. Этот закон спускал на сладострастные сады Киферы, как стаю ужасных гарпий, дух доноса и клеветы, зависть к богатству, жестокое честолюбие адвокатов, жажду мщения и прочие самые низкие страсти. Это, действительно, был исключительный и очень опасный закон для высших классов. Обязательный только для римских граждан, *lex de adulteriis* главным образом был направлен против одних сенаторов и всадников, чье богатство и известность могли обнажить обвинителей, ничем не рискувавших, выступая с обвинением.⁷ Он был для римской аристократии, так сказать,

¹ Dig., XLVIII, V, 2, § 8; 3; 4.— Что прелюбодеяние обычно судилось комиссией (*quaestio*), подобной той, которая судила большую часть уголовных дел, доказывається особенно рассказом об одном процессе о прелюбодеянии, находящемся у Диона (LIV, 30): претор, о котором говорит Дион, может быть только председателем *quaestio*nis. Процесс в *quaestiones* был, впрочем, тот же самый, как и процесс о всех *iudicia publica*, так как *lex Iulia* делал из прелюбодеяния *iudicium publicum* (Inst. IV, XVIII, 4).

² Inst., IV, XVIII, 4; Dig., XLVIII, V, 4; Cod. Theod., IX, II, 2.

³ Pauli Senten., II, XXVI, 14.

⁴ Dig., XLVIII, V, 2, § 2; 8; 9; Cod. Iust. IX, IX, 2.

⁵ Dig., L, XVI, 101; YLVIII, V, 34.

⁶ Cod. Iust., IX, IX, 1.

⁷ Мы ясно видим это из стихов Овидия, *Ars amatoria*, I, 31 — 34. Он исключает из публики, которая должна читать его книгу, девиц и матрон и прибавляет (v. 33), что он воспевае *Venerem tutam concessaque furta*: это очевидное указание на *lex de*

привилегией навыворот. В то время как вольноотпущенники или иностранцы даже в Риме, даже если они были богаты, могли, и мужчины и женщины, безнаказанно совершать прелюбодеяния, как им было угодно, по любви или из выгоды, римские граждане, а особенно сенаторы и всадники, были предоставлены, едва они выходили из пределов дозволенной любви, ужасным строгостям *legis Iuliae*; но поэтому-то и должно рассматривать *lex de adulteriis* вместе с *lex sumptuaria* и *lex de maritandis ordinibus* как обширную и серьезную попытку аристократической реставрации. Те, кто воображает, что Август при помощи благоразумных и хитрых средств работал над основанием монархии, не поняли духа этих законов, бывших одним из оснований всего его дела. При помощи *legis sumptuariae*, *legis de maritandis ordinibus* и *legis de adulteriis* Август не только старался увеличить население Италии, которое, может быть, не во всех ее областях уменьшалось; он в особенности хотел реорганизовать экономическую и моральную аристократическую семью, древний рассадник республики, который наконец сделался бесплодным, древнюю, теперь упавшую школу генералов и дипломатов, завоевавших империю. Если бы Август хотел основать монархию, он должен был бы вместо того, чтобы стараться обуздать роскошь, распад и безбрачие аристократии, поощрять их, ибо монархия может возвыситься только на развалинах аристократии, которая, как это обнаружилось в эпоху Людовика XIV, в погоне за деньгами и удовольствиями сделалась раболопной толпой придворных. Но Август, который мог выбирать своих сотрудников только в аристократических фамилиях, нуждался в сильной аристократии. Его истинным намерением было поэтому восстановить жизненность римской аристократии, и при помощи этих законов он старался наложить на знать известные важные и специальные обязанности, без которых ее привилегии были бы невыносимой несправедливостью. Это, конечно, была тщетная попытка, ибо распад римской аристократии продолжался, но было бы самонадеянным говорить, что она не была серьезной.

Август, впрочем, проводил эти законы одновременно с другими, Дальнейшее законодательство ясно обнаруживавшими в себе его цель и характер. Таким образом, в законе *de adulteriis* он реформировал, с целью укрепить экономические основы семьи богатых классов, институт приданого, запрещая мужу, который до тех пор имел это право, делать с ним

adulteriis, к которому он много раз возвращается в *Tristia* и *Epistolae ex Ponto* с целью доказать, что его книга не побуждала к совершению действий, запрещенных по этому закону. К кому же обращена книга, раз это не молодые девушки в брачном возрасте и не замужние женщины? К куртизанкам? Эта мысль приходит прежде всего. Но те, кто читал книгу, знают очень хорошо, что в сотне различных мест читателю указываются лучшие средства, чтобы соблазнить замужнюю женщину или обмануть бдительность ревнивого мужа. С другой стороны, было бы удивительным, если бы Овидий считал *furta* любовные приключения с куртизанками. *Concessa furta* указывают, что были прелюбодеяния, не наказывавшиеся по *lex de adulteriis*: это были прелюбодеяния с иностранками или вольноотпущенницами, вышедшими замуж за иностранца или вольноотпущенника. Прелюбодеяние, как и *stuprum*, касалось только женщины *ingenia et honesta*, свободного происхождения и честной семьи, а не иностранки или вольноотпущенницы. Вольноотпущенница, вышедшая замуж за римского гражданина, вероятно, могла быть обвинена в прелюбодеянии по *lex de maritandis ordinibus*, но я не нашел текстов, достаточных для окончательного решения этого вопроса.

¹ Dig., XXIII, 5, 4; Pauli Senten., IX, XXI, B, 2.

что ему было угодно: продавать его или закладывать. Кроме того, возложив этими суровыми законами столько специальных обязанностей на аристократию, он, как компенсацию, усилил ее истинную и существенную привилегию, предложив закон, по которому кандидатами на должности могли выступать лишь граждане с цензом не менее 400 000 сестерциев. Таким образом, политическая карьера, открытая бедным гражданам в течение ста лет, была теперь недоступна для них; древняя тимократическая и аристократическая конституция была восстановлена; республиканские должности, которых в предшествующем поколении мог домогаться бедный погонщик мулов, подобный Вентидию, были по закону объявлены привилегией богатых классов; правительство делалось монополией разделенной, выродившейся и ленивой, но замкнутой и законным образом привилегированной аристократии. Таково было решение, полагавшее конец столетней ужасной борьбе и долженствовавшее начать новый порядок вещей; оно было принято при всеобщем спокойствии и индифферентности, так что дошло до нас только в числе мелких фактов в нескольких строках, написанных гораздо позднее историком, не придававшим ему большого значения.¹ Демократическая партия, великая партия Гая Гракха и Гая Цезаря, была мертва. Предлагая этот свой закон, Август не убивал умирающего, а опускал в могилу труп. Рим после долгих волнений возвратился к своему первоначальному аристократическому государственному устройству; рукой Августа он восстанавливал кодекс прав и обязанностей знати, которая, как он думал, в течение столетий будет управлять завоеванной империей. Но была ли она на это способна? Вот великая проблема, решение которой предстояло будущему. Вероятно, одновременно с этим законом Август предложил другой закон, *lex de ambitu*, о подкупе при выборах, согласно которому всякий покупавший голоса на пять лет отлучался от занятия общественных должностей.² В заключение было позволено преторам расходовать, если они того желали, до трех раз сумму, назначенную на игры, из государственного казначейства.³ Если закон о роскоши запрещал богачам выказывать роскошь у себя в домах, то народ, напротив, имел право забавляться на улицах и в театре. В этом был виден новый демократический дух, появившийся в Риме после реставрации тимократического строя, и Август умел его удовлетворить.

¹ Dio, LIV, 17.— Единственное найденное мной упоминание об этой реформе курьезным образом находится у Овидия, *Amores*, III, VIII, 33: *Curia pauperibus clausa est. Dat census honores.*

² Dio, LIV, 16.— Он, однако, помещает этот закон раньше закона Юлия *de maritandis ordinibus*. Можно предположить, что этот закон был связан с тимократической реформой.

³ *Ibid.*, 17.

VIII

Ludi saeculares

Вечный город.— Знать и простой народ.— Образованные классы и знатные фамилии.— Возрождение доверия.— Ludi saeculares в прошлые столетия.— Ludi saeculares Августа.— Различное значение этих игр.— Порядок церемоний.— Suffimenta и fruges.— Последние приготовления к празднеству.— Молитва к Мойрам.— Церемонии 1 и 2 июня.— Carmen saeculare.— Новые опасности в европейских провинциях.— Ликин и Галлия.— Галльская политика Агриппы.— Агриппа и галльские дороги.— Усыновление Августом двух сыновей Агриппы.— Первые результаты социальных законов.— Вторжение германцев в Галлию.— Агриппа на Востоке и Август в Галлии.

После утверждения социальных законов тучи, так долго омрачавшие небо Италии, наконец, рассеялись, и дух радости охватил Рим. Успехи последних лет: соглашение с парфянами, очищение сената, разделение верховной власти между Августом и Агриппой, наконец, законы, обещавшие возрождение древних нравов,— все это, казалось, принесло в страну счастье. Радость была вполне понятна: по сравнению с мрачными революционными временами настоящее было прекрасно. Если общество обманывалось иллюзиями по поводу соглашения с парфянами, то все же было истиной то, что огромная масса империи при повсюду распространившемся мире снова начала выказывать свою естественную силу притяжения над всеми мелкими союзными, находившимися под протекторатом или независимыми государствами, которые окружали ее, как планеты окружают солнце. Рим сделался огромной метрополией средиземноморского мира; в него стремились из лесов холодной Германии, так же как и от двора парфянского царя; в Рим стекались вместе Восток и Запад, и он представлял собой смесь всех языков, всех рас и всех столь разнообразных народов, которые он объединял под своей властью и с которыми приходил в соприкосновение. Не один Ирод, а все властители мелких союзных или вассальных государств посылали теперь своих сыновей на воспитание в Рим, где Август оказывал им гостеприимство в своем дворце и наблюдал за их образованием, не обращая внимания на издержки. В своей резиденции он выполнял то, о чем никогда не заботилась республика: его дворец сделался родом пышного учебного заведения для будущих вассальных царей Рима, создавая таким образом могущественный орган распространения римского влияния в союзных государствах.¹ Много молодых людей из галльской знати также

Римский
космо-
политизм

¹ Sueton. Aug., 48: plurimorum (regum sociorum) liberos et educauit simul cum suis et instituit.

приезжали в Рим для получения образования и для изучения действия грозной силы, которая, покорив их предков, теперь странным образом влекла их к себе; там появилось также несколько молодых людей, принадлежавших к крупным германским фамилиям, в том числе маркоман Маробод, также побуждаемый тем любопытством к римским делам, которое начинало охватывать германских варваров в их болотах и лесах и стряхивало с них их оцепенение;¹ там встречались даже знатные парфяне, которых гражданские войны изгнали из их страны и которые, вероятно, прибыли к Тиридату,² получавшему благодаря Августу хорошую пенсию от республики.³ Этот космополитический мирок группировался вокруг дома Августа и его наиболее богатых друзей; он был для римлян явным знаком влияния, снова приобретенного Римом. Европа, Азия и Африка вновь склоняли свои колени перед великой республикой; еще свободные народы, жившие за границей империи, охваченные изумлением и почтением, стремились узнать чудесный город и выразить ему свое уважение. Солнце никогда не озаряло более обширной, более могущественной и более прочной империи; торжественные посольства, мелкие победы, ежегодно приходившие из провинций успокоительные известия распространяли чувство удовлетворения по всей Италии.

Аристократия и плебеи Каждый класс, кроме того, имел и особенные причины для радости. Знать была бы очень глупа, если бы серьезно жаловалась на свою участь: ничего не сделав за последние десять лет, она получила обратно свои богатства и почести и снова видела, как ей выказывают уважение и угодливость средние классы и римская чернь просто потому, что во всякой фамилии допускали к участию в пользовании имуществами, восстановленными на счет государства, известное число ученых и плебеев. Эти бедные плебеи, некогда шедшие за демагогами и образовавшие главный контингент коллегий Клодия, являлись теперь кланяться у знатных той помощи, которую они некогда давали вождям партии. Они старались вступить в число клиентов какого-нибудь богатого дома, где им давали то пищу, то деньги, то еще какие-либо подарки. Поэтому каждое утро они являлись с визитом к патрону, сопровождали его на форум и в гости, аплодировали ему, когда он выступал в суде, и являлись перед ним с вытянутым или смеющимся лицом, смотря по положению его дел. Так образовалась та совокупность искусственных обязательств, которая в течение многих столетий будет привязывать к богатым классам Рима бесконечную свиту нищих, причем этими отношениями одинаково тяготились и покровительствующие, и покровительствуемые.⁴ Этот новый обычай, конечно,

¹ Дион (LVI, 23) говорит нам, что в эпоху битвы, в которой погиб Вар, в Риме было много галлов и кельтов (Γαλάται καὶ Κελτοὶ), большинство их жило там ἑπίδηροντες, т. е. по собственному желанию. Это по большей части были, вероятно, галлы и германцы, принадлежавшие к высшим классам и приехавшие в Рим надолго. Но если в 9 г. н. э. они уже были так многочисленны, то вероятно, что это иммиграционное движение началось уже в ту эпоху, о которой идет речь. Что касается знатных германцев, отправлявшихся в Рим в эту эпоху для своего учения, то случай с Марободом известен нам из Страбона, VII, 1, 3.

² См. пример Орноспада, который, конечно, не был единичным: Tacit. Ann., VI, 37.

³ Justin., XLII, V, 9.

⁴ Такова, в общем эскизе, картина (впрочем, очень известная) римской клиентелы в эпоху Марциала, когда она потеряла всякое политическое *raison d'être* и была не

причинял расходы и скуку, но у него были также свои выгоды. Благодаря ему знатные снова начали проходить по улицам Рима с длинной свитой при всеобщем почтении; они не заботились более о результатах выборов или споров в сенате; они обеспечивали в Риме порядок прочнее, чем если бы угрожали прибегать к наказаниям. Оказываемое им уважение было не меньше и в средних классах, где учащиеся молодые люди заботились только о том, чтобы угодить какому-нибудь могущественному покровителю из аристократов. Римляне быстро потеряли свое отвращение к этому роду литературного угодничества, как нам доказывают «Послания» Горация, в которых поэт подробно рассуждает об этом. В семнадцатом послании первой книги он допускает, что можно желать жить счастливо в неизвестности и бедности, но прибавляет, что если хотят быть полезными своим друзьям и иметь некоторый комфорт, то нужно искать дружбы вельмож; он осыпает своими сарказмами последователей Диогена, выказывающих систематическое отвращение к богатству. Он очень ясно говорит, что находит менее низкими тех, кто льстит богатству, чем тех, кто живет в грязной и низкой бедности на социальном дне. Он поддерживает положение, что если не позорно носить грубый плащ, то не более позорно носить и милетский пурпур; он решительно утверждает, что

...хвала не последняя знатым понравиться людям;¹

однако все же рекомендует достоинство и скромность. Не нужно громко и без конца жаловаться, как нищий, который говорит:

...Сестра у меня без приданого; терпит
Мать нужду, ни продать не могу я именья, ни жить в нем.²

В то время как Август подготавливал соглашение с парфянами, Гораций писал другое послание, восемнадцатое первой книги, и адресовал его другу, который, принятый в высокую клиентелу одного богача, чувствовал себя там неловко и ощущал некоторый стыд, боясь быть паразитом. Гораций успокаивает эту беспокойную совесть, утверждая, что

...не станешь
Вид ты шута принимать перед тем, кому другом назвался.
Как несходна с содержанкой и видом различна матрона,
Так отличается точно и друг от шута-паразита.³

Любивший свою свободу и ревнивый к своей независимости, Гораций отказывался сам от этого гостеприимства, но не без некоторой снисходительной иронии советовал своим друзьям и товарищам принимать его.

Если недавно утвержденные законы в их совокупности при- Общее воз-
несли некоторое неудовольствие вельможам, то знать под управ- рождение
лением Августа снова начала управлять Римом и империей, причем доверия

более как подачкой, которую оказывали богатые классы праздному римскому пролетариату. Но эта клиентела образовалась не в один день или год; поэтому мне кажется возможным отодвинуть ее возникновение к той эпохе, когда образовалась в Риме богатая аристократия, потерявшая свою прежнюю политическую мощь при медленном распаде республиканских учреждений.

¹ Hor. Epist., I, 17, 35.

² Ibid., 17, 46 сл.

³ Ibid., 18, 1 сл.

осуществляла свою власть с большей легкостью, чем в другое время; у нее не было более ни риска, ни ответственности власти, а одни только ее привилегии. Средние классы также не имели поводов быть слишком недовольными. Благодаря покровительству вельмож и развитию земледелия, искусств и торговли его зажиточность увеличивалась. Он наконец получил то, чего долго домогался, — великие социальные законы, в которых хотел видеть начало новой эпохи, более счастливой, чем только что минувшая. Имперская администрация улучшилась; исчезли ужасные систематические грабежи эпохи Цезаря; управление провинциями было поручено богатым людям, которые, если не всегда были очень деятельны и очень умны, не имели нужды в грабеже своих подданных, для того чтобы засыпать золотом свою политическую клиентелу в Риме. Организация верховной власти в последние пять лет должна была также увеличить общественное довольство. Италия хотела наслаждаться выгодами монархии, т. е. продолжительностью и устойчивостью власти, не теряя привилегий республики, иначе говоря, юридического равноправия всех граждан, простоты церемониала, абсолютной свободы слова по отношению к могущественным лицам и безличности государства. Президентство двух лиц, избранных на пять лет, вместо принципата — одного на десять лет, имело две выгоды: оно заставляло надеяться, что правительство будет еще более сильным; два принцепса, если они согласны между собой, действительно должны были иметь более авторитета, чем один; кроме того, оно было ближе к республиканской традиции, так как продолжительность должности была меньше и принцип коллегиальности был сохранен. Все те, кто с самого начала восхищался новым режимом и находил его хорошим во всех отношениях, имели новое основание убедиться, что республиканская конституция была изменена только в некоторых, неважных пунктах. Если даже мир медленно должен был развязать бесчисленные оковы, которыми бедность во время гражданских войн связала несчастную нацию, то все, как в 27 г. до Р. Х., готовы были с надеждой смотреть на будущее. В массах возродились мистические мечты о всеобщей палингенезии, наивное ожидание нового века, который должен был быть началом более счастливой и чистой жизни; уже двадцать пять лет эти идеи клубились в душе нации, подобно туману, то сгущавшемуся, то разрежавшемуся, смотря по ходу событий, но никогда не рассеивавшемуся вполне. В государстве, охваченном неисцелимым пессимизмом, эта живительная волна доверия, столь мистическая и столь неопределенная, была благодетельной поддержкой; и этим объясняется, почему около конца 18 г. до Р. Х. Август или кто-нибудь из его друзей задали себе вопрос, не должно ли одобрить счастливое настроение общественного духа великой церемонией, которая в торжественной форме выразила бы неясную народную идею о новом веке, начале новой жизни, и связала ее в умах масс с великими моральными и социальными принципами, сформулированными в законодательстве последних лет. Была очевидная необходимость в необычайной и торжественной церемонии, которая соединила бы в живописном синтезе все элементы народной веры в новый век и все социальные концепции управлявшей империей олигархии: этрусское учение о десяти столетиях; италийскую легенду о четырех веках мира; сивиллины

оракулы, возвещавшие наступавшее царствование Аполлона; воспоминания об эклоге Вергилия, предсказывавшего скорое наступление золотого века; пифагорейское учение о возвращении душ на землю, согласно которому всякие 440 лет душа и тело снова соединяются друг с другом, так что мир возрождается в своих прежних формах; необходимость вернуться к историческим источникам национальной традиции, более живо восстановить религию, семью, учреждения и нравы древнего Римского государства. Но при помощи какой церемонии можно было выразить столько различных вещей? Изобретение новой церемонии страшило поколение, которое столько трудилось над восстановлением полуизглаженной и забытой традиции и цеплялось теперь за нее из страха снова заблудиться. Поэтому стали искать в прошлом и нашли там очень древнюю церемонию. Учрежденные в самый год основания республики, в 509 г. до Р. X., в честь подземных божеств, Дита и Прозерпины, с целью вымолить окончание ужасной чумы,¹ *ludi saeculares* были повторяемы всякое столетие как торжественная гарантия общественной безопасности. Таких повторений было три через почти равные промежутки времени: в 346 г.,² в 249 г.³ и в 149 или, по другим сведениям, в 146 г.⁴ Пятые столетние игры падали, следовательно, на 49 г., т. е. на начало междоусобной войны между Цезарем и Помпеем. Но тогда люди были более заняты тем, чтобы избежать преждевременного знакомства с царством Дита и Прозерпины, чем тем, чтобы приносить им жертвы; никто поэтому не думал справить в пятый раз столетние игры, почти совершенно забытые за долгим промежутком.

Август решил возобновить эти игры, вероятно, по двум главным основаниям. Церемония была столь необычайной, что никто из живущих не видал ее и никто не мог увидеть ее вторично в жизни; поэтому она была чудесным средством, чтобы глубоко взволновать массы. Кроме того, в эту церемонию входила идея о веке, *saeculum*, понимаемом, правда, как деление времени на столетние периоды, но идея эта легко могла преобразиться в популярное представление о мистическом веке, так как никто более не помнил первоначального значения церемонии. Возобновляя *ludi saeculares*, Август надеялся не только исправить забывчивость гражданских войн и позаботиться об общественном здравии путем молитв, обращенных к адским богам, но и предполагал устроить под древним именем новую церемонию и сделать для традиции и легенд Лация то же, что Вергилий уже сделал в «Энеиде».

Можно сказать, что *ludi saeculares* являются только фрагментом реализованной «Энеиды», поскольку их концепция сходна с концепцией Вергилия, так же как усилие сочетать латинскую традицию с обрядами и мифами космополитического, преимущественно греческого и этрусского, характера и ввести иностранные, главным образом эллинские, формы как средство для выражения чисто римской идеи с целью символизировать всеми ожидаемое смешение латинского и греческого миров.

¹ Censorinus. De die natali, XVII, 10.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid., 11.

Приготовления к играм С этой целью Август призвал на помощь Гая Атея Капитона,¹ одинаково опытного в гражданском и религиозном праве. С целью показать, что *ludi saeculares* обозначают мистическое начало нового века, Август впервые ввел в церемонию этрусское представление о веке как самой продолжительной человеческой жизни, считая его в сто десять лет; для оправдания этого новшества он опирался на некоторые греческие сивиллины оракулы,² при помощи которых столько раз одерживали победу над отвращением римлян к всему чужеземному. Коллегия квиндецемвиров, членом которой был Август и которой было поручено сохранять сивиллины оракулы, занялась этим вопросом и без труда нашла оракул, данный, как говорили, Сивиллой в эпоху агитации Гракхов, когда аграрное движение начало волновать Италию, около 126 г. до Р. Х. Этот оракул, до мельчайших подробностей описывавший столетние игры, приказывал праздновать их каждые сто десять лет. Атей Капитон и коллегия квиндецемвиров признали в оракуле закон празднования столетних игр; они утверждали, что в актах коллегии есть записи, указывавшие, что игры справлялись уже четыре раза, каждый раз с приблизительноными промежутками в сто десять лет, идя в глубь веков от 126 г.;³ следовательно, новый столетилетний век был на исходе, и игры должны были быть совершены в первый год двойного принципата.⁴ Так как пятые столетние игры заканчивали период в 440 лет, то те, кто верил в изложенное Варроном учение о возрождении душ и тел, могли надеяться, что *ludi saeculares* действительно обозначают физическое возрождение древнего Рима и что поколения древней республики снова вернутся на землю, покинув свое местопребывание в Елисейских полях. Это должно было сильно побудить к повиновению закону *de maritandis ordinibus!* С другой стороны, церемония доставляла особенное удовлетворение тем, кого привлекал обрядовый символизм или кто слишком горячо верил в сивиллины оракулы, столь распространенные в десять предшествующих лет.

Значение и детали церемонии Атей и квиндецемвиры, в точном согласии с оракулами, решили, что религиозные празднества должны состоять в жертвоприношениях, совершаемых в течение трех последовательных ночей; в первую должно было совершить жертвоприношение Мойрам (греческое имя для Парк), во вторую — Илифиям, богиням родов, в третью — Матери-земле, т. е. всем божествам, от которых зависит физическое

¹ Zosime., II, 4.

² См.: Ephem. Epigr., 8, 280: Acta ludorum saeculorum septimor. V, 20.

³ Оракул сохранен нам Зосимом, II, 6. Моммзен (Ephem. Epigr., VIII, 235) доказал, что этот оракул относится к эпохе агитации Гракхов и, следовательно, показывает нам, что игры должны были справляться около 126 г. Цензорин (De die nat., XVII, 10), дав нам традиционную дату игр, говорит, что согласно комментариям квиндецемвиров первые игры происходили в 456 г. до Р. Х., а вторые — в 344 г. Он не упоминает о третьих играх. А если первые происходили в 456 г., вторые по системе ста десяти лет должны были происходить в 346 г., третьи — в 236 г., четвертые — в 126 г., пятые — в 16 г. Понятно, почему квиндецемвиры опирались на этот оракул, указывавший, что игры были в 126 г., и утверждали, что игры были уже три раза с промежутком в 110 лет, исключая лишь вторые игры, где допускали некоторую неточность в два года, быть может, для того, чтобы оправдать новое отступление на год, которое приходилось принять.

⁴ Гипотеза Буассье (Revue des Deux Mondes, 1892, Mars, 80), что игры происходили годом раньше, чтобы отпраздновать первые десять лет правления Августа, кажется мне вероятной, но я охотнее думаю, что хотели также отпраздновать и издание социальных законов.

существование, жизнь и смерть индивидуумов, плодородие расы, столь необходимое для государства, и плодородие земли, являющейся первым источником богатства и благосостояния. Как было яснее просить у богов века, избавленного от преступных разрушений, обильного людьми и счастливого вполне заслуженным изобилием? Жертвоприношения небесным богам должны были совершаться днем в следующем порядке: в первый день Юпитеру, во второй — Юноне, в последний — Диане и Аполлону, так чтобы праздник оканчивался торжественными почестями, возданными прекрасному греческому богу, культ которого Август старался распространять и который, по сивиллиным оракулам и эклоге Вергилия, должен был царствовать в новом веке, олицетворяя солнце и разум, свет и тепло, т. е. источники физической жизни и величия человеческой души. Гимн Аполлону и Диане, который должен был закончить празднества и подвести им итоги, поручено было написать величайшему поэту того времени Горацию. На празднества должны были быть приглашены все свободные люди — и граждане, и неграждане; в них должны были принять участие в качестве действующих лиц представители высших классов Рима, мужчины и женщины во главе с обоими принцепсами — Августом и Агриппой.

17 февраля¹ сенат, мы не знаем по чьему предложению, постановил, что в этот самый год должны быть отпразднованы столетние игры; определил их издержки и условия для работ, которых требовали церемонии, игры и празднества, и поручил Августу, бывшему одним из председателей (*magistri*) коллегии квиндецемвиров,² выработать порядок церемонии. Август представил коллегии квиндецемвиров программу, составленную Атеем Капитоном; он содействовал ее одобрению и поручил коллегии опубликовать несколько эдиктов или декретов по поводу всех необходимых для празднества распоряжений, так чтобы организация и руководство празднеством казались делом коллегии, а не Августа. Было решено, что празднество начнется в ночь на 31 мая жертвоприношением Мойрам и что оно будет продолжаться в изложенном нами порядке до 3 июня, связывая одну религиозную церемонию с другой непрерывным рядом народных увеселений. Во все области Италии, даже в самые отдаленные ее деревни, были посланы глашатаи для возвещения о великой церемонии, которую должно было отпраздновать в Риме и которую еще никто не видел и никогда более не увидит.³ Наиболее уважаемые

Органи-
зация
церемонии

¹ Фрагмент надписи относительно столетних игр Клавдия или Домициана упоминает о сенатском постановлении 17 февраля относительно расходов на эти игры (С. J. L., VI, 877a). Я предполагаю, что именно в этом заседании было обсуждение устройства игр и приняты предварительные распоряжения. Возможно, однако, что общее решение по поводу игр было принято на предшествующем заседании. Во всяком случае достоверно, что, как правильно говорит Моммзен, решение сената было необходимо и что Август и квиндецемвиры должны были действовать в силу власти, предоставленной им сенатом.

² Это основывается на предположении Моммзена (*Ephem. Epigr.*, VIII, 247), что первые двадцать четыре строки Асия содержат отрывок письма Августа к квиндецемвирам. Эта гипотеза вероятна, хотя и не вполне достоверна. Я замечу, что последующая процедура организации игр не слишком ясна в надписи, которая слишком плохо сохранилась. Можно понять только, что коллегией квиндецемвиров было издано несколько „*edicta*” и „*decreta*” и что Август, даже если ему было поручено сенатом руководство праздником, старался, как всегда, не слишком выдвигаться на первый план.

³ Zosime, II, 5.

лица из высших классов были выбраны для участия в церемонии; были организованы процессии и представления, и были обучены хоры. Во время этих приготовлений коллегия квиндецемвиров была призвана разрешить вопрос, должно ли в этой церемонии как предварительный обряд приказать народу сперва совершить *suffimenta*, или очищение дымом серы и асфальта; ей было также поручено обратиться к народу с воззванием сделать приношения съестными припасами (ячменем, пшеницей и бобами), которые должно было раздать затем всем присутствующим на празднике.¹ Не нужно забывать, что *ludi saeculares* по происхождению были этрусской церемонией, в которой возносились к богам молитвы о прекращении чумы. В первый раз, следовательно, она справлялась в эпоху эпидемии; поэтому вероятно, что этрусская мудрость, считаясь с возможностью усиления заразы благодаря собранию толпы во время эпидемии, находила необходимым очищение каждого из зрителей при помощи тех средств, за которыми еще современная наука признает некоторую действенность. Приношение *fruges*, вероятно, было связано какой-либо религиозной идеей с *suffimenta*. Коллегия решила, что ее члены будут 28 мая² принимать приносимые *fruges* перед храмом Юпитера Всеблагого Величайшего, перед храмом Юпитера Гремящего, что на Капитолии, в обширных портиках храма Аполлона на Палатине и храма Дианы на Авентине и что в тех же местах, за исключением храма Дианы, они будут раздавать народу серу и асфальт, дымом которых каждый должен был очистить себя, свой дом и свою фамилию, прежде чем принять участие в празднестве.³

Последние приготовления Пока праздник готовился, о нем говорили по всей Италии и скоро, забывая обо всех других заботах, повсюду жили в ожидании этого единственного торжества; оно занимало всех, начиная с Августа, Агриппы и консулов, желавших его успеха, до мелких собственников отдаленных городов, предполагавших совершить при этом единственном случае большое путешествие в столицу; от римской аристократии, долженствовавшей фигурировать в празднике в лице своих наиболее уважаемых представителей, своих наиболее красивых и целомудренных женщин, своих подававших большие надежды юношей, вплоть до Горация, который, со своей обычной мизантропией и неудовольствием, вовсе не доверяя искренности праздника и его организаторов, не мог, однако, отказаться от удовольствия составить изящную поэму, которой враждебная публика была обязана оказать на этот раз хороший прием. Но в какой мере массы были способны понять и определить основную идею празднества, т. е. необходимость возродить Рим, не ожидая от богов сказочного золотого века, путем простой, суровой и плодородной семейной жизни и строгих добродетелей, соблюдение которых предписывали утверж-

¹ Аста, 29 — 35; *Ephem. Epigr.*, VIII, 228.

² Это гипотетическая дата, см.: Mommsen в *Ephem. Epigr.*, VIII, 250.

³ Согласно Зосиму (II, 5), *suffimenta* раздавались *ἐν Κτοχλητωλεῖῳ* (это выражение означает, конечно, два находившихся на Капитолии храма: Юпитера Всеблагого Величайшего и Юпитера Гремящего, о которых идет речь в Аста, v. 30) καὶ ἐν τῷ νεῷ τῷ κατὰ τὸν Παλάτιον (конечно, означает *aedes Apollinis*, о котором говорят Аста, v.31); согласно Зосиму, в храме Дианы на Авентине только принимались *fruges*, но не раздавались *suffimenta*. Основание для этого различия очень темно, и можно спросить себя, не ошибается ли Зосим. Аста не приходят к нам на помощь, потому что они неполны и в этом пункте восстанавливаются на основании текста Зосима.

денные в прошлом году законы? Однако 1 июня приближалось; огромные толпы стекались в Рим. Но явилось и затруднение. Lex de maritandis ordinibus запрещал участие в публичных зрелищах холостым. Поэтому нужно было исключить очень многих, в том числе самого Горация, поэта, написавшего официальный гимн великой церемонии. 23 мая, уступая многочисленным просьбам, сенат приостановил на эти празднества действие закона de maritandis ordinibus и приказал, чтобы commentarium игр был написан на мраморной и на бронзовой колоннах.¹ Два дня спустя квиндецемвиры объявили, что ввиду значительного количества лиц раздача suffimentorum будет производиться не один, а три дня: 26, 27 и 28 мая.²

После очищения свободных граждан в последнюю ночь мая начались церемонии. На Марсовом поле, на берегу Тибра, в назначенном оракулом месте, где Тибр всего уже и глубже,³ т. е. возле современного моста Виктора-Эммануила, воздвигли три жертвенника, а рядом театральные подмости, но без скамей для зрителей, которые должны были стоять, чтобы церемония имела отпечаток мужественной и древней торжественности той эпохи, когда не знали ни удобных сидений, ни тента для защиты от солнца.⁴ Итак, около полуночи народ теснился в Таренте (Tarentum). Мрак освещался только звездами и жертвенниками, курившимися на берегу Тибра. В этом отблеске появился Август в сопровождении всей коллегии квиндецемвиров;⁵ он заклал achivo ritu — на греческий лад⁶ — девять овец и девять коз на трех алтарях.⁷ В глубоком молчании ночи от имени всех граждан и всех свободных людей, как присутствовавших, так и не бывших налицо, он обратился к богиням, прядущим своими перстами тонкую нить жизни, с точной и сухой молитвой, подобной контракту, архаическую сухость и коммерческую точность которой невозможно было бы передать в переводе. Я привожу ее здесь в том виде, как она восстановлена исследователями на основании сохранившихся отрывков: „Moerae, uti vobis in illeis libreis scriptum est, quarum rerum ergo, quodque melius siet p. R. Quiritibus, vobis VIII agnis feminis et VIII capris feminis sacrum fiat; vos quaeso praecorque uti imperium

Начало
церемонии

¹ Acta, v. 50 — 63.

² Ibid., v. 64 — 70; мы имеем две монеты Августа, относящиеся к suffimenta.

³ По этому пункту много спорили, но мне кажется, что иначе нельзя перевести слова Сивиллы (Zosim., II, 6): ἐν λείῳ λαῖα θυβροδοῦς ἕλλετον ὕδαρ ἄλλῃ στείνότατον... Относится ли στείνότατον к ὕδαρ или к λείῳ? Мне лично кажется, что это слово может относиться только к ὕδαρ и что оно дополняет смысл, выраженный в слове ἕλλετον, обозначая место, где река всего глубже и уже. Мне казалось бы затруднительным, что Зосим хотел обозначить место, где Марсово поле всего уже и вода Тибра всего обильнее. Фраза сделалась бы тогда очень неясной. Если же толковать ее, как мы сейчас предложили, то она, напротив, ясно обозначает место, расположенное между San Giovanni del Fiorentini и Яникульским мостом, возле которого были найдены Acta saecularia и жертвенник Дита и Прозерпины.

⁴ Acta, v. 100: in scaena quoi theatrum adiectum non fuit, nullis positis sedibus. См.: Zosim., II, 5, и Valer. Max., II, IV, 2.

⁵ Zosime., II, 5.

⁶ Acta, v. 90: achivo ritu.

⁷ Зосим (II, 5) говорит, что было три жертвенника и что Август заклал трех овец. С другой стороны, молитва к Мойрам, находящаяся в Acta, ясно указывает нам, что было принесено в жертву девять овец и девять коз. Зосим, следовательно, ошибался. Можно было бы предполагать, что одновременно с Августом на двух других жертвенниках совершали жертвоприношения две другие magistri коллегии, но v. 115, где сохранился рассказ о жертвоприношении Илифиям, ясно показывает нам, что Август один совершал все эти жертвоприношения.

majestamque p. R. Quiritium duelli domique auxitis utique semper nomen Latinum tuaeamini... incolumitatem sempiternam victoriam valetudinem populo romano Quiritibus tribuatis faveatisque populo romano Quiritium legionibus que populi R. Quiritium remque p. populi Romani Quiritium salvam servetis... uti sitis volentes propitiae p. R. Quiritibus quindecimvirum collegio mihi domo familiae et uti hujus... sacrificii acceptrices sitis VIII agnarum feminarum et VIII caprarum feminarum propriarum; harum rerum ergo macte hac agna femina immolanda estate fitote volentes propitiae p. R. Quiritibus quindecimvirorum collegio mihi domo familiae“.¹ Слово mihi значило здесь не Августа, фамилию и дом Августа, но всякого гражданина и свободного человека, так как Август только читал формулу молитвы, которая в этот момент должна была быть на устах всех присутствующих и всей Италии и которая вполне ясно без околичностей предлагала божеству этот контракт: с одной стороны — девять овец и девять коз, предложенных богиням, а с другой — счастье государства и частных лиц, данное богинями в обмен на жертвоприношение. Было бы невозможно представить себе молитву более архаическую по языку и формулировке. В церемонии, на которую были приглашены все свободные люди, вопрос шел только о римском народе квиритах. По совершении жертвоприношения были зажжены факелы и огромные костры, чтобы осветить сцену, на которой были представлены различные театральные представления;² зрители все время были на ногах, а матроны в числе ста десяти, чтобы представить года века, предлагали Диане и Юноне селлистерний, или священное пиршество.³

Церемония На следующий день торжество происходило на Капитолии: оба
1 и 2 июня коллеги, Август и Агриппа, принесли каждый по быку в жертву Юпитеру Всеблагому Величайшему, повторяя ту же монотонную молитву, с которой в предшествующую ночь Август уже обращался к Мойрам;⁴ потом в деревянном театре, построенном на Марсовом поле возле Тибра и снабженном на этот раз необходимыми сиденьями, представили латинские игры, в то время как на сцене, построенной в Таренте, продолжались представления, начатые ночью.⁵ В этот день новый селлистерний был предложен матерями семейств;⁶ по этому поводу квиндецемвиры приостановили частный траур женщин.⁷ Ночью во мраке Тарента на берегу Тибра было совершено новое жертвоприношение Илифиям, богиням плодородия, при ко-

¹ Acta, v. 91 — 99: «Мойры! вами написано в тех книгах, чтобы ради этого и ради благосостояния римского народа квиритов было принесено вам в жертву девять овец и девять коз; вас прошу и вам молось, чтобы вы возвеличили власть и величие римского народа квиритов на войне и дома и чтобы всегда охраняли имя латинское, доставили всевечную безопасность, победу и силу римскому народу квиритам, были благосклонны римскому народу квиритам и легионам римского народа квиритов и сохранили невредимым положение римского народа квиритов... чтобы вы были милостивы к римскому народу квиритам, колонии квиндецемвиров, ко мне, к моему дому и фамилии, и чтобы вы приняли эту жертву из девяти коз и девяти овец; за это да будет заклана эта овца, будьте и сделайте милостивы к римскому народу квиритам, комиссии квиндецемвиров, ко мне, к моему дому и фамилии».

² Acta, v. 100; Zosim., II, 5.

³ Acta, v. 101.

⁴ Ibid., v. 103 — 106.

⁵ Ibid., v. 108.

⁶ Ibid., v. 109.

⁷ Ibid., v. 110 — 114.

тором не проливалась кровь, а были принесены в жертву двадцать семь пирогов, три раза по три разного сорта, причем это приношение сопровождалось тою же молитвой, в которой было изменено только имя богинь.¹

День 2 июня был посвящен большому жертвоприношению Юноне на Капитолии; главную действующую роль играли в нем матроны с целью символизировать религиозную функцию женщины в государстве и в семье, женщины, которая не должна заниматься государственными делами, но которая с пользой может присоединять свои молитвы к молитвам мужчин, чтобы вымолить покровительство богов. Сто десять матерей семейств, тоже по числу годов века, избранных квиндецемвирами из наиболее благородных и уважаемых женщин Рима, получили приказания находиться на Капитолии для жертвоприношения; и, когда Агриппа и Август заклали каждый по корове² и Август повторил Юноне то, что он уже говорил Мойрам, Юпитеру и Илифиям, все матроны опустили на колени и *genibus piae* прочитали длинную молитву, малоотличную от предыдущей, в которой просили Юнону покровительствовать республике и семье и давать всегда римлянам победу и силу.

Затем были совершены новые игры во всех кварталах Рима.³ Ночью в Таренте последовало третье ночное жертвоприношение Матери-земле с пятым повторением все той же молитвы, также сопровождавшееся селлистерием.⁴ Наконец, 3 июня было совершено последнее торжество, бывшее и наиболее важным: приношение принесенных Илифиям двадцати семи пирогов, уже в честь Аполлона в его храме на Палатине.⁵ Когда жертвоприношение было совершено, когда Август прочитал в шестой раз свою монотонную молитву и пришла к концу вся малоразнообразная серия церемоний, продолжавшаяся три дня, тогда, наконец, ода Горация, запетая двадцатью семью юношами и двадцатью семью девушками, полетела, паря, подобно жаворонку, на своих энергичных строфах и расширяя свою мелодию, в неизмеримое небо Рима, еще не слыхавшее посреди семи холмов человеческих уст, обращавшихся к богам со столь приятными, столь нежными и столь гармоничными мольбами. Была огромная разница между протокольными молитвами, читанными Августом и ста десятью матронами в стиле, столь отягощенном относительными местоимениями и длинными герундивами, и этими крылатыми, легкими и энергичными строфами, летевшими по воздуху подобно легким птицам.

Это стихотворение подводило итог сложным значениям долгой *Carmen saeculare* церемонии; в нем находится мифологическая смесь астрономических и моральных символов, воспоминание о новых социальных законах, прославление великих римских традиций, стремление к миру, могуществу, славе, благоденствию и добродетели, являющимся условием всех благ, желаемых человеком.

В двух вступительных строфах юноши и девушки призывают Аполлона и Диану:

¹ Acta, v. 115 — 118.

² Ibid., v. 119.

³ Ibid., v. 133.

⁴ Ibid., v. 134 — 138.

⁵ Ibid., v. 139 — 146.

Феб и Диана, владычица дева лесная,
Светлых небес украшень. Вы, целой вселенной
Чтимые! — дайте, о чем мы вас молим, взывая
В день сей священный.
В книгах Сивиллиных, должному нас научивших,
Сказано: мальчикам чистым да избранным девам
Ныне бессмертных, семь наших холмов облюбивших,
Славим напевом.

Потом юноши обращаются к Аполлону, богу света и солнца, и поют строфу, которую ни один римлянин даже через двадцать столетий не может читать без волнения:

Солнце кормилец! ты день с колесницей горячей
Кажешь и прячешь, о, пусть, возрождаясь незримо,
Вечное, ты ничего не увидишь могучей
Города Рима.

Молодые девушки продолжают песнь, отождествляя с Дианой Илифию и Луцину, богинь родов:

О Илифия, родов безувечных причина,
Кротко храни матерей, как всегда охраняла,
Будет ли имя твое на молитве Луцина,
Иль Генитала.

Пение вновь переходит к юношам, призывающим милости богини на утвержденные в предыдущем году законы:

Вырасти отроков, благослови совещанье
Наших отцов, что судьбу обеспечило женам,
В новом обильном потомстве пошли оправданье
Новым законам.

Таким образом можно будет, говорят молодые девушки, каждые сто десять лет в течение трех дней и ночей справлять столетние игры:

Каждые сто десять лет неизменной чередою
Пусть к нам веселые игры и песни приходят;
Светлых три дня пусть нам столько ж ночей за собою
Сладких приводят.

И, чередуя свои песни, юноши и девушки воспевают затем Парк, богинь судьбы, Землю, мать плодородия и благосостояния, потом снова Аполлона, бога здоровья, который, кроткий и умиротворенный, сложил свое оружие, и Диану, на этот раз под видом прибывающей луны:

Вы же, правдиво поющие Парки, внемлите —
Рок оправдал приговор ваш незыблемой волей,
Все, что для нас совершилось, в грядущем продлите
Счастливой долей.
Пусть, умножая плоды и стада, возлагает
Почва на кудри Цереры венки колосистый,
Ветер Зевеса пусть новым полям навевает
Дождик росистый.
О, Аполлон, опускай и стрелы и очи,
Кроток и милостив, мальчиков внемли молениям,
Внемли, Луна, властелинка двурога нощи,
Дев песнопеньям.

После этого призывания по отдельности солнца, плодородия, судьбы, благополучия и луны юноши и девушки, продолжая, вероятно,

чередоваться в пении, обращались вместе ко всем олимпийским божествам с целью вознести к ним в великолепных строфах все желания Рима и Италии, подводившие итоги всем жалобам, всем сожалениям, всем стремлениям, всем надеждам и всем мечтам, волновавшим душу нации в момент этого первого возврата к жизни после огромной катастрофы:

Если вы создали Рим и велели вы сами
Прочное выбрать владенье в земле итальянской,
Край свой родной заменяя иными местами,
Горсти троянской,

Той, средь которой прошедши горящую Трою,
Родины гибель увидя, Эней непорочный
Путь проложил, заменяя утраты судьбою
Более прочной;

Боги! возвысьте в понятливой юности нравы!
Боги! вы старость святой тишиной окружите!
Ромулу внукам потомства, богатства и славы
Громкой пошлите!

Кто убажает вас, белых быков закалая,
Славный праправнук Анхиза и светлой Киприды
Миром да правит на гибель врагам, но прощая
Падшим обиды.

Море и суша в деснице его. Уж мидийцы
Видят готовую кару в албанской секире,
Скифы надменные ждут приговоров, индийцы
Молят о мире.

С древней Стыдливостью, с Миром и Честью дерзает
Доблесть забытая вновь появляться меж нами,
Снова Довольство отрадное всем рассыпает
Рог свой с дарами.

О прорицатель! украшенный луком блестящим,
Феб Аполлон! девяти драгоценный Каменам,
Чье благородное знанье целебно болящим,
Слабнущим членам.

Если ты видишь с любовью алтарь Палатинский,
Римскую жизнь и красу итальянского края,
Дай, чтобы счастье несло над землею латинской,
Век возрастая.

После вышеизложенной молитвы хор оканчивает и последнее воззвание тех, кто готовится удалиться, воззвание души, проникнутой благочестием:

Ты же, царишь ли на Алгиде, иль Авентине,
Видишь, Диана, пятнадцать мужей пред тобою —
Ты их услышь. И зывающих мальчиков ныне
Тронься мольбою.

С полною верою в то, что понравилась небу
Песня моя, возвращаюсь домой умиленный,
В хоре священном хвалу и Диане и Фебу
Петь наученный.¹

Такова была прекрасная поэма, удивительный гимн жизни в ее Значение многообразных формах, солнцу, плодородию, изобилию, добродетели, столетнего могуществу; и все это было чудесно изложено в мифологическом гимна греческом стиле. Композиция ее была, действительно, даже слишком хороша. Сравнение этой великолепной поэмы с сухими формулами, прочитанными Августом, прекрасно иллюстрирует беспокойство, недовольство и противоречия, царствовавшие в эту эпоху. С одной

¹ Перевод А. А. Фета.

стороны, мы имеем старую политическую религию, мумифицированную в своем варварском материализме и своем вековом ритуале; с другой — попытки оживить эту религию путем обращения к греческому искусству, мифологии и философии, т. е. путем обращения к чисто рассудочным представлениям, не базировавшимся ни на каком религиозном возрождении. *Carmen saeculare* был прекрасным произведением искусства, так же как и построенный Августом храм Аполлона, между колонн которого пели этот гимн; но это был превосходный образчик человеческой лирической поэзии, а не горячая религиозная песнь; он мог быть составлен великим артистом, рассматривавшим божества как чисто интеллектуальные символы, созданные для артистического олицетворения известных абстракций. Без сомнения, грубый крестьянин и невежественный плебей могли еще верить, что они получают от Парк и Аполлона желаемое ими, если будут повторять формулы, произнесенные самим Августом; но как можно было воспользоваться этой старой религией с целью управления империей теперь, когда аристократия не умела более пользоваться ею для дисциплинирования массы? Каким образом прекрасные стихи Горация могли укрепить осознание обязанностей в разращенной и легкомысленной аристократии, если она повторяла эти стихи только потому, что они были благозвучны? Столетние игры ясно доказывали, что попытки оживить с помощью эллинизма старую римскую религию приносили скорее затруднение, чем обновление. Хор из двадцати семи юношей и двадцати семи молодых девушек тщетно собирался на Капитолии, чтобы петь там новую поэму; ¹ народ тщетно наслаждался в эти дни кроме обычных игр зрелищем бега квадриг; ² квиндецемвиры, стараясь угодить всем, тщетно прибавляли семь дней *ludorum honoratiorum* к трем дням *ludorum solemnium*, приказывая только, чтобы был один день отдыха, 3 июня; ³ твердая надежда, которую певцы гимна Горация уносили, как утверждали, с собой по домам, была лишь прекрасным поэтическим преувеличением.

Беспорядки в провинциях В то время как Италия восхищалась в Риме этими обрядами, в церемониями и гимнами, европейские провинции империи готовились путем обширного восстания комментировать столетние игры и их *carmen*. Долгий беспорядок последнего столетия до такой степени извратил во всей империи естественный ход причин и следствий, что самый мир возжег тотчас очаг войны в Альпах и в европейских провинциях. Если для Италии и для богатых провинций Востока мир действительно был несказанным благодеянием, то подвластные Риму грубые племена в Альпах, в Испании и в Паннии не могли быть довольны подарками, принесенными им миром, т. е. более частыми и более строгими наборами вспомогательных войск, большей

¹ Acta, v. 148.— Моммзен (Eph. Epigr., VIII, p. 256) предполагает, напротив, что этот гимн пелся «a choris solemnium pompa ex Palatio ad Capitolium pergentibus at inde redeuntibus ad aedem Apollinis Palatinam». Но столь точный текст Acta, мне кажется, совершенно исключает эту гипотезу, которая в противном случае казалась бы вероятной. Что касается странности заставлять петь на Капитолии гимн в честь Аполлона и Дианы, в котором едва упоминается Юпитер и Юнона, то на это можно ответить, что *Carmen* Горация не только гимн к Диане и Аполлону, но также (и главным образом) *Carmen saeculare*, являющийся синтезом всей церемонии.

² Acta, v. 154.

³ Ibid., v. 156 — 159.

строгостью проконсулов и пропреторов, а в особенности новыми налогами, введенными Августом и взимающимися со всей строгостью его прокураторами для реорганизации плохих финансов республики. Эти области, уже давно привыкшие воздавать римской власти чисто формальное почтение, уже давно были охвачены мятежным духом; таково же было положение дел в Галлии, где произведенный Августом ценз и новые введенные им налоги в течение десяти лет наполовину разрушили умиротворение страны, которая вновь впала в бывшие некогда раздоры и волнения.¹ Ликин, известный вольноотпущенник Августа, которому поручено было надзирать за взиманием налогов, олицетворял в глазах галлов это неожиданное и столь тягостное изменение римской политики. Для исполнения своей должности Ликин объехал Галлию, знакомясь с землевладельцами, купцами, ремесленниками и стараясь узнать богатства всех классов; он, может быть, первый из римлян видел появление тут и там в холодной, туманной и варварской Галлии признаков чудесных богатств, которые скоро можно было сделать источником дохода. Он первый предвидел будущее благополучие и величие этой страны,² но он воспользовался этим с целью доказать Августу, что сделался мастером в искусстве вытягивать деньги из подданных. Ни в одной части империи не было у Августа правителя, квестора, легата или прокуратора, выказывавшего такую же ревность, как Ликин в Галлии, в пополнении казначейства республики, но никто не вносил в это так мало совести. За ним во всех галльских областях следовали чиновники, которым было поручено производить ценз; он толковал учреждения Августа со своей точки зрения, выдвигаясь на первый план более, чем было прилично вольноотпущеннику принцепса, бывшему в Галлии только частным помощником легата. Он, наконец, запугал последнего и не пренебрегал случаем пополнить и его кассу вместе с кассой государства. Он знал, что в Риме ввиду финансовых затруднений не станут слишком разбирать примененные средства, если результаты окажутся блестящими.

В Галлии тем временем образовалась антиримская партия, и это Положение было большой опасностью, к которой присоединилась новая или, в Галлии

¹ Sueton. Tib., g: Post haec comatam Galliam anno fere rexist (Tiberius) et barbarorum incursionibus et principum discordia inquietam. Это краткое упоминание доказывает нам, что около этого времени галльская аристократия снова была добычей больших раздоров и что эти раздоры были связаны с германскими вторжениями, о которых мы скажем далее. Иначе сказать, в галльской знати снова образовались партии романофильская и германофильская, и римское господство снова вызвало живое недовольство. Дион (LIV, 21) совершенно ясно подтверждает Светония и говорит, что недовольство было вызвано, главным образом, поборами Ликина.

² Dio, LIV, 21.— Рассказ Диона подтверждается ссорами, возникшими между Августом, галлами и Ликином, и речью, которую греческий историк влагает в уста Ликина по поводу богатства галлов. Эта речь в самом своем преувеличении содержит более серьезную мысль Ликина, которого Август не оставлял бы так долго в Галлии, если бы он был только простым вором, ловко оправдывавшимся при помощи лжи. Ликин, даже если он был бессовестным человеком, был человеком умным и энергичным, оказавшим большие услуги римскому правительству; поэтому необходимо приписать ему, даже с чисто эгоистической римской точки зрения, более серьезные намерения, чем простое желание обогатиться грабежом галлов. Смотри так на этот эпизод, нетрудно предвидеть, какова была эта идея. Обвиненный галлами в наложении на них разорительных налогов, Ликин старается доказать Августу, что галлы и Галлия богаче, чем думают в Риме, и что Галлия — многообещающая страна; в этом он, действительно, не ошибался.

стороны, мы имеем старую политическую религию, мумифицированную в своем варварском материализме и своем вековом ритуале; с другой — попытки оживить эту религию путем обращения к греческому искусству, мифологии и философии, т. е. путем обращения к чисто рассудочным представлениям, не базировавшимся ни на каком религиозном возрождении. *Carmen saeculare* был прекрасным произведением искусства, так же как и построенный Августом храм Аполлона, между колонн которого пели этот гимн; но это был превосходный образчик человеческой лирической поэзии, а не горячая религиозная песнь; он мог быть составлен великим артистом, рассматривавшим божества как чисто интеллектуальные символы, созданные для артистического олицетворения известных абстракций. Без сомнения, грубый крестьянин и невежественный плебей могли еще верить, что они получают от Парк и Аполлона желаемое ими, если будут повторять формулы, произнесенные самим Августом; но как можно было воспользоваться этой старой религией с целью управления империей теперь, когда аристократия не умела более пользоваться ею для дисциплинирования массы? Каким образом прекрасные стихи Горация могли укрепить осознание обязанностей в разращенной и легкомысленной аристократии, если она повторяла эти стихи только потому, что они были благозвучны? Столетние игры ясно доказывали, что попытки оживить с помощью эллинизма старую римскую религию приносили скорее затруднение, чем обновление. Хор из двадцати семи юношей и двадцати семи молодых девушек тщетно собирался на Капитолии, чтобы петь там новую поэму; ¹ народ тщетно наслаждался в эти дни кроме обычных игр зрелищем бега квадриг; ² квиндецемвиры, стараясь угодить всем, тщетно прибавляли семь дней *ludorum holoagiorum* к трем дням *ludorum solemnium*, приказывая только, чтобы был один день отдыха, 3 июня; ³ твердая надежда, которую певцы гимна Горация уносили, как утверждали, с собой по домам, была лишь прекрасным поэтическим преувеличением.

Беспорядки в провинциях В то время как Италия восхищалась в Риме этими обрядами, в церемониях и гимнами, европейские провинции империи готовились путем обширного восстания комментировать столетние игры и их *carmen*. Долгий беспорядок последнего столетия до такой степени извратил во всей империи естественный ход причин и следствий, что самый мир возжег тотчас очаг войны в Альпах и в европейских провинциях. Если для Италии и для богатых провинций Востока мир действительно был несказанным благодеянием, то подвластные Риму грубые племена в Альпах, в Испании и в Паннии не могли быть довольны подарками, принесенными им миром, т. е. более частыми и более строгими наборами вспомогательных войск, ббльшей

¹ Acta, v. 148.— Моммзен (Eph. Epigr., VIII, p. 256) предполагает, напротив, что этот гимн пелся «a choris solemni pompa ex Palatio ad Capitolium pergentibus at inde redeuntibus ad aedem Apollinis Palatinam». Но столь точный текст Acta, мне кажется, совершенно исключает эту гипотезу, которая в противном случае казалась бы вероятной. Что касается странности заставлять петь на Капитолии гимн в честь Аполлона и Дианы, в котором едва упоминается Юпитер и Юнона, то на это можно ответить, что *Carmen* Горация не только гимн к Диане и Аполлону, но также (и главным образом) *Carmen saeculare*, являющийся синтезом всей церемонии.

² Acta, v. 154.

³ Ibid., v. 156 — 159.

строгостью проконсулов и пропреторов, а в особенности новыми налогами, введенными Августом и взимававшимися со всей строгостью его прокураторами для реорганизации плохих финансов республики. Эти области, уже давно привыкшие воздавать римской власти чисто формальное почтение, уже давно были охвачены мятежным духом; таково же было положение дел в Галлии, где произведенный Августом ценз и новые введенные им налоги в течение десяти лет наполовину разрушили умиротворение страны, которая вновь впала в бывшие некогда раздоры и волнения.¹ Ликин, известный вольноотпущенник Августа, которому поручено было надзирать за взиманием налогов, олицетворял в глазах галлов это неожиданное и столь тягостное изменение римской политики. Для исполнения своей должности Ликин объехал Галлию, знакомясь с землевладельцами, купцами, ремесленниками и стараясь узнать богатства всех классов; он, может быть, первый из римлян видел появление тут и там в холодной, туманной и варварской Галлии признаков чудесных богатств, которые скоро можно было сделать источником дохода. Он первый предвидел будущее благополучие и величие этой страны,² но он воспользовался этим с целью доказать Августу, что сделался мастером в искусстве вытягивать деньги из подданных. Ни в одной части империи не было у Августа правителя, квестора, легата или прокуратора, вызвавшего такую же ревность, как Ликин в Галлии, в пополнении казначейства республики, но никто не вносил в это так мало совести. За ним во всех галльских областях следовали чиновники, которым было поручено производить ценз; он толковал учреждения Августа со своей точки зрения, выдвигаясь на первый план более, чем было прилично вольноотпущеннику принцепса, бывшему в Галлии только частным помощником легата. Он, наконец, запугал последнего и не пренебрегал случаем пополнить и его кассу вместе с кассой государства. Он знал, что в Риме ввиду финансовых затруднений не станут слишком разбирать примененные средства, если результаты окажутся блестящими.

В Галлии тем временем образовалась антиримская партия, и это Положение было большой опасностью, к которой присоединилась новая или, в Галлии

¹ Sueton. Tib., g: Post haec comata Galliam anno fere rex (Tiberius) et barbarorum incursionibus et principum discordia Inquietam. Это краткое упоминание доказывает нам, что около этого времени галльская аристократия снова была добычей больших раздоров и что эти раздоры были связаны с германскими вторжениями, о которых мы скажем далее. Иначе сказать, в галльской знати снова образовались партии романофильская и германофильская, и римское господство снова вызвало живое недовольство. Дион (LIV, 21) совершенно ясно подтверждает Светония и говорит, что недовольство было вызвано, главным образом, поборами Ликина.

² Dio, LIV, 21.— Рассказ Диона подтверждается ссорами, возникшими между Августом, галлами и Ликином, и речью, которую греческий историк влагает в уста Ликина по поводу богатства галлов. Эта речь в самом своем преувеличении содержит более серьезную мысль Ликина, которого Август не оставлял бы так долго в Галлии, если бы он был только простым вором, ловко оправдывавшимся при помощи лжи. Ликин, даже если он был бессовестным человеком, был человеком умным и энергичным, оказавшим большие услуги римскому правительству; поэтому необходимо приписать ему, даже с чисто эгоистической римской точки зрения, более серьезные намерения, чем простое желание обогатиться грабежом галлов. Смотри так на этот эпизод, нетрудно предвидеть, какова была эта идея. Обвиненный галлами в наложении на них разорительных налогов, Ликин старается доказать Августу, что галлы и Галлия богаче, чем думают в Риме, и что Галлия — многообещающая страна; в этом он, действительно, не ошибался.

скорее, вновь появившаяся опасность — опасность германская. Своей победой над Ариовистом Цезарь отбросил германцев из Галлии и крепко запер за ними ворота новой римской провинции; но со времени поражения царя севов протекло сорок лет; авторитет Рима во время гражданских войн уменьшился; за Рейном выросли новые поколения, которые не видали в Галлии Цезаря и его армии и которые начали снова мечтать о прекрасных плодородных землях, так долго желанных, и обширном поле эмиграции, завоевания и добычи, к которому до римского вторжения германцы имели такой свободный доступ и которое охранялось только пятью легионами. Агриппа первый, кажется, заметил, что Риму нужно держаться настороже, чтобы воспрепятствовать части галльской знати соединиться с германцами и не дать последним снова мысли о завоевании Галлии. Он задумал во время своего последнего пребывания в Галлии две важные политические меры с целью уравновесить недостаток военной римской силы в Галлии. Прежде всего он постарался успокоить недовольство галлов по поводу увеличения налогов, а потом воспрепятствовать мирными средствами вторжению в Галлию. Он позволил большому числу убиев, живших на германском берегу Рейна, перейти реку и поселиться по сю сторону на необработанных землях.¹ Он надеялся таким образом приобрести дружбу соседних с рекой племен и превратить в трудолюбивых подданных тех, кого в противном случае ему пришлось бы рано или поздно уничтожить, как диких животных. Агриппа своим административным гением понимал, что Рим уже недостаточно силен для того, чтобы Галлия позволила безропотно обременять себя налогами, и что нужно в глазах самих галлов оправдать тяжелые подати, которыми их разоряли, оказав им кое-какие услуги и делая в Галлии то, что Август начал делать в Азии, т. е. постарался примирить давнюю противоположность интересов, разделявшую разные части нации. Местные аристократии, разделенные ожесточенной враждой предшествующих столетий, были объединены в мире общим желанием подражать греко-латинской цивилизации и извлечь выгоду из нового порядка вещей. Города начали приобретать значение; торговля развивалась, не только с Германией и Италией, но и внутри страны; количество ремесленников и торговцев увеличивалось и приобретало важное значение в каждом племени: они, как в Азии, нуждались в мире, порядке и безопасности не только у себя, но и за границами того маленького государства, к которому они принадлежали. В Галлии, как и в Азии, этот мир мог обеспечить только Рим. Агриппа понял, что сперва нужно провести в стране дороги; и в эти годы он начертал и стал приводить в исполнение галльский *quadriuium*, четыре дороги, которые из Лиона шли: одна на север к Океану, вероятно, приводя к селению, откуда садились на корабли, отходившие в Британию; другая шла на юг до Массалии, третья на восток к Рейну, четвертая на запад через Аквитанию, до области сантонов (*совр. Saintonge*);²

¹ Strabo., IV, III, 4: ...μετ' ἄγερον Ἀγρίππας ἐκβότασις τὴν ἐντὶς τοῦ Ῥίνου... Хотя Страбон не определяет даты, однако очевидно, что Агриппа должен был сделать эту уступку во время своего последнего пребывания в Галлии, когда, не ведя более войн, он мог заняться гражданской администрацией. Целью этой уступки было, как мы думаем, желание приобрести дружбу пограничных, наиболее беспокойных народов.

² Ibid., IV, XVI, 11.

он воспользовался при этом уже существовавшими галльскими дорогами, расширив и улучшив их. Таким образом, деньги, которые Ликин собирал с Галлии, отчасти были истрачены в самой стране и к пользе для ее обитателей.

Но Агриппа был принужден прервать свою великую задачу, чтобы отправиться в Рим работать вместе с Августом над социальными законами и праздновать столетние игры; и гроза, собиравшаяся на северной границе, разразилась в начале 16 г. Около этого времени бессы во Фракии возмутились против поставленного им римлянами царя Реметалка; в Македонию вторглись денфелеты, скордиски и, как кажется, сарматы; паннонцы, увлекая к мятежу бывший под протекторатом Рима Норик, восстали и напали на Истрию; в Альпах взяли за оружие веннонеты и камунны.¹ Первые жили в Вальтелинне (Valtellina), может быть, также в части долины Эча и в верхней долине Инна;² последние — в долине, сохранившей их имя Валь Камоника (Val Camonica). К началу 16 г. шум оружия отовсюду, таким образом, доносился до Рима, где Август находился в очень затруднительном положении, борясь с первыми результатами своих социальных законов. Дерево, посаженное с таким трудом, приносило совсем особые плоды. Теперь было совершенно ясно, что очищение сената, потребовавшее знание в качестве средства общего спасения, не имело другого результата, кроме того, что заседания сената сделались еще более пустыми, чем раньше, и доказало таким образом всему народу гражданскую леность той аристократии, которая требовала для себя одной привилегии управлять государством.³ Исключенные из сената ободрились, все более и более они стали тесниться вокруг Августа, стараясь поколебать его цензорскую суровость, постоянно выдвигая следующий неопровержимый аргумент: к чему подвергать позорному изгнанию из сената стольких скромных сенаторов, тогда как оставшиеся там важные лица, члены высшей знати, нисколько не лучше? И таким образом мало-помалу исключенные сенаторы один за другим вернулись в сенат.⁴

Законы о браке и прелюбодеянии привели к еще большим затруднениям. Август поспешил усыновить двух сыновей Агриппы и Юлии, Гая и Луция (первому было три года, а последнему — всего несколько месяцев), чтобы дать пример подчинения нормам закона *de maritandis ordinibus* и быть в состоянии сказать, что и он, как предписывал закон всякому доброму гражданину, воспитал для республики троих детей: Юлию и двух ее сыновей.⁵ У Агриппы была одна дочь от Помпонии, которую он выдал замуж за Тиберия, и он был еще достаточно крепок для того, чтобы надеяться иметь

¹ Dio, LIV, 20.

² Oberziner. *Le Guerre di Augusto contro i popoli alpini*. Roma, 1900, 52.

³ Только таким путем можно объяснить, почему Август, по рассказу Диона (LIV, 18), приказал брать штраф с сенаторов, не посещавших заседания без уважительной причины.

⁴ Дион (LIV, 14) говорит нам, рассказывая о *lectio senatus* 18 г.: καὶ αὐτῶν (исключенных) οἱ μὲν πλείους ἐπανήρθον χρόνῳ ἐς τὸ συνέδριον.

⁵ Dio, LIV, 18.— Это обстоятельство, а не желание самому избрать себе преемников, было истинным мотивом усыновления. Если бы Август хотел приготовить себе преемников, то он обратил бы взоры не на детей, а на Тиберия и Друза, которые были взрослыми и уже дали доказательство своих способностей. Кроме того, Август всегда старался не дать даже малейшего подозрения, что он заботится приготовить себе преемника.

от Юлии двух других детей. Усыновляя двух младенцев, Август не рисковал встретить обвинение в искажении духа закона и стремлении избежать забот и обязанностей долгого воспитания. Как всегда, Август сумел ловко разрешить касающееся его затруднение, затруднение, причиной которого было бесплодие Ливии; никто другой не мог так легко, как он, повиноваться новым законам. Кроме того, первые публичные процессы о прелюбодеянии показали, что шпионство и доносы, введенные между богами Ларами для надзора за чистотой домашнего очага, очищают дома, но зато выбрасывают на улицу всю накопившуюся в семьях грязь, рискуя запачкать прохожих. Публика сбегалась на процессы о прелюбодеянии, как на скандальное развлечение, с целью увидеть, как обе стороны осыпают друг друга грязными обидами, позорными обвинениями и скандальными разоблачениями.¹ Публика находила столько удовольствия в рассматривании чужих дел, что с любопытством обращала взоры на самого Августа и Теренцию. Все хотели знать, подаст ли сам автор закона пример к его соблюдению.² Наконец, если можно было спрашивать себя, действительно ли эти законы возродят Рим, то во всяком случае было несомненно, что они увеличат число судебных процессов. Это было опасным теперь, когда старый *Lex Cincia* более не соблюдался, и много сенаторов, всадников и плебеев смотрели на судебные дела как на средство к жизни. Процессы умножаются, увеличиваются, бесконечно затягиваются, когда адвокаты могут извлекать из них для себя выгоды. По всем этим причинам Август хотел напомнить всем о *Lex Cincia*, запрещавшем брать деньги за юридические услуги, заставив сенат специальным постановлением вновь подтвердить распоряжения, касающиеся вознаграждения за процессы. Сенат постановил также налагать штраф на сенаторов, пропускающих заседания без достаточных причин.³

Вторжение германцев в Галлию С некоторого времени Август задумал прибегнуть к своему обычному средству в затруднительные моменты — снова исчезнуть из Рима, где для него не менее опасно было заставлять соблюдать свои законы, чем оставить их действовать без надзора, ввиду того, что те, кто не соблюдал их, оставались безнаказанными.⁴ Столь многочисленные восстания, разразившиеся в провинциях, были достаточным предлогом для отъезда, но скоро пришли еще более важные новости, окончательно решившие отъезд в положительном смысле:

¹ См.: Dio, LIV, 30; анекдот относится к более позднему времени (к 742 г.), но если Август тогда решился так энергично вмешаться, несмотря на свое обычное благоразумие, то это доказывает, что зло уже давно развивалось. Поэтому вероятно, что оно восходит к началу применения закона.

² См.: Dio, LIV, 19.

³ Ibid., 18.

⁴ Дион (LIV, 19) говорит нам, что Август решил оставить Рим, чтобы не присутствовать при постоянном нарушении своих законов. Но затем он говорит, что Август уехал после того, как отправил Агриппу в Сирию, и что он увез с собой Тиберия, хотя тот был претором. Это заставляет нас думать, что он уехал, когда узнал о разразившихся восстаниях и о вторжении германцев в Галлию, легатом которой, действительно, был назначен Тиберий. Иначе нельзя объяснить, почему он увез Тиберия из Рима, в котором тот должен был оставаться в качестве претора. Обе версии легко согласовать между собой: Август уже намеревался уехать; поэтому он сейчас же воспользовался восстаниями и германской войной, в достаточной мере оправдывавшими его отъезд в глазах общества.

германцы пытались открыть себе путь в Галлию, закрытый для них Цезарем. После отъезда Агриппы правителем Германии остался Марк Лоллий, пользовавшийся полным доверием Августа и заслуживавший его своими достоинствами. После присоединения Галатии Лоллий был первым ее правителем и был консулом 21 год. Это был человек умный и энергичный, но очень жадный; он пользовался дружбой с Августом с целью очень ловко и не компрометируя себя собрать громадное состояние и в данный момент в согласии с Ликином притеснял галлов, наполняя одновременно и свою кассу, и кассу государства. Поэтому он не мог пользоваться расположением галлов. На этом основании, а также вследствие внезапности нападения и, наконец, может быть, какой-нибудь допущенной ошибки Лоллий не сумел отбросить нападавших за Рейн; он был разбит в нескольких стычках, потерял орла пятого легиона и в страхе послал просить помощи у Августа. Сын Цезаря должен был тотчас же двинуться на помощь, чтобы уничтожить возрождавшуюся германскую опасность и обуздать мятежных галлов.¹

Эти известия должны были на время отвлечь в Италии и Риме общее внимание от внутренних дел и скандальных процессов о прелюбодеяниях. Казалось, что новый Верцетториг готов появиться в Галлии в тот момент, когда половине европейских провинций угрожала война. С другой стороны, Август, все еще озаренный блеском славного соглашения, заключенного с парфянами, должен был спрашивать себя, как отразится этот европейский кризис на Востоке, где равновесие поддерживалось только чудом. Что ему делать, если Фраат воспользуется удобным случаем и затруднительным положением Августа, чтобы вновь захватить Армению? Боги, казалось, давали самыми фактами иронический ответ на поэтические мольбы столетнего гимна. По счастью, рядом с Августом стоял Агриппа, и оба принцепса могли быстро принять необходимые меры. Признали, что в столь опасный момент сыну Цезаря необходимо отправиться в Галлию, где одно его имя произведет большое впечатление на ход военных действий и будет стоить нескольких легионов. Агриппа, напротив, должен был отправиться на Восток, чтобы поддержать там порядок своим присутствием, а если этого будет недостаточно, то и вооруженной силой, пока Август будет восстанавливать порядок в Европе. Рим и Италия были поручены Статилию Тавру, получившему от сената по древнему обычаю титул *praefectus urbi*.² Публий Силий, правитель Иллирии, уже выступил против паннонцев и жителей Норика, чтобы отразить их из Истрии; после освобождения этой провинции он должен был обратиться в долину По и отправиться сражаться с восставшими альпийскими народами.³

Эти распоряжения получили полное одобрение сената. Агриппа отправился на Восток вместе с Юлией,⁴ несмотря на возобновленное

¹ Dio, LIV, 20; Velleius Paterculus, II, 97.— Рассказ Веллея, конечно, относится к этому вторжению и подтверждает версию Диона, хотя стоит не на своем месте.

² Dio, LIV, 19.

³ Ibid., 20.— По поводу Публия Силия и его проконсульства в Иллирии см.: С. J. L., III, 2973.

⁴ О том, что Юлия отправилась на Восток вместе с Агриппой, мы знаем не только из надписей в ее честь и из ее отождествления с местными божествами, о чем мы скажем далее, но и из анекдота в F. H. G., III, 350 (Müller).

Августом древнее запрещение. Быть может, казалось неблагоприятным после утверждения закона *de adulteriis* оставлять ее в Риме вдали от мужа и отца, в полной свободе принимать ухаживания и выслушивать глупые комплименты пустого и изящного Семпрония Гракха. Возможно также, что Агриппа торопился пополнить пустоту, произведенную в его семействе усыновлениями Августа. Август, со своей стороны, освятив храм бога Квирина,¹ взял с собой Тиберия, который в тот год был претором (сенат позволил исполнять его функции его брату Друзу), с целью иметь с собой молодого человека, в уме и благоразумии которого он был вполне уверен.² Но когда он прибыл в Галлию, имя Цезаря уже отбросило германцев за Рейн. Август нашел Галлию очищенной от завоевателей и борющейся с одним Ликином, который, впрочем, был страшнее всякого завоевателя.

¹ Dio, LIV, 19.

² Ibid., 20.